

g

EX ORIENTE LUX

ВЕЩА
ВОСТОКА

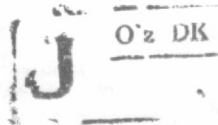
ISSN 2010-930X

4 2008

ЛИТЕРАТУРА ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИЯ КРИТИКА
ПУБЛИЦИСТИКА АРХИВЫ

ЗВЕЗДА ВОСТОКА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1932 года

**№ 4
2008**

Республика Узбекистан
Ташкент

A Navoiy nomidagi
O'zbekiston Davlat
Milliy Tibliot Markazi

Главный редактор
АЛЕКСЕЙ УСТИМЕНКО

Редакционная коллегия

АБДУЛЛА АЗАМОВ
АБДУЛЛА АРИПОВ
СУХБАТ АФЛАТУНИ
НИНЁЛЬ ВЛАДИМИРОВА
ХУРШИД ДОСТМУХАММАД
ТУЛЕПБЕРГЕН КАИПБЕРГЕНОВ
ИРОДА РАХИМОВА
РАЙХАТ САДЫКОВ
ЗОЯ ТУМАНОВА
ФАРХАД ХАМРАЕВ
МУХАББАТ ШАРАФУТДИНОВА

Общественный совет журнала

АЛЕКСАНДР ФАЙНБЕРГ
(председатель)
БАХОДЫР АХМЕДОВ
БОБУР АЛИМОВ
СВЕТЛАНА ГЕРАСИМОВА
НИКОЛАЙ ИЛЬИН
БАХТИЕР КУБЕЕВ
НАСРЕТДИН МУХАММАДИЕВ
КУВОНДИК САНАКУЛОВ
КУДРАТ ЭРНАЗАРОВ

Дизайн, верстка, оригинал-макет

АЛЕКСАНДРА АНОСОВА
АННА ЛАДИНА

На обложке

миниатюра иранского художника
РИЗА-АББАСИ

Учредители

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ УЗБЕКИСТАНА
АК «МАТБУОТ ТАРКАТУВЧИ»

Выпуск журнала осуществлен при финансовом обеспечении
Общественного фонда по поддержке ННО
и других институтов гражданского общества
при Олий Мажлисе Республики Узбекистан

с о д е р ж а н и е

поэзия

Людмила ОРЛОВА. С тобой молчать, чем говорить с другими	4
Иван БЕКЕТОВ. Полифония в Год Мыши (Отрывок)	42
Лариса ГЕНРИХОВА. Холст выбелен, как день морозный	52

проза

Ариадна ВАСИЛЬЕВА. Возвращение в эмиграцию (Роман)	6
Евгений ЯКУБОВИЧ. Пыльная мгла (Рассказ)	46
Эллен КЕЙ. Тяжело знать, что на тебя смотрят, как на проповедника злоучений (Анна Карлотта Леффлер, герцогиня ди-Кайяanelло, по личным воспоминаниям)	79

из золотого фонда «ЗВ»

Т. АБАЕВА, А. ШАМАНСУРОВА. Женщины носили мужские костюмы, ездили на лошадях и метали копыя (Второе рождение забытой рукописи)	54
---	----

караван истории

Нафас ШАДМАНОВ. О, лучший из шахов тот... (Исторические сочинения Агахи как литературный источник)	58
---	----

галерея

Н. ВАЛИУЛИНА. Пользовался благоволением шаха Аббаса (Памятник иранской живописи)	65
---	----

отель «поэзия»

Николай МАЛЫШЕВ. Нарисую снег и ветер	68
---	----

архивы и воспоминания

Светлана АСАНОВА. Прием наследника хивинского хана в доме генерал- губернатора вызвал путаницу из-за лент при орденах (Шестой Туркестанский генерал-губернатор Сергей Михайлович Духовской на страницах дневника Н.П. Остроумова)	101
--	-----

публицистика

Сергей БОРОДИН. Через процесс кристаллизации (Об узбекской народной песне)	116
---	-----

текстология смысла

Зульфия МУРАДОВА. Коль не поделишься айраном... (О семантике узбекских детских песен)	118
--	-----

литературная критика

Баходыр АХМЕДОВ. Геометрические ловушки Анны Гавальды (О романе «Просто вместе»)	122
---	-----

вымыслы и хитросплетения

Игорь ПИЛЯЕВ. Суть любого явления – в его отсутствии (Из поэтического дневника)	123
--	-----

ПОЭЗИЯ

Людмила ОРЛОВА

С тобой молчать, чем говорить с другими

* * *

Еще и листьям рано,
и травы не растут.
Весенние туманы
по городу идут.
Домов и улиц дальних
едва видны черты,
как линия в романе,
где вы и я — на ты.
Загадывать не станем —
была иль не была.
Весенние туманы —
предвестники тепла.
Весенние туманы —
кружится голова.
Легко ложатся странные
хорошие слова.
Весенние туманы —
лукавая пора.
Счастливые обманы —
с утра и до утра.

* * *

Молчать с тобой, чем говорить с другими.
С тобой терять, чем с кем-то находить.
Забыть себя, свой род, свой дом и имя,
Чем на тебя обиду затаить.
С тобой на час, чем с кем-нибудь на вечность.
С тобой навек, чем с кем-нибудь на миг.
С тобой нужда, чем с кем-нибудь беспечность.
Твое лицо, чем даже светлый лик.
Никто, ничто не вечно в этом мире,
Но я смогу чрез годы повторить:
С тобой молчать, чем говорить с другими.
Терять с тобой, чем с кем-то находить.

* * *

Я пью молодое вино,
ни капли из уст не роняя.
Светло и прозрачно оно –
в нем отсвет зеленого мая.
Беспечное детище лоз
так душу ласкает мятежно,
как запах промчавшихся гроз,
растаявших в сини безбрежной.
Весельем и страстью горят
рубины в стакане граненом...
Но горький дымок сентября
в них дышит уже потаенно.
Еще мне не раз вспоминать –
до дна! И, как водится, - стоя,
еще мне не раз горевать
над долей, над чашей пустою.
Не раз...

А покуда

дано,

я пью

молодое

вино!

проза

Ариадна ВАСИЛЬЕВА

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЭМИГРАЦИЮ

Роман

1.

Моя родословная. – Бегство. – Константинополь

Мой дед, Дмитрий Андреевич Вороновский, был военным, как вся мужская половина этой фамилии. Его отец создал первую русскую подводную лодку – субмарину, его старший брат был известным конструктором дальнобойных орудий и погиб на полигоне при испытании новой пушки от разорвавшегося вблизи заряда.

Сам дедушка, боевой генерал, воевал с турками, был награжден орденами и медалями, именным оружием, в конце службы назначен сенатором в Гельсингфорс.

В 1916 году Ее Величества Кексгольмского полка желтых кирасир генерал Вороновский вышел в отставку, мечтал спокойно прожить оставшиеся годы, но тут началась революция.

Задолго до этих событий дедушка женился на дочери известного ученого, первого в России исследователя тибетских языков. Васильев была его фамилия. Он мой прадед, и родился в конце прошлого века в семействе нижегородских писарей. Все в этой семье становились писарчуками, еще со времен Петра Великого. Бабушка рассказывала, что в кабинете ее отца в рамке на стене висела пожелтевшая жалованная грамота с царским росчерком.

С малых лет писарских детей усаживали учиться каллиграфии, но с прадедушкой вышла осечка. К потомственной почтенной профессии он оказался совершенно непригодным. Сколько ни досталось на его долю тычков и подзатыльников, писать красиво он так и не научился. Тогда за непригодностью его отдали в гимназию. Он блестяще ее закончил, шестнадцать лет поступил на восточное отделение Казанского университета, а по окончании, по рекомендации Мусина-Пушкина, был направлен в Китай, в Пекинскую миссию.

За десять лет жизни в Китае мой прадед изучил китайский, тибетский, маньчжурский, монгольский, санскрит, и я уже не знаю, какие еще языки, включая чуть ли не все европейские. Он много путешествовал, стал академиком, был признан не только в России, но и за границей, издал невероятное для одного человека количество научных трудов, имел к тому же тринадцать детей и крутой нрав.

Среди тринадцати детей был известный математик, приват-доцент Петербургского университета, другой – издатель, третий – лингвист. Бог знает, кто еще был, и

Об авторе. Васильева Ариадна Андреевна. Драматург. Писатель. Автор многочисленных публикаций в журнале «Звезда Востока», в периодической печати.

Родилась в Париже. Живет и работает в Ташкенте.

была моя бабушка – Нина Васильевна, смолянка, умница, разделившая судьбу с молодым блестящим офицером.

У дедушки с бабушкой родилось четверо детей. Дочерей-погодок звали Вера, Надежда, Любовь, сына нарекли Константином.

Вера и Надежда пошли по артистической линии, унаследовав от отца творческую жилку. Дедушка, помимо воинских заслуг, был великолепным пианистом и даже сочинял музыку. После гимназии девочки поступили в артистическую школу. Кажется, это была школа Комиссаржевской. Затем ушли на сцену. Сначала обе работали в Московском художественном театре, а позже моя мама, Надежда Дмитриевна Вороновская, ушла на провинциальную сцену.

Любовь Дмитриевна успешно окончила курсы и стала дипломированным врачом, а Константин, так уж было положено по традиции, учился в Кадетском корпусе.

Все они до революции успели обзавестись семьями и собственными детьми, да только вот у мамы семейная жизнь не сложилась. Сразу после моего рождения она развелась с мужем. Почему – не знаю. Мама никогда не касалась этой темы, я стеснялась спросить. Знаю только, что мой отец был довольно известным провинциальным артистом и режиссером, и звали его Александр Сумароков. Он не уехал, как мы, из России, заново женился и осел не то в Киеве, не то в Ярославле.

Раннее детство видится мне в неясных картинах. Вот сижу на траве под деревом. Рядом мама, дедушка и еще какой-то господин с ящиком на треноге. На мне белое кисейное платье, нас собираются фотографировать, но я не понимаю, почему надо сидеть смирно, и верчусь. Дед берет меня на руки. У него пышные усы, они щекочутся. Смешно. Солнце. Нянька Варвара идет среди сосен с большим грибом – показать.

А вот другое. Сидим в подвале ярославского театра во время мятжежа. Про мятжеж мне рассказывали позже, тогда я этого не понимала. Помню, нянька Варвара уходит на Волгу за водой, и все боятся, что ее убьют. Но она возвращается и приносит ведро холодной воды, а потом мокрой рукой вытирает мне лицо.

Мама ходит по свободному от каких-то ящиков пространству и сжимает ладонями плечи, будто ей забько. Ко мне жмутся Петя и Тата, двоюродные брат и сестра. Петя мой ровесник, а Татке полтора года. Рядом, на яшике, неловко подвернув ноги, сидит мамина младшая сестра, моя тетка Ляля. Ее никогда не звали Люба, а всегда Ляля. Она небольшого роста, и кожа на лице нежная, как у ребенка.

На коленях у тети Ляли белая салфетка, на нее она очищает от скорлупы два крутых яйца и все время просит Петю, своего сына, чтобы он придерживал маленькую сестренку.

Вокруг множество чужих женщин и детей. Детям строго-настрого запрещено шалить, все сидят смирно. Рядом и вдалеке все время бухает, отдается в ушах. Тонкой змейкой струится по стене неизвестно откуда берущийся песок.

Еще помню поезд, мы убегаем от большевиков. Петя прижимает к себе плюшевого медвежонка и отчаянно орет, а какой-то солдат хочет отнять у него игрушку. Петя заходится криком, рот у него широко открыт, солдат машет рукой и начинает ртыть в наших вещах. Бухтит:

– Одно тряпье, а еще буржуи!

Не взяв ничего, уходит.

Да не были мы никакими буржуями! Дедушка всю жизнь получал жалованье, видимо хорошее, оно позволяло прилично жить. Квартиры занимались. Сегодня бабушка устраивается в Верном¹: завтра, глядишь, мужа перевели в Ташкент, после Казань, Ярославль, Петербург, Гельсингфорс...

Да, а солдата того провели. Все наше состояние, обручальные кольца, крестильные крестики, медальон, брошку с камешком, бабушка зашила в плюшевого мишку и дала Петьке с наказом:

¹ Позже – Алма-Ата.

– Будет кто отбирать – кричи!

Смутно помню, как между отступлениями и наступлениями, в надежде на скорое освобождение России, жили на окраине Екатеринодара, в мазанке с низкими потолками, вредной хозяйкой и злым псом Тузиком. Потом тетя Ляля уехала в Одессу. Ее мужа, Алексея Антоновича Иволгина, самого молодого в нашей семье генерала, зарубили шашками красные. Кто-то из знакомых привез печальное известие, и тетя, оставив детей на бабушкино попечение, бросилась в Одессу, чтобы найти и похоронить мужа.

Налетел новый шквал, мы снова куда-то поехали. Сначала в Анапу, потом в Новороссийск. Там, в гостинице, среди разбросанных вещей и каких-то свертков бабушка впервые в жизни кричала на деда, чтобы он и не думал грузиться на пароход, пока не вернется из Одессы тетя Ляля. Но он, тоже впервые, не послушался ее и повел на пристань разбитую нашу семью. Не было в толпе рядом с нами ни тети Ляли, ни дяди Кости, ни старшей маминой сестры тети Веры. Вера осталась с мужем в Москве, дядю Костю носило по югу России вместе с отступающими частями белой армии. Что случилось в Одессе с Лялей – не знал никто. Дедушка сказал:

– Мы должны в первую очередь думать о детях.

Как мы плыли, помню смутно. Словно во сне видится темное подземелье, называемое «трюм», где лежат и сидят среди нагромождения чемоданов и тюков люди, где царствует страшный кислый запах. От него ли, от духоты ли, хотелось кричать и тошило. Дедушка гладил меня, заглядывал в глаза и тревожно просил:

– Тихо, тихо, Наточка, тихо, тихо!

Хорошо помню, как мы сходили с парохода. По наклонно поставленным доскам медленно сползали на берег длинные вереницы людей. Дедушка сказал, что теперь торопиться некуда, и мы двинулись в самом хвосте. Сам впереди, высокий, в штатском пиджаке, ступающий неуверенно под тяжестью двух чемоданов и заплечного мешка. Следом – бабушка с Таткой на руках. Татка наша совсем измучилась, не глядела по сторонам, крепко держалась за бабушкину шею и прикладывала к ее плечу головку с темными кудряшками на затылке. За ними, бочком, чтобы не поскользнуться, волоча за собой мягкий мешок с игрушками, спускался Петя. Он останавливался, оборачивался и спрашивал у моей мамы: а куда мы приехали, а как называется этот город, а куда мы поедem потом, а почему люди толпятся, это что, базар? На пристани и вправду собралась порядочная толпа приезжих.

Замыкала шествие мама. В одной руке чемодан, другой она подхватила под мышку меня, чтобы еще один любопытный путешественник не болтался под ногами. Вот так, перехваченная маминой рукой поперек живота, в несколько униженной позе, я прибыла в зарубежье. Мама опустила меня на землю, потрясла рукой и сказала:

– Ну и тяжеленная же ты стала, Наталья!

Мне было пять с половиной лет.

Первые месяцы жизни в Константинополе не оставили особых следов в памяти. Видно, большую часть времени мы сидели дома, если можно назвать домом необъятный зал в пустующем и заброшенном дворце, предоставленном для размещения части беженцев.

Покотом, вповалку, кое-как отгороженные друг от друга одеялами и простынями, навешанными на протянутые веревки, здесь ютилось около сотни русских семей. Шла весна 1920 года.

Гражданская война, о которой мы, дети, имели смутное представление, бегство, сама Россия – все осталось позади. Неустроенная чемоданная жизнь стала для нас привычным состоянием, никто ничему не удивлялся.

Привычно стало днем оставаться на попечении бабушки и сидеть в закуске, без

радости, без впечатлений, отделенными от мира серым байковым одеялом с малиновой полосой понизу. Одеяло без конца падало, и тогда открывалась перспектива прохода через зал, где, путаясь в спущенных до полу других полотнищах, бродили неприкаянные, полуголодные, не знающие, чем себя занять, дети.

Иногда мы, балуясь, поднимали занавески и заглядывали к соседям, ходили друг к другу «в гости», собирались кучками и липли к одноному мальчику Коле Малютину. Взрослые, и наша бабушка в том числе, считали Колю божеским наказанием за шумное поведение и утомляющую проказливость. Ему было тринадцать лет, он был среди нас самый старший. У него было два коротеньких не по росту костыля, он бегал, согнувшись, тукая этими костылями, и зоркие пронзительно синие глаза его замечали малейшую несправедливость. Он собирал нашего брата мелюзгу, командовал всеми и распоряжался каждым по собственному усмотрению. Мы его обожали, а взрослые недолюбливали и боялись, как бы этот непослушный мальчик не оказал на нас дурного влияния. А уж где он потерял ногу, я не знаю.

Бесплодная мамина беготня по городу в поисках работы, дедушкины каждодневные походы на пристань к прибытию кораблей из России и ожидания на холодном ветру занимали нас гораздо меньше, чем затея Коли Малютина. Он хотел выкрасть у спившегося поручика Аркадьева несколько патронов, высыпать из них порох и, бросив в мангалку, устроить «хорошенький тарарам в муравейнике», как презрительно называл Коля наше многолюдное общежитие.

В сумерках мама и дедушка возвращались. На молчаливый вопрос в бабушкиных глазах мама качала головой и говорила:

– Есть в одном месте работа, но мне это не подходит.

Дедушка вообще ничего не говорил. И без того было ясно, что ни дяди Кости, ни тети Ляли он снова не встретил.

Потом они ели остывший суп, сваренный на всех беженцев в огромных котлах во дворе, а бабушка начинала стелиться. Она ползала на коленях по тюфякам, расправляя сбившиеся за день простыни и одеяла. Дедушка ложился, и становилось видно, какой он худой и длинный. Мы трое, стараясь не стукаться об его острые локти и колени, облипали деда со всех сторон. Он читал наизусть детские стихи, Конька-горбунка, а иногда просто смотрел в пространство, не вслушиваясь в наш лепет.

Красотой в ту пору мы не блистали. Под огромными светло-кариими Петиними глазами залегали голубенькие тени и старческие какие-то морщинки, толстые Татины щеки опали, из румяных превратились в бескровные, бледные. Как выглядела я сама, трудно судить. Я была на полголовы ниже рослого Пети, коротко острижена под мальчика, руки-ноги тонкие, мосластые колени вечно сбиты. Укладывая меня спать, мама приговаривала:

– Спи, голенаственный мой петушок.

Я протестовала:

– Это не я, Петя у нас голенаственный.

Мама смеялась и добавляла:

– Оба хороши, два сапога пара.

Пока мы слушали про чудесные приключения Ивана и его конька, бабушка молилась Богу. Она просила, чтобы он сотворил чудо и вразумил оставшихся в России ее детей, как нас разыскать. Она истово шевелила губами, не сводя взора с прислоненной к подушке иконе, крестилась, неторопливо и плотно прижимала сложенные пальцы ко лбу, полной груди, широким плечам. Бабушка наша была большая, рыхлая. Мы любили сидеть на ее мягких коленях, вдыхать чуть слышный аромат когда-то надушенного платья.

Томительными, нескончаемыми вечерами мама сидела на краю постелей. Сидела недвижимо, мрачно глядя перед собой. Если я подползала – вздрагивала, словно очнувшись, обнимала и прижималась губами к моему виску.

Господь Бог сотворил чудо! Дядя Костя прибыл в Турцию с последним пароходом в самом конце февраля. Приехал грязный, заросший, печальный. Петя подошел к нему, прижался, обнял крепкие дядины ноги, задрал голову и спросил:

– Дядя Костя, ты разве стал нищим?

А бабушка погнала нас от него и не подпускала до тех пор, пока не собрала чистую одежду, а его белье свернула и унесла сжигать.

С приездом дяди Кости отпала необходимость продавать бабушкино обручальное кольцо. Он устроился в русский ресторан «кухонным мужиком», попросту говоря, мойщиком посуды, и обеспечил прожиточный минимум на первых порах.

В конце марта дедушка заболел воспалением легких.

Мы жались в кучку и испуганно смотрели, как наш обожаемый дед мечется в жару. А мама подкладывала и подкладывала под его голову подушки, свернутые мягкие вещи, чтобы он не задыхался. Окружавшие нас люди старались говорить вполголоса. Только однажды ненавидимый Колей Малютиным поручик Аркадьев, явившись в сильном подпитии, стал посреди прохода и заорал, призывая мужское население общежития к бунту и неповиновению властям, неизвестно каким – русским или турецким. Тогда Коля Малютин подошел, стукнул костылями, и прошепел, швырнув слюной:

– Господин поручик! Здесь генерал умирает.

И поручик Аркадьев, красноречивый, пытаясь, не схватил, по обыкновению своему, Колю Малютина за вихор, а, напротив, прижал палец к мясистым губам под прокуренными усами:

– Забыл... Пardon... Да, генерал... Извините.

Позже дедушку отгородили от нас простыней. Больше всех сердилась Татка. Обиженно сверкая черными глазами, она выговаривала бабушке и маме:

– Вы зачем дедушку спрятали?

Потом его увезли в госпиталь, но спасти не смогли.

Хоронили генерала Дмитрия Вороновского при большом скоплении народа. Было много военных. Они подходили к бабушке, говорили слова утешения, шелкнув каблуками, отходили, уступая место другим. Бабушка, очень бледная, но с сухими глазами, даже в этот день умудрялась найти для каждого из этих знакомых и незнакомых людей ласковое слово. Казалось, не они ободряют ее и жалеют, а она их.

Потом военные собрались на небольшой совет. Они страстно желали произвести прощальный салют над дедушкиной могилой. Колю это страшно заинтересовало, и он твердил бегавшему за ним, как собачонка, Пете:

– Залп! Представляешь себе? Это из ста ружей как бабахнет!

Но турецкие власти не разрешили открывать пальбу из-за смерти какого-то русского. Дедушку похоронили без воинских почестей, в молчании. Только билась в руках дяди Кости и страшно рыдала моя мама.

Вечером, после скромных поминок, дядя Костя вышел во двор почистить дедушкин пистолет, и пистолет этот сам собой выстрелил. Пуля никого не задела, но выстрел оставил огромное впечатление.

– Вот и получился салют над дедушкой, – сказал Пете дядя Костя, – так-то, брат.

Вот я пишу – генерал, генерал, а ведь это для меня совершенно пустое понятие. В моем сознании дедушка как-то не «генерализируется», хоть и доводилось мне видеть его в мундире, при орденах. Для меня он был просто дедушкой. Генерал, как я думала в детстве, – это другое. Обязательно на коне, с шашкой. Шашка у деда была, а вот как он мог бы выглядеть верхом – не представляю. В нем было почти два метра роста. И полк его, этих желтых кирасир, я видела лежащими в коробке оловянными солдатиками в синих мундирах с желтой окантовкой.

Как дедушка воевал, за что получил именную шашку, почему его назначили сенатором в Гельсингфорс — не сознаю, право, до сего дня. После него не было в нашей

семье государственных деятелей. Мы не только не служили больше своему отечеству, но даже и в отечестве самом не жили. И только бабушка до конца своих дней оставалась вдовой генерала, Вашим Превосходительством, уважаемой Ниной Васильевной.

Она первая пришла в себя после похорон любимого мужа. Какими усилиями непреклонной воли ей удалось стереть скорбь с осунувшегося лица, никто никогда не узнал. С молчаливого согласия остальных она встала во главе нашей семьи. Всегда спокойная, ровная, она никогда не повышала голоса. Навеки закрепив на воротнике платья дедушкин генеральский значок, бабушка повела всех нас через бури и невзгоды первых лет эмиграции. Одно терзало и мучило ее всю жизнь — невозможность после отъезда из Турции побывать на могиле мужа, украсить ее цветами, обновить стирающуюся с годами надпись на деревянном кресте.

Через много-много лет, уже из Парижа, кто-то из знакомых умудрился поехать в Константинополь на поклон к дорогим могилам. Он и привез весть, что греческого кладбища, где хоронили русских эмигрантов, не существует больше. Его сровняли и провели по нему широкую магистраль.

2

Антигона. – Тетя Ляля. – Ночной ресторан. – Дети и взрослые

Весной 1920 года турецкие власти стали расселять свалившихся на их головы беженцев. Дядю Костю и бабушку куда-то вызвали и предложили переехать на Антигону.

В апреле мы, то есть бабушка, мама, дядя Костя да нас трое, вместе с двумя десятками других семей погрузили пожитки на шаркет, маленький пароходик, и отправились на Антигону. Ехал с нами и Коля Малютин.

В Мраморном море, теплом, прозрачном, словно не вода в нем, а сгустившийся воздух, едва-едва видимые с берега в ясные утренние часы, нежатся под солнцем сонные Принцессы острова. Одни – просто голые скалы, другие населены турками и греческими рыбаками. Один из них называется Антигона.

Не остров, а рай земной. Он порос инжирными деревьями и кипарисами. Небольшие домики греческого поселения погружены до крыш в темную зелень; свисают через глинобитные стены-ограды виноградные лозы. На острове с незапамятных времен стоит греческий монастырь. Давно покинутый монахами, он возвышается на горе обособленно от поселка. Бывшие кельи отданы русским беженцам.

И вот однажды от игрушечной пристани по пыльному проселку потянулась череда людей, с чемоданами, узлами, с ноюшими, проголодавшимися детьми. По обочине шкандыбает Коля Малютин и покрикивает:

– Гей, гей, смотреть веселей! Мелюзга, не нить!

Бабушка несет на руках Тату, задыхается на подъеме. Седые волосы выбились из всегда аккуратной прически, липнут к щекам.

Бабушка начинает отставать, опускает на землю Тату. Мимо идут люди. Сероглазая девушка Лиза, сестра милосердия и совсем одинокая в эмиграции. Она романтически убежала из дому вдовонку за пожилым и женатым врачом, а он взял и умер от тифа на острове Халки.

Семейство адвоката Олсуфьева. Сам адвокат в пенсне, с бородкой, в сюртуке, поношенном и потертом; худенькая его жена, заботливая хлопотушка, и две девочки, очень важные, совсем большие по сравнению с нами. Старуха Рыжова, заботливо поддерживаемая сыном-гимназистом, растерянная, ворчливая, одетая в допотопный салоп... Учитель истории с женой и сыном-подростком. А там идут еще, незнакомые, – женщины с младенцами, старухи, мужчины, два седовласых старца с палочка-

ми и страшно самостоятельный карапуз. Он без конца убегает от матери. Она догоняет его, ловит, и оба смеются, позабыв обо всем на свете. На них улыбочиво поглядывает молодой офицер в наброшенном на плечи морячком кителе без погон.

Поравнявшись с бабушкой, он нагибается, подхватывает Татку и несет дальше. Ни у него, ни у жены его, матери маленького шалуна, нет никаких вещей, кроме небольшого перевязанного крест-накрест пакета.

Вскоре разношерстная толпа оказывается на горе. Здесь растут темные кипарисы, и за ними виднеются ворота монастырской ограды. Сразу за воротами стоит предназначенный для нас двухэтажный дом.

После константинопольской тесноты это огромное жизненное пространство с крохотной, едва приспособленной для стряпни на примусе кухне, где и влоем невозможно было развернуться, всем нам пришлось по душе. Спали мы здесь не на полу, а на настоящих пружинных кроватях, правда, немного продавленных. Но дядя Костя перетянул сетки веревками, спать стало удобно и мягко.

Расцветала весна, кроткая, с кислыми виноградными листиками, покрытыми младенческим пухом. На море невозможно было смотреть, не прищурившись, так сверкало оно под безоблачным небом. А через две недели после переезда случилась великая радость. Объявилась, разыскала нас живая и невредимая тетя Ляля.

Мы играли втроем в самой большой из наших комнат, как вдруг дверь грохнула, распахнулась, и к нам ворвалась женщина. Совершенно чужая женщина в синем костюме с матросским воротником. Она была мала ростом, лицо белое, без кровинки, остановившийся полубезумный взгляд. Татка закричала, а женщина пала перед нами на колени (мы сидели на полу), обхватила сразу всех троих тонкими, обнаженными до плеч руками и принялась осыпать поцелуями, куда на кого придется. Татка отбивалась и редела, а Петька сразу узнал ее и повторял в забытии:

– Мама, мама, мама! Мамочка наша приехала!

Тогда и Татка осмелела и, сквозь слезы, нерешительно спросила:

– Ты, правда, моя мама? – и, прильнув к обретенной матери, зашептала в ухо: – Где ты так долго? А у нас тут без тебя дедушка умер.

Полностью восстановить картину ее странствий теперь невозможно. Мужа своего, Алексея Антоновича, тетя Ляля похоронила. Она отдала какому-то оборванцу золотой крестильный крест, и тот помог извлечь из наполовину засыпанной ямы изрубленное тело. Отпевала она его почему-то ночью в маленькой церковке на окраине Одессы. Откуда она узнала, что мы в Турции, для меня тайна. Она перешла границу с Румынией. Возможно, шла не одна, кто-то помогал. В Румынии она добралась до французской миссии, и французы переправили нашу настырную тетку в Константинополь.

С возвращением тети Ляли жизнь стала налаживаться. Тетка тверже мамы стояла на ногах на грешной этой земле. Она, например, сразу приняла предложение дяди Кости поработать кельнершами, так называют за границей официанток. Она трезво оценила обстановку в Константинополе.

– Почему ты не хочешь? – удивленно спросила она маму.

Мы, разумеется, вертелись в комнате, где они сидели.

– Не знаю, боюсь, – виновато взмахивала ресницами мама.

– Клиентов боится, боится, что приставать будут, – пояснил дядя Костя и стал разглядывать руки в мелких черных трешинках.

– Глупости, – возмутилась тетка. – Не давай повода, никто не пристанет.

– Не скажи, – мягко возразил дядя Костя и виновато посмотрел на маму.

Тетка грустно усмехнулась, подошла к сестре, обняла со спины и начала вместе с нею покачиваться из стороны в сторону.

– Бедная моя, бедная, – шептала она, – а что поделаешь, что? С голоду подышать начать? Собирайся. Завтра встанем, сядем на пароходик, съездим в город, устроимся, заработаем кучу денег. А? – И, перегнувшись через мамино плечо, заглянула в ее

глаза: – Да не плачь, дурочка, это же временно, это же не навсегда. Все еще будет. И театр твой будет, и все-все.

– Ты думаешь? – подняла на нее мама глаза, полные слез.

– Уверена. Разве это может продолжаться до бесконечности?

Тетя Ляля вдруг искоса посмотрела на нас.

– Нет, я не могу! Вы только полюбуйтесь. Сидят, уши развесили, рты пооткрывали...

Дядя Костя, очнувшись, сделал зверское лицо:

– А ну, брысь отсюда! До чего распустились!

В притворном испуге мы бросились в другую комнату. А картина эта так и осталась в памяти. Деланно строгий дядя, две обнявшиеся сестры.

Они были на удивление несхожи. Тетя Ляля порывистая, ловкая, лицо открытое, ясное. Точно очерченные дугой темные брови, пронизательные светлые глаза, взгляд быстрый, умный. Она коротко стригла слегка завивающиеся на концах волосы и была бы просто хорошенькой маленькой женщиной, если бы не властность и целеустремленность ее натуры. Она сохранила тонкую талию и мальчишеские движения.

Мама, напротив, не располнела, нет, округлилась. При хорошем росте, при великоколенной, вымуштрованной театральной осанке, что придавало ее внешности особую горделивость, можно было счесть ее человеком сильным. Но стоило окликнуть маму, заставить ее повернуть милое, с изумительно выточенными чертами лицо, осененное короной огромной золотой косы, как сразу очевидной становилась ее внутренняя слабость. Робкий взгляд ее немного выпуклых серых глаз как бы говорил: «Возьмите меня за белую руку, уведите из этого ада и навсегда избавьте от необходимости принимать самостоятельные решения».

И тетя Ляля взяла ее за руку, отвезла на следующий день в Константинополь, где их по усердной дядиной рекомендации приняли в русский ресторан кельнершами. Врача и артистку.

Вставать теперь им приходилось рано, возвращаться затемно, а иной раз и вовсе не возвращаться, когда была их очередь работать в ночное время. Ресторан не закрывался круглые сутки. Бабушке все это не нравилось, она часто говорила сыну:

– Уж ты, Костенька, присматривай, чтобы Лялю и Наденьку не обижали.

Но скоро за мамой и теткой некому стало присматривать. Дяде Косте подвернулась более выгодная работа. Он начал ходить с греческими рыбаками в море.

В середине лета наша семья пополнилась еще одним членом. Словно из небытия, посылкой по почте (честное слово, я не шучу) прислали из Финляндии к нам единственную дядину дочь Марину.

В начале гражданской войны жена дяди Кости Ольга Павловна гостила у родственников в Финляндии. Когда все началось, когда мир окончательно сошел с ума, бедная женщина, потеряв голову от беспокойства, кинулась искать средства попасть в Россию, но бабушки и тетушки уговорили ее оставить ребенка у них до полного выяснения обстоятельств. Она согласилась, уехала одна и пропала. Что с нею случилось, куда она исчезла, так никогда и не узнали. Скорее всего, погибла.

Из Турции дядя Костя писал в Финляндию, и милые родственники, не найдя ничего лучше, отправили пятилетнего ребенка с какой-то почтовой фирмой через Польшу и Румынию прямехонько в Константинополь, а уже оттуда – на Антигону.

И вот в жаркий полдень, когда жизнь на острове замирает, и все живое стремится уползти в тень, некий дядя приводит в наш дом девочку, чинно держа ее за ручку. Говорит по-французски, вежливо осведомляется, попал ли он по нужному адресу, просит бабушку поставить подпись под какими-то документами и, еще более вежливо попросившись, уходит.

Засунув палец в рот, что выражает у нее высшую степень удивления, одетая в одни трусики, с голым перемазанным пузом, Татка молча созерцает явившееся в

наши пенаты диво. Мы с Петей стоим рядом. Петька в коротких штанишках с лямками, заросший, как деревенский мальчик, крутит большим пальцем босой ноги, словно хочет провертеть дыру в шелястой доске пола. Глаза его широко открыты, и рот он приоткрыл, позабыв о шербинке на месте выпавшего молочного зуба.

Мне, одетой в выцветший розовый сарафанчик, неудержимо хочется смеяться, но я не смею. Изю всех сил поджимаю губы и пытаюсь сообразить, кто это. Девочка томно поглядывает на нас. На ней длинное шерстяное платье с пелериной, руки затянуты в кружевные перчатки-митенки.

Медленно, как во сне, бабушка опускается на колени перед этой смешной барышней, и та вместе с перчатками и пелериной утопает в расплывшемся бабушкином теле. Барышня говорит почему-то басом:

– Бабушка, я приехала. Бери меня.

И бабушка ее взяла.

На другой день, в таком же линялом, как мой, сарафане, босоногая Марина гоняла по острову, навсегда позабыв о зонтике и митенках. Упрругие толстенькие косяцы, предмет моей тайной зависти, прыгали у нее за спиной.

Первым делом мы повели ее к морю. И хотя оно было спокойным и ласковым, Татка сейчас же предупредила:

– Купаца низзя, бабушке скажу.

– Что ты скажешь, что ты скажешь! – насканивал на нее Петя. – Ябеда! Никто и не собирается купаться.

– Вот и прекрасно, – важно отвечала та, подозрительно копируя бабушку.

Она усаживалась в тени каменных глыб на теплую гальку, рылась, отыскивая цветные камешки, забыв обо всем, разговаривала сама с собой. А мы, заголившись, лезли в воду и «макались», зорко следя, чтобы мадам Лис, как мы дразнили Татку, не подсматривала.

Купаться без взрослых запрещалось из-за меня. Однажды (это было незадолго до Марининого приезда) я притащила к морю оцинкованную лоханку для стирки, спустила ее на воду, вошла, оттолкнулась и поплыла.

И поплыла и поплыла по мелкой волне, не соображая, что малейшее неверное движение – лоханка перевернется, я камешком пойду ко дну, и вся моя песенка, бесечно напеваемая, будет спета.

А пела я про белый веселый кораблик, который бежит и бежит по волнам.

Метрах в двадцати от берега меня выловил Коля Малютин. Он плавал всем на зависть, как рыба. Он благополучно доставил меня к бабушке вместе с лоханкой и важно поучил ее превосходительство, как надо смотреть за ребенком.

Бабушкины нервы не выдержали. Я получила пару шлепков по специально предназначенному для воспитательных воздействий месту. Надувшись, стояла в углу, надеясь, что этим и кончится, но вечером за меня взялась мама. О, она ни разу в жизни не подняла на меня руки. Она усадила шалое свое дитя на колени, прижала к теплой груди и долго шептала на ухо, как нехорошо причинять маме горе, когда и без того кругом столько горя, и как я могла не подумать, что с нею, с мамой, будет, если я утону.

Бабушкины шлепки – шекотка. Всплакнула для видимости, и все. А тут со мной сделалась истерика. Пришлось прибегнуть к валерьяновым каплям из теткиной аптечки. Бабушка цедила капли, наклонив над стаканом пузырек темного стекла, и шепотом ругала маму за изуверские приемы воспитания и без того впечатлительно-го ребенка.

С тех пор бабушка никогда не запрещала нам дружить с Колей Малютиным. Когда мне исполнилось шесть с половиной лет, он принял меня в группу обучающихся плаванию, и командовал:

– Воздух набирай! Надувай щеки! Да не колоти ты ногами, ты лягушкой, лягушкой пихайся!

Все дети довольно быстро выучились плавать и устраивали вдоль берега веселые перегонки под присмотром одинокой Лизы. Взрослые уговорили, и Лиза устроила что-то вроде импровизированного детского сада. Собирала детей, читала вслух, учила водить хороводы, разбирала ссоры, вытирала носы, умывала мягкой ладошкой самых чумазых, наклонив над солнечным мелководьем. У Лизы были румяные щеки и длинная русая коса. Когда Лиза наклонялась, коса сваливалась в воду и намочала. Мы бросались отжимать волосы, окатывали ее солнечными брызгами с головы до ног. Лиза брызгалась в ответ и весело хохотала.

За возню с нами ей что-то перепадало от взрослых – немного денег, немного продуктов. С того и жила.

На Антигоне я влюбилась в море. Особенно прекрасно оно было в предзакатные часы. Отняв у неба багряные, золотые, нежные, словно лепесток розы, оттенки застывшего на миг заката, нежилось оно в полном безветрии, без единой морщинки, без всплеска.

В километре от нас, внизу, в поселке, жили греческие рыбаки. С детьми рыбаков мы находились в состоянии постоянной вражды. Они не любили нас, незваных пришельцев, мы не любили их. К тому же они жестоко обращались с животными, особенно с кошками.

И вот на кошачьей почве родилась наша великая дружба с Таткой.

До этого момента она нам просто мешала. Ей было три с половиной года, она повсюду тащилась за нами, старшими, и ныла:

– Возьмите меня за ручку-у!

Петя поздоровел и окреп на Антигоне. До этого тихий, он расшалился не хуже любого другого мальчишки. Шестилетняя Марина сразу примкнула к нам, хоть Петька командовал ею, как хотел. Я была под стать своему братцу, и не раз нам с ним попадало на равных. Татке же, баловнице, все сходило с рук.

Мы старались всячески от нее избавиться и удрать из дому, оставив маявку на попечении бабушки. У бабушки дел было по горло, и момента выставить «ораву» на прогулку, чтобы спокойно постирать или пострепать, она всегда ждала с нетерпением.

– Пе-тя! Сейчас же возьмите с собой Тату! – кричала она нам.

Приходилось возвращаться, с кислым видом собирать ее мешочек, совочек и прочую дребедень, брать ее самоё, с ее хитрющим лисьим взглядом из-под ресниц, и внимательно следить, «чтобы солнышко не напекло головку, чтобы муравей ее не кусал, чтобы никто, не дай Бог, не обидел». А она, неблагодарная, после каждой нашей проделки влезала к бабушке на колени и докладывала:

– Ты знаешь, бабушка, Петя и Наташа за фигами полезли, а дядя в платице на них кричал, кричал...

При этом она делала страшные глаза и расставляла руки с растопыренными пальцами.

Это означало, что мы воровали инжир в монастырском саду, что снова придет сухонький, сморщенный попик и будет на нас жаловаться. Мадам Лис, одним словом.

Итак, в незадавшийся с самого начала воскресный день мадам Лис плелась за нами на толстенных ножках, гундела по обыкновению и требовала, чтобы мы вели ее на берег, а нам, именно сегодня, хотелось в любимое укромное место между стенами двух домов. Там росло тощее, вытянутое в длину дерево, а в тайнике у самых корней хранились наши сокровища – зеленая пробка от графина, связка потрепанных павлиньих перьев и статуэтка негритенка с отбитой ногой и треснувшей головкой.

Не доходя до места, мы с огорчением увидели, что тайник обнаружен и разорен, перья, окончательно поломанные, валяются на траве, а вокруг дерева сгрудились мальчишки-греки. Мы решили смяться, пока не поздно, как вдруг из толпы их донесся мученический кошачий вопль.

Татка преобразилась. Глаза стали совершенно круглые, губы как-то вытянулись в дудочку и, тупо-тупо ножками, ринулась она напрямик туда. Мы и ахнуть не успели. Она влетела в проем между домами, дикая маленькая фурия, и иступленно заорала: – Не можете бить кисю! Не можете бить кисю!

Хотя кисю никто не бил, кися благополучно висела на веревке, извиваясь телом, отчего сотрясилось все дерево.

Странно, но мальчишки разбежались. Они молча смотрели издали, как мы, медленно овладев полем боя, раздвигаем петлю, высвобождаем увесистого полосатого кота, гладим его, приводим в чувство. Потом мы понесли несчастного висельника домой. Недруги молча пропустили нас и долго провожали черными диковатыми глазами, затененными бархатными ресницами.

Так в наше общество полноправным и уважаемым членом вошла Татка и вместе с нею спасенный кот Минус, благосклонно принятый в дом всеми, даже дядей Костей. Смешное имя он получил от тети Ляли.

То ли оттого, что он побывал на грани жизни и смерти и краем изумрудного глаза видел страну, где нет печали и вздыхания, то ли у него от природы был такой нрав, но это был не кот, а золото. Куда бы мы ни шли, он бежал следом, важно неся подрагивающий на кончике хвост. Пробираясь по берегу, по гальке, ему было трудно, он уставал, садился и тоненько мяукал. Тогда Петя брал его на руки. Кот сидел смирно, опираясь лапками на его плечо, глядел с любопытством по сторонам, насторожив вперед аккуратные острые ушки.

Минус участвовал и в домашних играх, исполняя роль моего и Петиного сыночка. Мы одевали Сыночка в кукольную одежду, катали в импровизированной коляске. Маринка лечила его от кори, а Татка была Страшным Турком. Для этого брались ножны дедушкиной шашки (саму шашку нам не давали), на Татку наматывалось всякое тряпье, отчего она становилась толстой и неуклюжей, кусочком угля Марина рисовала ей усы – получался Страшный Турок.

Турок топал ногами, размахивал шашкой и кричал диким голосом. Он отнимал у нас дорогого Сыночка, а мы выкрадывали его обратно, убегали от Турка, скакали на лошадях, переплывали на утлом суденышке море. А он повсюду настигал нас, стучал ногами и грозил саблей.

Наконец Сыночку вся эта музыка надоедала. Не снявши ни кукольного платья, ни чепчика, он сигал в окно, а Татка садилась на пол и хрипло просила:

– Растряпьте меня, а то я вся паркая.

Кукольные одежды, изрядно испачканные, находила в саду бабушка и ругала нас олухами царя небесного. Она немного тряслась над присланными из Финляндии, вместе с дедушкиной шашкой и кое-какими вещами, двумя куклами. Боялась, что если мы будем с ними неаккуратно обращаться, то останемся совсем без игрушек. Особенно дорога ей была небольшая фарфоровая кукла. Мы же эту красотку недолюбливали, вечно ставили в угол, и предпочитали старого облезлого мишку с заштопанным животом.

Бабушка много возилась с нами. Мыла, кормила, обшивала, обстирывала, читала вслух немногочисленные книги. Они каким-то чудом сохранились в наших странствиях. Далеко не все подходило для нашего возраста. Раз дядя Костя купил в Константинополе у какого-то русского две книги. Роман Лидии Чарской про бледную княжну Джаваху и еще одну, но названия я не помню. Да и никто его не знал, – обложка была оторвана. Тетя Ляля поворачивала ее и так и сяк и издевалась над братом.

– Скажи спасибо, – отмахивался дядя Костя, – что и это есть.

Безымянную книжку зачитали потом до дыр. Сюжета я не помню, но в тексте была одна, несколько раз повторяемая фраза: «Сэр Роберт баклана убил». Она смешила нас до икоты. Стоило бабушке дойти до этих слов, как мы начинали дико ржать, а бабушка обижалась.

Русской школы на Антигоне не было. Пока нам было по шесть лет, это никого не

волновало. Сетования соседей по этому поводу нас как бы не касались. Но после первой дождливой и нудной зимы, после бесплодных переговоров на эту тему, бабушка решила сама обучать нас грамоте. Вместо букваря взяли растрепанный томик Пушкина. Я, Петя и Марина научились читать довольно быстро. На специально разлинованных бабушкой листах бумаги мы старательно выводили все из того же Пушкина: *бу-ря мгло-ю не-бо кро-ет*.

Учиться с бабушкой было легко и весело. Она часто прерывала урок, рассказывала интересные истории про Россию, как сама училась в Смольном институте, и какой у них был замечательный бал в день выпуска, и как она познакомилась с дедушкой на этом балу. Она много рассказывала нам и про него. Про турецкую войну, про службу в Ташкенте. Дедушка представлялся нам сказочным богатырем, молодым и непобедимым.

Наговорившись, она спохватывалась:

– Опять заболталась, а задачки ни одной не решили.

И начинала таинственно, поглядывая поверх очков:

– Наташа сорвала три фиги, Мариночка тоже три, а Петя – четыре. Сколько всего будет?

Под бабушкину руку подлезла Татка, заглядывала ей в рот и шепотом спрашивала:

– А мне они дадут?

Во время наших занятий она вела себя тихо или делала вид, будто тоже читает. Подносила книгу к самому носу, вытягивала губы и бормотала: «Киляма, каляма, гудика».

Пустыми вечерами, если мы знали, что мамы наши не приедут из Константинополя, засиживались перед керосиновой лампой за игрой в лото. Часов в десять Татка начинала тереть глаза.

– Бабушка, пойдём делать «амень».

Это означало, что ей все надоело и она хочет спать.

В соседней комнате, одетая в длинную до пят рубашку, Татка молилась, повторяя за бабушкой «Отче наш». Договорив молитву до конца, до слова «аминь», она делала хитрую мордочку и показывала на дверь:

– А «амень» там!

И никто не мог понять, что это значит и где находится таинственный «амень». Но бабушка однажды догадалась спросить:

– Где «амень», Таточка, покажи «амень».

Татка охотно соскочила с постели и, путаясь в подоле рубашки, повела ее в соседнюю комнату. Там, над нашей с мамой кроватью, висела тряпочка, изображавшая коврик, с едва заметным, вытершимся оленем.

– Вот, – показала Татка, – «амень».

И смотрела на всех страшно довольная.

В числе других уроков был у нас еще Закон Божий. Бабушка рассказывала библейские истории, читала вслух Евангелие и объясняла непонятное. С особым увлечением мы слушали про Ноя, про казни египетские, про бегство евреев, про Иова, про жертвоприношение Авраама. А еще мы любили, когда бабушка слабым, чуть дребезжащим голосом пела: «Был у Христа-младенца сад». Глаза ее при этом мечтательно улыбались, от них расходились морщинки-лучики.

Наслушавшись библейских историй, мы бросили играть в Страшного Турка и взялись за Ноя. Из стульев строили ковчег, накрывались сверху одеялами, сажали с собой каждой твари по паре – кота Минуса и собаку Ксипси. Сорок дней и ночей плыли по водам, Господь Бог – Татка – отверзал хляби небесные, поливал нас из лейки, в которой, конечно же, не было ни капли воды.

Моим задушевным, самым верным другом в то время был Петя. Соседские дети дразнили нас женихом и невестой, но это была неправда. Мы всегда оставались

братом и сестрой. Мы часто уединялись,веряли друг другу все секреты. Петя мечтал о путешествиях в дальние страны под впечатлением бабушкиных пересказов Фенимора Купера. Глаза его горели, побежденные индейцы разбегались в разные стороны. Несмотря на все свои проказы, Петя был мечтательным и застенчивым мальчиком. Он обожал мать, но чувства свои особенно не проявлял, лишь ходил за ней по пятам, если она бывала дома. Тетя Ляля даже сердилась:

– Петя, что ты ходишь за мной как на веревочке привязанный? Иди, займись каким-нибудь делом.

Тогда Петя начинал беситься – скакал по комнатам на воображаемой лошади, прыгал на кровати или подкрадывался к Марине и подкидывал ее косы.

– Петька! – отмахивалась Марина, – не мешай мне! Видишь, я думаю.

Странная она была девочка, Марина, молчаливая, мрачноватая. Иногда на нее «находило». Она начинала прятаться от всех, сидела в дальней комнате, глядя перед собой в одну точку. Бабушку это очень волновало, она шепотом докладывала вошедшему поздно вечером дяде Косте:

– На Мариночку снова молчун напал.

Дядя Костя на цыпочках приближался к Марининой кровати и тревожно вглядывался в лицо спящей дочери.

Но бывали вечера, когда все семейство наше собиралось вместе. За ужином, за разговорами, время летело быстро. Я замечала, как мама все чаще и чаще трет лоб. Тогда я пристраивалась за ее спиной, вытаскивала шпильки из золотой прически. Мама очень уставала от толстой косы. С последней шпилькой коса падала, чуть-чуть не доставая кончиком до полу, а мама становилась совсем молоденькая.

Марина залезала в кольцо дядиных рук, сидела в неудобной позе на кончике табуретки, внимательно разглядывая каждого.

Петя пристраивался сбоку от тети Ляли. Но вот, разбуженная голосами, на пороге появлялась Татка. Сонная, взлохмаченная, в ночной рубашке, она начинала ревниво оттеснять брата.

– Уйди!

Между ними начиналась ссора. Тогда тетя Ляля с терпеливым лицом усаживала Татку на колени, Петьку обнимала свободной рукой, после чего Татка засыпала, прикрывшись материнским плечом. Через некоторое время тетя Ляля уносила ее и снова укладывала, но чаще всего Татка опять просыпалась и требовала, чтобы с ней играли.

Вечерние посиделки заканчивались всегда одинаково. Мама поднималась, целовала бабушку и говорила:

– Пора и честь знать, завтра вставать чуть свет.

Обнимала меня за плечи и вела в нашу комнату.

То зарываясь с головой в одеяло, то вылезая из-под него, я копошилась в кровати, отыскивая местечко поудобнее, и ждала, пока мама кончит переплетать косу, возиться за занавеской, где на палочках с веревочными петлями развешаны были ее платье и блузка с юбкой.

Я прислушивалась к звукам из соседних комнат. Слышно было, как молится на ночь бабушка, как приговаривает что-то она потом над уснувшей Мариной, перекладывая ее ближе к стене, как ложится рядом, и кровать, скрипя, угружает под нею. А то прозванивал вдруг взрывной Таткин смех, это она просила, чтобы ее пошекотали. Попытка разгуляться заканчивалась всегда одинаково. Дядя Костя, спавший в коридорчике, грозно вопрошал:

– Кончится этот балаган – нет?

Испуганно пискнув, Татка умолкала, а тетя Ляля начинала напевать вполголоса. От монотонного теткиного «баю-баюшки-баю, не ложися на краю» и у меня начинали слипаться глаза, но тут мама укладывалась рядом. Начиналось самое золотое мое время. Тихо-тихо, в самое ухо, мама рассказывала про свое детство, про арти-

стическую школу, как она играла в Московском художественном театре, а потом ушла из-за тети Веры. Я перебивала:

– А где она, тетя Вера?

– Она осталась в России, – отвечала мама и умолкала.

Иногда мама читала наизусть целые страницы из пьес. Больше всего я любила из «Горя от ума» и «Снегурочки».

Иной раз в полуоткрытую дверь просовывалась голова дяди Кости.

– Девочки, вы не спите?

– Не спим, Костенька, не спим. Иди, поболтаем, – отзывалась мама.

Стараясь не скрипеть разошедшимися половицами, дядя Костя делал на цыпочках несколько больших шагов и, белый, в рубашке и кальсонах, садился на край кровати. В полусвете выползающей из-за дома луны он становился похожим на дедушку, хотя днем я этого сходства не замечала. От дедушки у него были только прямые брови и широкий с мысыком волос лоб. В отличие от высокого поджарого дедушки дядя Костя был коренаст и необыкновенно силен. При желании он мог согнуть и разогнуть кочергу. Короткая, красная от загара шея ладно сидела на широких плечах. Мы часто просили, чтобы дядя показал «силу». Он, пряча усмешку, сгибал напряженную руку, и мы с уважением трогали железный мускул. Не случайно, наверное, взяли его в команду греческие рыбаки и всегда честно делились доходами от проданной рыбы.

Дядя не был таким образованным, как мама и, особенно, тетя Ляля, но в природном уме ему нельзя было отказать. Единственный его недостаток – он был немножко зануда. Мы от души прощали бабушке легкие шлепки и стояния в углу, но до чего же было невыносимо выслушивать монотонные дядины нотации. Особенно страдал от них Петя, главным образом от требования смотреть прямо в дядино лицо, важное, значительное, с направленными в упор обличающими глазами.

В их полуночных разговорах с мамой я не участвовала. Становилось скучно. А он рассказывал и рассказывал про какой-то галлиполийский лагерь, как там тяжело, как люди умирают от тифа. В полусне грезился этот лагерь – выжженная под солнцем площадка без единого деревца, с низкими и длинными, вросшими в землю бараками. Прямо на земле сидят люди, оборванные, грязные, и чистят ружья. Чистят, чистят, а солнце печет. Им хочется пить, а вода в колоде плохая, в воде плавает Тиф, черный, колючий, похожий на морского ежа, только в тысячу раз больше. Он ворочается в колоде, ухает, булькает – все его боятся. Я крестилась под одеялом, благодарила Бога, что наш дядя Костя не попал в этот лагерь.

Спустя много лет от другого человека, побывавшего там, я узнала подробности про галлиполийский лагерь, куда были согнаны прибывшие из России остатки армии барона Врангеля.

Это была, действительно, лишенная растительности местность, с лютыми ветрами зимой и палящим зноем летом. Там действительно умирали от тифа солдаты, да еще и расстреливали их после очередных бунтов с требованиями качественной воды и пищи. В лагере царила никому не нужная муштра, разнузданный, никем не контролируемый российский произвол. Все это делалось, чтобы, собравшись с силами, идти отбирать у большевиков Россию. Сил оказалось недостаточно, лагерь прекратил существование, оставив после себя кресты на могилах русских солдат и офицеров.

Дядя Костя избежал этой участи. Его никогда не трогали. Он был единственным мужчиной в многодетной семье.

О чем еще говорили брат и сестра, шепотом, в ночи, в бывшей монастырской келье на забытом людьми и Богом турецком острове Антигона? Дядя вспоминал жену, все разгадывал тайну ее исчезновения, но надежды на возможную встречу не было в его голосе. Договаривались они в ближайшее воскресенье поехать в Константинополь на дедушкину могилу, заказать молебен, полить цветы. Я смутно понимала, что дедушка ушел только из нашей, из детской, жизни, а взрослые помнят его и горюют.

Иногда, проверив, уснула ли я, мама начинала жаловаться на донимающих в ресторане клиентов.

– И вино заставляют пить, и кокаин нюхать. Отказываться нельзя, сам знаешь. О, грехи наши тяжкие...

Рассказывала мама про какую-то свихнувшуюся Настю Лозовую. Я думала, речь идет о сошедшей с ума женщине, но мама пробормотала стихок из популярной ресторанной песенки:

*Ты едешь пьяная и очень бледная
По темным улицам Саккизагач...*

И стало совсем непонятно.

Беспокоились они о будущем. Его-то, при всей внешней привлекательности острова, не было ни для них, ни для нас. А еще шептала мама о неутолимой тоске по театру.

Через некоторое время дядя Костя спохватывался и торопливо говорил:

– Спать, спать, поздно уж, спокойной ночи, девочка.

Они с мамой торопливо крестили друг друга, и он уходил.

Ночные дядины посещения будили тревогу. Я начинала бояться за маму, за тетю Лялю. А вдруг они от такой жизни тоже свихнутся, как Настя Лозовая, и будет... Саккизагач. За бабушку начинала бояться. Она старенькая, может умереть. Что тогда?

Беззаботная с виду жизнь начинала представляться зыбкой, как песок в одном месте на берегу моря. Думаешь – там твердо, а на самом деле ступишь и провалишься до колен. Если долго стоять, еще больше засосет.

Настроение портилось, я начинала плакать. Мама прижимала меня к себе, к своему всегда прохладному телу.

– Да что ты, маленькая, да что ты, господь с тобой!

Сквозь слезы я поверяла ей свои страхи.

– Вот глупышка. Наслушалась взрослых разговоров. И вовсе это тебе ни к чему. Спи, Наташка-букашка, все будет хорошо, все будет хорошо...

Уговаривая, сама засыпала на полуслове. А я тарашилась на луну в окне, круглую, резко очерченную по краям, словно в черной бумаге прорезали светящийся кружок.

Наступала тишина с неумолчным звоном цикад, таким густым, что временами он становился как бы и неслышным. Тогда я поворачивалась к стене и засыпала. Проснувшись поутру, обнаруживала возле себя пустое, давно остывшее мамино место.

В Турции пришел к власти Кемаль-паша. Курс правительства сменился, всех иностранцев начали потихоньку выживать из страны.

Мы смертельно переругались с греческими детьми и, глупые, сами бесправные, дразнили их:

– Вот идет Кемаль-паша, грекам «копчикифаль»! – что означало: отрежет голову.

А они огрызались, совершенно затравленные, и бросали в нас камни.

Не помню, по какой причине кончилась рыбацкая карьера дяди Кости. Он снова устроился в ресторан. Ездить туда-сюда с острова в город и обратно становилось все труднее и мучительней. Взрослые решили переехать в Константинополь. Долго искали пристанище, и нашли – две комнаты в так называемом Седьмом общежитии.

Седьмое общежитие являло собой приземистое одноэтажное здание с плоской крышей, множеством переходов, лесенок, коридоров. В первый же день я там заблудилась и подняла рев.

В некоторых комнатах ютились по две-три семьи, деля территорию с помощью веревок и переброшенного через них тряпья. Теснота, шум. Из-за скученности и томительной неизвестности – грызня и скандалы. Нервы у всех напряжены, все чего-то боятся, ловят самые нелепые слухи. Мужчины, не стесняясь в выражениях, поносят жизнь. Прошедшую, настоящую и будущую. Невеселые эти монологи слушают молчаливые дети. Бегу к маме спрашивать, что такое «шлюха». Мама пугается, про-

сит никогда не повторять нехорошие слова, бабушка смотрит неодобрительно:

– Вот вам, пожалуйста, началось образование.

Неуютное это жилище стоит на горе, над обрывом. Есть двор, есть подобие сада с редкими тузовыми деревьями. Трава под ними вытоптана, пожухла. Меж деревьев – дорожка, ведущая к неширокой площадке, дальше – обрыв. Тайком от родителей бежали мы с Петей на эту площадку, становились на самом краю и смотрели на лежащий внизу город. Странный город – нагромождение приземистых домиков со скошенными под разными углами плоскими крышами и далеко-далеко – купол Айя-Софии с острями минаретов по бокам среди лишенных планировки кварталов. За ними, за впусченной, всхолмленной бесконечностью, искали мы клочок лазури: утраченное море, милый сердцу остров.

Многочисленной детворе Седьмого общежития разрешалось играть только во дворе, а о том, чтобы без взрослых высунуть нос на улицу, не могло быть и речи.

Улица была крива, замусорена. По ней ходили закутанные с головы до ног турчанки в темных чадрах. Опустив головы, бежали тощие рыжие собаки, кричали разносчики питьевой воды. Под стенами лагуг сидели на корточках старухи, торговали лавашем, лепешками, уложенными горками в корзины. От них шел соблазнительный аромат только что испеченного хлеба.

Изредка во двор забредал торговец сладостями, приносил лоток с кусочками рахат-лукума, нуги, халвы с фунтиками подсахаренных орешков. Побросав игры, мы бежали выпрашивать у родных несколько пиастров, окружали со всех сторон продавца. Он оделяя каждого небольшим кулечком, внимательно считал мелочь, весело говорил что-то непонятное, лохматил мальчикам волосы жесткой коричневой рукой.

Через некоторое время меня и Петю отдали в приют. Он размешался в нежном дворце какого-то богатого добросердечного турка.

В просторных комнатах с расписными стенами наставлены были железные кровати. Детей было много. Кормили нас неплохо, присмотр был хороший, но мы, впервые оторванные от дома, пролили там целое море слез. Петя подходил ко мне после завтрака, – смотреть жалко. Нижняя губа его начинала подрагивать, глаза наполнялись слезами. Я не выдерживала. Уткнувшись в его плечо, заводила утренний рев. Наконец тетя Ляля сжалась и забрала Петю домой. Я осталась одна, но тоже ненадолго. Как-то пришла мама, обнаружила меня стоящей в углу за пустяковую провинность, молча взяла за руку и увела.

Обратная дорога вела через залив. Нас вез в маленькой лодочке перевозчик-турок. Загребал веслами, напевал под нос что-то протяжное, бесконечное. Я перегибалась через невысокий борт, вела рукой по синей воде. Я в первый раз в жизни была по-настоящему счастлива. Хотелось навсегда остаться в этой лодке, и пусть бы мама была рядом, и пусть бы турок пел свою песню, а кругом было бы ласковое море и бегущий вдалеке с озабоченным видом пароходик.

Мы вернулись в беспросветное Седьмое общежитие.

По ночам будили загадочные пугающие крики:

– Янгельва-а-а-р! Янгельва-а-а-р!

Это перекикались дозорные, предупреждая о начавшемся где-то пожаре. В Константинополе каждую ночь где-то горело. Из квартала в квартал передавалось известие, и на место происшествия устремлялась орда полууголых людей с пустыми ведрами. Орали они при этом что было мочи. Не столько тушили (воды на месте чаще всего не оказывалось), сколько растаскивали и грабили.

Беспокоилась, паниковала русская эмиграция. В наших комнатах толклись незнакомые люди, много курили, разбивая ладонями дым возле носа. Все надрывно кричали, что нас скоро начнут вырезать или насильственно обращать в мусульманство. Какой-то военный в шинели без погон твердил о допущенной роковой ошибке – никому не нужном бегстве из России.

– Мы гибнем сами и губим детей! Нас нигде не ждут, мы никому не нужны! Мы

не должны были бежать без оглядки!

Дядя Костя зло возражал:

– Да поймите, поймите, не было иного выхода! Большевики передушили бы нас, как котят!

Мама в споры не вступала. Она внимательно слушала, переводила взгляд с одного спорщика на другого и курила без остановки. В Турции она пристрастилась к табаку.

Стали сниться кошмары. Я вскрикивала по ночам, худела. Остальные выглядели не лучше, но о моем здоровье почему-то беспокоились особо, без конца заставляя измерять температуру. А потом стали усердно поить бромом.

Не могу сказать, сколько народу вынесла гражданская война на константинопольский берег. Поговаривали о сотнях тысяч. И среди несметного числа взрослых было такое же несметное число детей. Одинаково бедно одетых, полуголодных. Одинаково безграмотных и диких. Не только на Антигоне, но и в Константинополе никто не собирался устраивать для нас русские школы. Ходили слухи, что на острове Халки, одном из Принцевых островов, в 1922 году открылся хороший пансион. Тетя Ляля мечтала отдать туда Петю и Татку. Но никакой, пусть самый распрекрасный, пансион, как и единственная русская гимназия в Константинополе, не мог вместить всех желающих.

Ослабленные от постоянного недоедания, русские дети часто умирали. На одной Антигоне в двадцатом году умерли две девочки нашего возраста и один годовалый ребенок.

Осень двадцать третьего года несла с собой что-то страшное. Все ходили подавленные, началась повальная безработица. Хозяин ресторана, где работали мама и тетя Ляля, со дня на день ждал нансеновского паспорта, чтобы уехать в Америку.

Нансеновский паспорт был первым документом русских беженцев за рубежом. Его стали выдавать после жарких выступлений знаменитого полярного путешественника Фритьофа Нансена в Лиге Наций в защиту русских эмигрантов, изгоняемых из Турции и не имеющих юридических прав на жительство в других странах мира. Он же взял на себя всю организационную часть этого дела.

Нам, детям, представлялось, как Нансен, в мохнатой лисьей шубе, в меховой шапке с длинными ушами, самолично раздает русским драгоценные паспорта, а таинственная ЛИГАНЦИЯ ему помогает.

По затхлому дому пронеслось дуновение ветерка: Франция, Франция, Франция... Франция – богатая цивилизованная страна, во Франции дети смогут получить образование, во Франции есть работа... Мы скоро получим нансеновский паспорт... Мы сможем уехать из Турции.

И вот мама держит в руке лист плотной бумаги. Написано: Надежда Дмитриевна Вороновская следует во Францию с дочерью Натальей девяти лет. Право проживания в Константинополе утрачивается. В нижнем углу паспорта, с левой стороны, наклеена фотография. Мы с мамой сняты вместе, плечом к плечу. Она в темном платье, в темном смешном колпачке. На мне полотняная кофта с вырезом под горло, шея длинная, волосы едва отросли после приютской стрижки наголо. И еще видна выпущенная поверх одежды цепочка с крестильным крестом.

Мы забросили игру в Ноев ковчег, построили пароход и поехали во Францию. Нас швыряли свирепые волны, несчастная Татка падала за борт и «утоплялась», а мы бесстрашно бросались в пучину спасать ее, и добрый французский матрос помогал нам, а потом угощал шоколадом.

Где игра, где сон, где явь... Вот уже и настоящие чайки пронзительно кричат, на пристани толпятся люди, выстраиваются в очередь. По новеньким нансеновским паспортам стучат печатями бесстрастные чиновники, и вот уже качают нас волны, мы едем в Марсель.

Нелюбимый Константинополь и милая Антигона – были вы или только приснились? Остров, похожий на рай, где растут вытянутые к небесам темные кипарисы, где зреет сладкий инжир и выплескивается на берег стеклянню позванивающая волна.

Сентябрьский дождь все скрыл за серой завесой.

3

Первые дни в Париже. – Мадам Рене

...Мы с мамой в Париже. Остальные пока в Марселе. Мама приехала на разведку: как оно тут, в Париже?

По дороге из Марселя я совершенно расклеиваюсь. У меня ватная слабость, болит голова.

Наконец мы прибываем на парижский вокзал, берем такси, долго едем, пока не попадаем на кривую узкую улочку со странным названием Муфтар. Муфтар, Муфтарка, муфта. Муфта разрастается, я вся оказываюсь закутанной в душный колючий мех. Машина прыгает по булыжникам, раскалывается голова.

Останавливаемся возле серого пятиэтажного дома. И напротив – пятиэтажный дом, и дальше и дальше дома, словно ушелье. Шофер помогает внести чемодан, проходим в стеклянную дверь. Приехали.

Сию же минуту в холле, мама уходит, потом возвращается с черноватой, вертикальной женщиной. Волосы у нее спрятаны под нитяной сеткой. Мама говорит:

– Это хозяйка отеля, мадам Рене. Мы будем здесь жить.

Мне все равно. После Антигоны, после простора и солнца мне не нравятся города, Франция тоже не нравится. Один сплошной дождь и все говорят по-французски. И потом турки, ладно, но французы могли бы знать хоть пару слов на нашем языке!

Поднимаемся по лестнице, входим в комнату. Странно – на полу, вместо деревянных досок, круглые кирпичные плитки. На стенах красные линялые обои. В одном углу потемневший шкаф с зеркалом. Я отражаюсь в этом зеркале с вытянутым уродским лицом. У стены широкая пружинная кровать с медными шишечками на спинках. Кровать застелена клетчатым одеялом. Посреди комнаты – стол и три стула с соломенными сиденьями. Единственное окно выходит на глухую стену соседнего дома, он смутно виднеется сквозь занавеску и заплаканное стекло. А еще в одном углу, на столике, облицованном мраморной плиткой, я замечаю фаянсовый таз для умывания и кувшин, а в кувшине – воду. Я бегу, припадаю к кувшину, пью, захлебываясь. Хозяйка удивленно таращится на меня.

Неуютная красная комната становится нашим домом. Пока будем жить здесь, а когда все кончится, уедем в Россию. Уедем и снова поселимся в Терисоках, в деревянном тереме среди высоких раскидистых сосен. Я помню этот дом по старым фотографиям.

По утрам мама уходит на работу, оставив на столе под салфеткой обед. А я целыми днями лежу.

От нечего делать разглядываю скучные обои, черточки какие-то, кружочки. Назойливый этот рисунок начинает тошно кружиться перед глазами. Если нет температуры – читаю. У нас всего одна книга – большой том Некрасова. Все стихи знаю наизусть от корки до корки. Мама решила однажды проверить – я прочла ей «Еду ли ночью по улице темной». Мама слушала, скептически качала головой, потом сказала со вздохом:

– Замечательно подходящее для девятилетнего ребенка стихотворение.

Я тоже сочиняю стихи. В тощем альбоме для рисования корявым почерком записываю: «17 декабря 1923 года сачинила Наташа Варановская». Дальше стихи, но я перепису их уже без ошибок.

*Добрый сказочник седой,
В час ненастный, час ночной
Утоли мои печали, унеси меня с собой.
Там, за синими морями,
За высокими горами,
Есть прекрасная страна,
Озаренная лучами.
Уведи в свою страну
На минутку, на одну...
Посидеть бы с краешка
На зеленой травушке.*

В сумерках появляется мама. Неслышно, как дух, ходит по комнате, а я, зарывшись в перину, делаю вид, будто сплю. Она греет на спиртовке воду, начинает отпаривать руки и плакать. Руки ее воспалены, ногти стерты до мяса, но плачет она не из-за этого, а из-за моей болезни. Плачет, что обед, так старательно приготовленный ею накануне, остался нетронутым, что ей приходится на целый день оставлять меня одну, а самой ездить на другой конец Парижа на заводы Рено. Там она зачищает пемзой крылья автомобилей. Я хорошо представляю себе эти крылья. Они белые, покрыты перьями. Я не понимаю, для чего нужно чистить их пемзой.

Наплакавшись и отпарив руки, мама ставит на спиртовку крохотную кастрюльку с супом. Я открываю глаза, будто только-только проснулась.

– Ну что? – подходит ко мне мама и гладит красной распаренной рукой. – Скучала?

Правду говорить нельзя, все равно ничего не изменится. А я скучаю. Плохо мне без Пети, без Татки, без Марины, без бабушки. Все они должны были давным-давно приехать, да только все нет их и нет.

Часто идет дождь, стекла запотевают, тогда не видать ничего. Но иногда небо проясняется, и по нему начинают бежать белые ватные комочки. Весна. А, кажется, совсем недавно был Новый год.

К Новому году настоящую елку мама купить не сумела: не было денег. Она принесла большую еловую ветку. Мы поставили ее в кувшин и нарядили. Повесили голубые бусы, цветную картинку из журнала, перевили хвою красными шерстинками.

Оглядываясь назад, на наше житье в Париже, я до сих пор не понимаю, как мы вообще выжили. Теткиной практичности мама не имела, к людям была излишне доверчива.

Из Константинополя в Марсель мы ехали наобум, не имея ни предварительных контрактов на работу, ни даже рекомендательных писем. Турция не нуждалась в услугах русской интеллигенции, в Турции мы были не нужны, но никому даже в голову не приходило, что то же самое будет ждать нас и в цивилизованной Франции. По дороге из Константинополя жили радужными надеждами. Тетя Ляля мечтала о врачебной практике, мама подумывала о кино. Плохое знание языка не играло никакой роли – «Великий немой» не был требователен к акценту.

Еще в Константинополе нам прожужжали уши про всякие благотворительные общества в Париже. Будто бы эмигрантам организована помощь, дают пособия, устраивают на работу.

Уставшие, но счастливые, приехали мы в Марсель и начали делать глупости. Поселились в дорогом отеле, заложив в ломбарде бабушкин медальон. Так он там и остался на вечные времена. Разочарования начались чуть позже.

Теткин врачебный диплом оказался недействительным. Чтобы получить медицинскую практику, полагалось учиться заново, платить за учебу бешеные деньги. Где же взять бешеные деньги, когда у нее на руках двое маленьких детей?

Чтобы скрыть огорчение, тетка ухватилась за возродившуюся в то время веру в скорое возвращение домой.

– Скоро, – шептали кругом, – скоро... Большевизм рухнет. В крайнем случае, через год.

– Раз так, – рассудила тетка, – чего ради я стану возиться с этим дипломом?

Денежки с медальона растаяли, никаких благотворительных обществ в Марселе не обнаружилось. Тогда решили попытать счастья в самом Париже: а вдруг она там, эта неведомая организация, спасающая эмигрантов от полного отчаяния.

На дорогу нужно было заработать. И тогда дядя Костя устроился портовым грузчиком, тетя Ляля – сиделкой в частную клинику, а мама осталась не у дел. Долго думали и решили отправить ее в Париж искать счастья на киностудиях.

Она сумела найти работу только на заводе Рено. Работу тяжелую, неквалифицированную.

А какая у нее была квалификация?

Она ничего не умела делать. Она была хорошей артисткой, любила Тютчева и боялась мышей. И всю жизнь загадывала. Переворачивала, к примеру, стакан и ставила в определенное место вверх дном. До определенного часа его нельзя было трогать. Если ненароком кто убирал или переворачивал – это было знаменем грядущего бедствия. Мама начинала нервничать, тревожиться.

Или деление на три. В этом случае полагалось быстро сложить в уме номер проехавшего автомобиля и разделить на три. Делится – хорошо, не делится – жди беды.

Или прохожие. Прошел человек. Обернулся – хорошо. Или плохо. В зависимости от цвета волос. Чудачка, да на нее в те годы все прохожие оборачивались!

Русские общества мама в Париже нашла. Но они не были благотворительными. В какой-то монархической организации ее выслушали, посочувствовали, но ни о какой помощи не могло быть и речи. Организация еле сводила концы с концами и существовала исключительно для великой цели освобождения России и восстановления династии, а не ради устройства нахлынувших из Константинополя беженцев.

Попала она и в отделение Российского общевоинского союза. Но это был исключительно военный механизм, никакой помощи никому он не оказывал, а со дня на день ждал сигнала, чтобы идти освобождать Россию. Все ждали. Ждали и грызлись, всё выясняли, выясняли, кто же на самом деле погубил Отчизну – Романовы, Керенский, Врангель, Деникин?

Мама махнула рукой на байки о благотворительных организациях. Да и не любила она унижаться, строить из себя бедную родственницу.

В ясный весенний день приезжает в Париж дядя Костя. Пишу от радости, висию у него на шее. Он хватает меня и подбрасывает, как пушинку. Узнаю новости. Наши придут скоро, совсем скоро. Они уже собираются, они уже сидят на чемоданах.

Стало легче. Дядя Костя устроился грузчиком на вокзале, разгружать по ночам вагоны. Днем спал на нашей с мамой кровати, по вечерам уходил до утра. За мною стала присматривать и кормить, за плату, разумеется, хозяйка отеля мадам Рене.

Была она подвижная, шумная, пичкала меня сверх всяких маминых денег разными вкусными вещами, шупала мои тонкие руки и сокрушенно качала головой. Она страстно хотела обучить меня французскому языку. Это же возмутительно! Как можно считать себя цивилизованным человеком, не зная французского!

Но учительницы из нее не получилось. Как взяться за дело, она не знала, а скорость речи ее была непостижима для моего медлительного русского уха. Я не успевала схватить ни единого слова. Объяснялись мы с помощью гримас и энергичной жестикуляции. Это осталось на всю жизнь. Надо мной часто смеются – свою речь я и сегодня обязательно должна сопровождать жестами, особенно если увлекаюсь.

Рене будила меня по утрам. Придет, громко скажет:

– Натали! – а дальше, – та-та-та, – как из пулемета. Долгое и непонятное.

Но я знала: надо вставать и идти завтракать. Я одевалась, мы спуускались вниз. Я

потихоньку, а мадам летела по ступенькам, оборачивалась и дразнила меня старушкой. Я часто слышала от нее это слово, спросила у мамы и узнала, что «petite vieille» означает «старушка».

Рене хотелось, чтобы я больше смеялась и играла. Но не с кем было играть, а на улицу я выходить боялась. Вдруг кто-нибудь спросит, я не смогу ответить и тогда про меня подумают – немая.

Весь Париж в то время представлялся мне состоящим из улиц, похожих на Мюфтар, грязных, полузадушенных домами. Здесь было множество недорогих отелей и небольших лавочек.

На булыжной мостовой возле тротуаров стояли тележки, накрытые брезентом в виде крыши. С тележек продавали всякую зелень. Салаты всех сортов, пучки укропа, петрушки и сельдерея. Алюю хрустящую редиску, лук и чеснок. Все свежее, пахучее, в капельках лучистой росы. На раскладных стульчиках возле тележек важно восседали хозяйки и на все голоса расхваливали товар.

Улица большую часть дня была затенена от солнца домами. На всем протяжении – ни единого деревца.

После завтрака мадам Рене отправлялась за покупками в лавку и брала меня с собой. Я начинала просить одну из ее сумок, но она не давала, а чтобы я не слишком много болтала на своем варварском и совершенно непонятном языке, останавливалась, освобождала от бумажки припасенный леденец и совала мне в рот.

В лавке мы покупали всякую всячину. Вернее, покупала мадам, а я стояла рядом и смотрела. Иногда она болтала с лавочницей, украдкой показывая на меня. Лавочница грузно разворачивалась в мою сторону и смотрела ничего не выражающим взглядом.

Возвратившись в отель, я шла в нашу комнату, там тихо сидела, чтобы не разбудить спящего дядю Костю. Со времени Антигоны он постарел, под глазами появились водянистые мешочки, уголки рта опустились, от них проложили дорогу первые морщины. Спал он беспокойно, ворочался или начинал жалобно стонать. Мне становилось жалко его до слез.

Томительно тянулось время до обеда. За обедом в глубокую тарелку наливался суп. Чего там только не было намешано! И всегда очень вкусно. Вместе с нами обедал муж мадам Рене, сухонький, скучный человечек. Если мсье открывал рот что-нибудь сказать, мадам немедленно перебивала на октаву выше. Я каждый раз думала, что они ругаются, но каждый раз после обеда они мирно расходились по своим делам.

Когда я пришла обедать в первый раз, мсье налил всем, в том числе и мне, по стакану красного вина. Я смотрела на этот стакан раскрыв глаза и разинув рот. У нас дома пить вино детям категорически запрещалось. Петя однажды пригубил из дядиной рюмки, так что поднялось! Как! Он с детства приучается пить вино! Он станет пьяницей! Он кончит дни свои под забором!

Ясно, я запротестовала, отставила стакан в сторону, а мсье удивленно смотрел, держа на весу замершую руку с графином.

– Pourquoi ces fantaisies?²

Я вскочила с места, подбежала к крану, пустила в раковину воду и стала пить с ладошки, изображая на лице неземное блаженство. Мсье откинулся на стуле, рука с графином опустилась, вино едва не плеснуло на скатерть. Глаза его выпучились, а брови взлетели, наморщив лоб. Мадам вскочила, затахтела, пытаясь оттащить меня от раковины и показывая, что от сырой воды у меня в животе заведутся лягушки. Чтобы я хорошенько это усвоила, она ткнула в мой пупок пальцем и несколько раз повторила:

– Koa! Koa! – и, растопырив пальцы, показала, как прыгают лягушки.

²Что за выдумки? (фр.)

Но я настояла на своем. Вина мне больше не давали, снисходительно наливали остывшую кипяченую воду, подкрасив ее все же капелькой бордо.

После супа полагалось очистить тарелку кусочком батона, перевернуть ее, и на донышко мадам Рене клала десерт. Что-нибудь сладкое или нежный творожок, завернутый в бумажку.

Диковинным был этот обычай – есть с донышка тарелки. Я старательно копировала движения мадам, чтобы не попасть впросак. Я вечно была напряжена и панически боялась, как бы меня не приняли за дикарку, приехавшую из джунглей, не знающую, с какого конца вилки едят. Но мадам была снисходительна. Очень снисходительна.

Или вот еще деталь. Русские едят много хлеба. В завтрак, в обед, в ужин. Французы большей частью за завтраком в виде бутербродов. Такого, чтобы сидеть с ломтем хлеба и заедать им суп, у них нет. У мадам Рене я разучилась есть хлеб. Потом, уже дома, это вызывало целые скандалы.

– Ешь с хлебом!

– Где твой хлеб?

– Почему ты опять сидишь без хлеба?

Чтобы не слышать нареканий, хлеб я в руку брала, но не ела, а крошила и крошки потихоньку заталкивала под тарелку. Когда тарелку поднимали, под ней обнаруживался ровный кружок.

По вечерам, оставшись с мамой одни, мы немного разговаривали, немного дурачились перед сном. Я укладывалась поперек кровати и притворялась, будто крепко сплю. Подходила мама, катала меня с боку на бок, приговаривала:

– Ваялю дурака! Ваялю дурака!

Мы много смеялись, а потом укладывались уже по-настоящему. Я к стенке, мама с краю. Засыпала она мгновенно, а я по привычке страдала бессонницей, грезилась, сочиняла стихи, думала обо всем понемногу. Думала и о мадам Рене. Мне было жалко ее почему-то. Она хохотушка, франтиха, а муж скучный и скупердяй, наверно, каких мало. В свободную минуту нарядится мадам Рене, наденет красивое платье, бусы, сережки, повернется перед зеркалом, потом снимает все, спрячет волосы под сетку и снова бегают по дому. Детей нет, в гости никто не ходит. Скука.

Иногда мои думы прерывались пробуждением мамы. То спит, спит, то вдруг раз – и сидит на кровати. Спустит ноги на пол, сгорбится, опершись на колени, и так сидит, свесив косы по обе стороны лица.

– Мамочка, что с тобой?

– Ничего-ничего... Ты почему не спишь? Спи сию же минуту.

Встанет, походит, попьет воды и снова ложится. Снова не слышно ее дыхания. Я даже пугалась иной раз. А вдруг умерла! И только убедившись, что грудь ее мерно поднимается и опускается, успокаивалась и поворачивалась на другой бок.

Проходит немного времени, и мадам Рене приносит телеграмму. Наши выехали из Марселя! Хохочу, прыгаю от радости и... теряю сознание.

Очнувшись на полу и увидела над собой две головы. Одну мамину, другую – мадам Рене. Обе испуганные. Мама плакала, мадам выговаривала ей сердитым голосом. Я с трудом улыбнулась, едва раздвинув резиновые губы.

– Что она говорит?

– Ругает меня за революцию. Говорит, устраивали бы свои революции сами, а то впутали в это грязное дело маленьких детей и таскаете их по белу свету.

Я протянула руку и погладила колено мадам Рене.

– Что она понимает в наших революциях?

Мадам наблюдала, наблюдала наш диалог и взорвалась:

– Да поднимите же вы ее, наконец, с полу!

4

Наши.– Монастырь

На следующий день они приехали. Радости было, восторгов, поцелуев! Петька коротко остриженный, лопоухий. А вырос! Но по-прежнему глазастый, а на носу почему-то появились крохотные веснушки, хоть он вовсе не рыжий, а русский.

А Татка! Брови тонко очерчены дугой, как у тети Ляли, и совершенно такой же маленький пунцовый ротик. Она утратила детскую косолапость и вкрапляет в речь французские слова. Петю это почему-то раздражает.

– «Пуркуа, пуркуа»! Тоже мне, француженка нашлась.

Договорились с мадам Рене, сняли еще одну комнату, кое-как разместились, не распаковывая чемоданов. Зачем распаковывать, если завтра домой, в Россию? В воздухе висит возбуждение и странные надежды на грядущий в Совдепии переворот.

Играть негде. Да они и кончились уже, наши детские игры. Куклы облупились, мишка облез. Марина ходит скучная, забывается в углы, смотрит мрачно, тербит отросшую до пояса косу. О чем ни спросишь, тянет отрешенно:

– Да я не знаю...

Я спросила у Пети:

– Что с ней такое?

Татка тут же просунула между нами голову и зашептала, делая таинственные глаза:

– Она рисует. Она целыми днями рисует. А сейчас краски в чемодане, вот и злится. Ты лучше ее не трогай.

Я ничего не поняла. Тогда за объяснения взялся Петя. Он строго велел сестре помолчать, потому что она ровным счетом ничего не понимает. Татка надулась, слезла с кровати, где мы сидели, побежала в другую комнату к матери жаловаться на брата. Он ее обижает и не дает слова молвить. Петя сердито глянул ей вслед и стал рассказывать.

– Понимаешь, в Марселе мы целыми днями сидели дома. Делать было совершенно нечего. Марина от скуки стала рисовать. – Тут он отшатнулся от меня и восторженно выпалил: – Ты знаешь, кто она? Она – художник! Вот что выяснилось.

– И вовсе нет, – тоненько отозвалась Марина.

Мы о ней и думать забыли, так тихо она сидела в углу.

Я пристала к Марине: покажи да покажи. Сначала она отмахивалась, потом принесла коробку со сложными рисунками.

Большей частью она рисовала природу. Море, горы, деревья, фантастические замки. Все было ярко. Синева так синева, зелень так зелень. И все в неуловимом движении. Мне очень понравилось.

Вечером и взрослые заговорили об открывшемся даровании Марины. Но дядя Костя отмахнулся. Он сказал, что теперь не время заниматься детскими увлечениями.

Через неделю мы узнали новость. Нас собираются отдать в пансион. Тетя Ляля удружила. Уж она-то сразу нашла полезную организацию с благотворительными возможностями. Боюсь ошибиться, но, скорее всего, это была ИМКА – Христианский союз молодежи, поддерживаемый американцами. Тете Ляле предложили вполне ошутимую помощь. Отправить всех трех девочек в католический монастырь монахинь-крылаток.

Нас стали уговаривать:

– Там хорошо. Там есть сад. Там вы сможете дышать воздухом.

– Там вас будут сытно кормить. А вам всем надо питаться, особенно Наташе после болезни.

– Девочки, милые, поймите, нам тяжело, трудно. Мы должны устраиваться, искать работу.

– Вам необходимо учиться.

Мы с Мариной подавленно молчали. Татка пыталась сопротивляться.

— Вам будет легче без нас. А нам?

Но никакие мольбы не помогли, нас отправили в пансион. Это была суровая необходимость. Пока там Россия, разговоры, то да се, кушать было нечего.

Настал тот черный понедельник. Светило солнце, шумел Париж. Нас вели в пансион. Какой там пансион! Приют для сирот самый настоящий.

— Я им этого никогда не прошу! — сурово пообещала Татка.

Зашеловав нас на прощание, наши мамы ушли заплаканные. Мы стали жить у монахинь. Они носили на головах белые накрахмаленные кораблики острым клювом вперед. Спереди, так же твердо накрахмаленные, белые нагрудники и синие глухие платья до земли. Татка немедленно окрестила их пингвинками.

Пингвинки были добрые, никогда не сердились на девочек, мягко уговаривали не шалить. Тонкие, засохшие, как цветы между страницами книги, они казались лишними в возрасте. Но были среди них и молоденькие девушки. Особенно полюбилась нам сестра Тереза, кроткая, с ангельскими глазами. В свое дежурство, укладывая детей, она успевала подойти к каждой, приласкать, подбить плоскую подушку. Движения ее были порывистыми, живыми. Остальные монашки не ходили, а плыли, держась очень прямо и несколько самодовольно. Большая часть общения с ними проходила в молитвах и тихих разговорах, но мы не понимали ни слова.

Нас вкусно кормили в длинной белой столовой, где, кроме столов, скамеек, распятия на стене и картины, изображающей Сердце Христово, не было ничего интересного.

Нас одевали в чистую форменную одежду — повод для тихого помешательства. Каждой пансионерке полагались плотные коричневые чулки и лифчик на длинных резинках, панталоны до колен и рубашка из бязи. Поверх рубашки надевалась нижняя юбка, затем черное шерстяное или бумазейное платье с глухим воротом, с длинными рукавами. Сверху на него надевался сатиновый передник, а когда нас вели в *шапель* — небольшую церковь, полагалась еще суконная пелерина и шляпа-канотье из соломки. Шляпа держалась на тугой резинке, резинка давила шею, оставляя красную полосу.

Нас попросили одеться и вывели во двор. Мы вышли и стали кучкой, маленькие, смешные чучелки. Подошли и стали нас разглядывать девочки, старожилки монастыря. Точно так же одетые, и все на одно лицо. Мы молчали, не зная их языка, они молчали, не зная нашего. Потом им надоело на нас смотреть, они разошлись по своим делам.

В густых липах возились воробьи, за грандиозной стеной, оштукатуренной и покрашенной в сероватую охру, слышались голоса счастливых свободных граждан Парижа. Ласковое солнце рассылало лучи во все стороны, дрожали на чисто подметенной земле кружевные тени. С тоской смотрели мы на небольшую дверку в воротах. Она была наглухо закрыта и тщательно охранялась.

Хваленый монастырский сад оказался небольшим, густо затененным липами. В монастыре все было запрещено. Запрещалось громко разговаривать, никогда не звучал здесь веселый смех, никто не бегал, не прыгал и, само собой разумеется, не пил сырую воду из-под крана. Мы пили. Забегали в ослепительно белую умывальную комнату и наслаждались тайком, подставив под кран ладошки. Одна пила, две другие стояли на карауле.

В свободные от молитв часы полагалось чинно сидеть вокруг длинного стола во дворе и заниматься рукоделием под присмотром дежурной пингвинки.

Коридоры в пансионе были с эхом, чисто выбелены и пусты. В тупиках, как и в столовой, висели темные распятия. Дортуары располагались на втором этаже. Там тоже ничего примечательного не было. Семь-восемь кроватей, блестящий и скользкий темный паркет. Белели пустые стены, полотняные занавески на окнах, за ними виднелся двор, залитый асфальтом, и стол для рукоделия.

Пришла осень, и нас посадили учиться. Всех троих в один класс. Это не имело значения, мы одинаково ничего не понимали. Я даже не знаю, какой это был класс, девятый или десятый (во Франции классы отсчитываются наоборот). У меня от этой школы не осталось никаких впечатлений. Помню только, что находилась она не в монастыре, а была обыкновенной коммунальной школой, и монашки водили нас туда строем.

Марина с самого начала спала отдельно от нас, в соседнем дортуаре, и мы по вечерам не встречались. А Татка взяла за обыкновение, чуть только дежурная пингвинка пожегает всем девочкам спокойной ночи и погасит свет, бежать на цыпочках босиком через всю комнату и нырять ко мне под одеяло. Брыкалась, вытаскивала меня на самый край, куталась в одеяло и заводила одну и ту же музыку.

– Все надоело. Давай убежим. В воскресенье, как поведут в собор, отстанем от всех и пойдем. И будем идти, идти, как будто гуляем. И будем спрашивать улицу Муфтар. Нам покажут, и мы придем.

– А Марина?

– Она трусиха. Она говорит, нас поймает полицейский и приведет обратно. Я была того же мнения, но сбить Татку с ее навязчивой идеи не удавалось. Тогда я заходила с другого боку.

– Хорошо, мы убежим. А Марина? Останется одна и будет плакать?

Татка умолкала, сосредоточенно сопела мне в ухо.

– Тогда давай молиться Богу. Пусть хоть он нам поможет. Будем просить, чтобы нас забрали.

Иной раз она начинала задремывать у меня под боком. Приходилось ее растаскивать и сонную уговаривать идти к себе. Я боялась, как бы нас не застучали и не развели по разным дортуарам.

В будние дни весь пансион водили молиться в капеллу, а по воскресеньям – в собор. Перед собором лежала небольшая площадь, окруженная домами и низкими акациями с кронами-шариками. Собор был обнесен невысокой чугунной оградой. Мы поднимались по отлогой лестнице, проходили под аркой с распахнутыми резными дверями, шли мимо статуи Божьей Матери. Темно-вишневого цвета краска на платье Святой Девы в некоторых местах облупилась, в протянутых руках лежала гирлянда пыльных фарфоровых цветов. Строй вели дальше и рассаживали в кресла с соломенными сиденьями. Для нас троих, православных, это было непривычно и странно – молиться сидя.

Во время службы полагалось время от времени ударять себя в грудь, приговаривая: «C'est ma faute, c'est ma faute, c'est ma tres grande faute!». Я не знала, в чем моя вина. Девочки-католички тоже не знали и баловались. Ударяли себя в грудь сильно-сильно, ойкали и хихикали тайком от строгих монахинь.

Со временем мы сообразили, что католический Бог пингвинок – не наш Бог. Тогда мы стали молиться по-православному. Снимали крестильные крестики, вешали на спинки передних стульев и просили Господа об одном: чтобы нас поскорее забрали. Бог не слышал наших молитв.

И тогда в Марину вселился бес! Она стала закатывать истерики, падать на пол и выгибаться. Монашки в полной растерянности шептались вокруг нее и прыскали холодной водой. Длинная и сухая главная смотрела неодобрительно, шептала: «Дьябль, дьябль!»

От «дьябля» решено было избавиться. Дяде Косте предложили забрать странную девочку, что он и сделал в первое же воскресенье. А мы остались. Страшно сердитые и разочарованные.

– Вот видишь, – сказала однажды Татка, – вот теперь ты видишь, Натулечка, какой фрукт эта Марина. А ты ее жалела. А давай научимся, как она. Я уже пробовала, идем, покажу.

И потащила меня за руку в дальний угол сада, где липы смыкались кронами, где

росли густые кусты жасмина. Осторожно, чтобы не испачкать платья, она легла на траву, задргала ногами и стала повизгивать. Тонко, как поросенок.

– Уиииии! Уиииии!

И глаза зажмурила. Я чуть со смеху не умерла. Татка прервала свое занятие и озабоченно спросила:

– Ну, как получается? – И снова: – Уиииии! Уиииии!

Набежали толпой пингвинки, залопотали, заохали. Получился большой скандал. Почему-то они решили, что у нее приступ аппендицита, и потащили Татку к доктору.

Целый год мы прожили у монахинь и как-то незаметно научились говорить по-французски. Но привыкнуть к монастырю так и не смогли. Да, мы любили сестру Терезу. Но остальных... Я даже не помню, как их звали.

С девочками-пансионерками мы не сдружились. Отношения были ровные, доброжелательные, но не больше. Держались мы вначале втроем, потом парочкой. Жили от воскресенья до воскресенья. По выходным к нам обязательно приходили мама, тетя Ляля и бабушка.

А дела у них шли плохо. Россию вспоминали все реже и реже, дядя Костя по-прежнему разгружал вагоны, мама работала все на том же заводе Рено, где было много русских женщин и итальянок. И только тетя Ляля устроилась медицинской сестрой в частную клинику и уже была на хорошем счету.

Они обзавелись новыми знакомствами, свели дружбу с каким-то Александром Евгеньевичем. Но неведомый Александр Евгеньевич нас мало интересовал. Вот если бы они встретили Колю Малютину – это другое дело.

За монастырской стеной текла трудная, замечательная, вольная жизнь. Мы рвались туда – нас удерживали.

– Потерпите, девочки, потерпите, милые. Вот скоро все прояснится, вот скоро все уладится...

На второй год монашки решили перевести нас в католичество. Эту цель они ставили с самого начала, только никому не говорили. По-своему они были правы. Мы жили у них, они ничем не отличали нас от других девочек, были внимательны и добры.

И вот настало время некоторым девочкам-католичкам идти к первому причастию, а остальные должны были участвовать в пышной процессии. Всем малышкам сшили голубые хитоны из шелка, откуда-то привезли целый ворох веночков из незабудок. Конфирмация проходила торжественно. В небесно-голубых одеяниях мы стояли на ступеньках собора и из подвязанных за шею широкими лентами лоточков брали пригоршнями лепестки роз и осыпали ими новоявленных Христовых невест. А они, с ног до головы все в белом, воздушные, длинной вереницей входили в собор, где происходило таинство, выходили, выстраивались на лестнице, окруженные толпой умиленных прихожан. Летели, кружились розовые лепестки, ветерок забирался под шелк, приятно освежал тело, но на сердце у меня лежала противная холодная лягушка. Накануне пришла мама и привела незнакомого дядю.

– Наташа, – обняла она меня, – ты умная девочка, все поймешь. Это Александр Евгеньевич. Мы с ним недавно поженились. Мне одной трудно, а с ним будет легче. Он будет заботиться о тебе и любить тебя. А ты полюбишь его.

Глянула я на Александра Евгеньевича и заплакала.

Вечером приползла Татка, принялась оглаживать,

– Натулечка-роднулечка, ты не плачь. Вдруг он хороший.

Я вытерла слезы, тихонько высморкалась и прошептала:

– Знаешь, Тата, я, наверное, останусь здесь навсегда.

– Ты с ума сошла! – чуть не в голос запищала Татка. – Да разве ты не знаешь? Все, кто здесь остается, становятся пингвинками!

– Ну и пусть. Стану пингвинкой. Буду, как сестра Тереза.

– А Бог! У них же другой Бог!

– Какая разница? Разве я просила нашего Бога, чтобы мама выходила замуж? Вот назло же стану пингвинкой!

В следующее воскресенье пришла тетя Ляля, и Татка наябедничала. Тетя Ляля всполошилась. Не тому, что я собралась в монашки, это она оставила без внимания. До нее, наконец, дошло, чем все это может кончиться: медленным и верным обращением в католичество.

Последовало бурное объяснение с монахинями, и нас, к великой нашей радости, забрали домой. Остались в памяти добрые пингвинки с корабликами на головах, сад, обнесенный стеной, и слившиеся в одно неопределенное лицо лица девочек. Многим из них так и не удалось вырваться из монастыря.

5

Отчим. – Трудный разговор. – Фима

У него было узкое не улыбающееся лицо. Он стригся ежиком и носил небольшие усики, щеточку такую под прямым и коротким носом. Волосы у него были неопределенного цвета, словно припорошенные пеплом. Он был высок, худощав, строен. Из-под любого костюма проглядывала неискоренимая офицерская выправка. Я долго не могла разобрать, какого цвета его глубоко посаженные глаза. Он никогда не смотрел на меня прямо. Я была для него бесплатным приложением к воскресному журналу, хотя к маме он всегда относился с почтительностью, правда, не переходящей в нежность по причине сдержанного характера.

Он был практичен, прижимист, но далеко не во всем и не всегда. Я называла его Сашей.

Почему я, маленькая девочка, называла взрослого человека (а он был на два года старше тридцатичетырехлетней мамы) просто по имени, непонятно. Но так повелось, и никто не протестовал. Саша так Саша.

Саша гордился галлиполийским прошлым и воплотившейся мечтой – женитьбой на настоящей артистке. Мама смеялась:

– Да какая же я теперь артистка, Саша?

Он серьезно возражал:

– Не скажи. Артист в любом случае артист. У артиста ореол, вокруг артиста особая атмосфера.

И, прищурившись и задрав подбородок, вглядывался в пространство поверх маминой головы, пытаясь узреть этот самый ореол. Это подхватила тетка. Здороваясь с мамой по утрам, делала книксен:

– В порядке ли ваш ореол, мадам?

И обе хохотали, опасливо озираясь, чтобы не услышал обидчивый Саша.

Может показаться странным, но в те времена у нас много смеялись. Это не была какая-нибудь нарочитая, истерическая веселость, просто в нашей жизни было много смешного. Подтрунивали друг над другом, над мужем мадам Рене, над французами вообще, над выступлениями Милюкова. Он часто выступал на всякого рода собраниях, и мама с теткой ходили его слушать. Вернувшись, мама удачно копировала бывшего министра, смешила бабушку и дядю. Тетя Ляля помалкивала и морщилась. Ей почему-то Милюков нравился. Впрочем, о нем скоро забыли.

Объектом насмешек сделался также Сашин французский язык. Он говорил со страшным акцентом, и тетка уверяла, будто Саша притворяется русским, а на самом деле он англичанин. Она стала называть его Милорд. Саша обижался, просил перестать его третировать. У него совершенно отсутствовало чувство юмора.

Днем Милорд работал на заводе Ситроен подручным слесаря, по вечерам ходил в Галлиполийское собрание «заниматься политикой», для чего надевал свой един-

ственный «приличный» костюм и галстук с искоркой.

До него в нашей семье политикой никто не занимался. С приходом Саши стали вспыхивать пламенные споры. Начинались они всегда одними и теми же словами:

– Вот когда в России наведут порядок, и мы вернемся...

Я не понимала, кто должен наводить в России порядок. Я и Россию-то смутно представляла. Виделась равнина, невзрачная, серенькая, с пожухлой травой, усыпанная мелким мусором. Бумажки там, веточки, обрывки тряпок. По равнине идет здоровенный мужик в картузе, борода лопатой. На ногах лапти, одет в холщовые штаны и рубашку, и еще в фартуке. В руках у детины веник на палке. Широкими взмахами он подметает мусор – наводит в России порядок. По краю равнины стоят «большевики». Без лица, без глаз. Небо над равниной низкое, воздух сырой, и только слышно метлу – вжжик! вжжик!

Саша ненавидел красный цвет. Едва мы вернулись из монастыря, мама поторопится предупредить:

– Смотри, не проговорись Саше, что у нас в комнате красные обои.

Я удивилась.

– А разве он не видит?

Мама засмеялась, замахала руками:

– А он – дальтоник.

– А как это – дальтоник?

Мама объяснила. Дальтоник не различает цвета. На красное говорит – серое, на голубое – зеленое.

Бедному Саше везло на красный цвет. Мало обои, коврик у нашего порога тоже был красный, темно-розовым был и кувшин для умывания. А однажды он купил себе шляпу. Купил и стал всем показывать, вот мол, какая хорошая шляпа! Чтобы насолить ему, я сказала:

– Саша, шляпа-то красная.

– Как красная! Что ты выдумываешь? Это коричневая шляпа. Замечательный коричневый цвет.

Шляпа была коричневая, с небольшой лишь склонностью к красноте. Он принялся подозрительно разглядывать ее, задумался, а на следующий день отправился в магазин и обменял. Он сказал маме, что первая оказалась великовата. Но я знала, он сменил ее на всякий случай, вдруг она на самом деле красная.

Вернувшись из монастыря, я побежала к мадам Рене. Она заключила меня в объятия.

– Девочка моя дорогая! Как ты выросла! И косточки не болят? И голова не болит? Прекрасно! О-ля-ля, мы говорим по-французски, как настоящая маленькая француженка? Прекрасно!

Милая моя, дорогая мадам Рене, мы должны были скоро расстаться. Мы навсегда покидали улицу Муфтар. Саша снял для всех меблированную квартиру на улице Сент Оноре.

Это был самый центр Парижа. Тетя Ляля устраивала для нас воскресные прогулки. Показала Триумфальную арку и площадь Звезды с разбегающимися от нее во все стороны лучами-улицами. Водила по Елисейским полям под платанами. Народу текло по тротуарам – я столько за всю мою жизнь не видела! Поднялись мы и на Эйфелеву башню, и Нотр-Дам покорил величавой громадой. Я навсегда полюбила Париж. Константинополь тоже был огромен, но не было на его кривых улочках такого скопления людей, таких потоков автомобилей, таких магазинов с роскошными витринами, изящных арочных мостов через реку. И еще. Париж никогда не подавлял меня. Ни в детстве, ни потом.

Но вот квартира наша оказалась неудачной. Одна комната была большая, другая – маленькая. В ней поселились мама, я и Саша. В «гостиной» – все остальные. Бабуш-

ка и Марина спали на кровати, дядя Костя – на диване. Вечером на пол стелили два тюфяка, и на них покотом укладывались спать тетя Ляля с детьми. Долго думали, на чем буду спать я. Придумали к единственному креслу подставлять два чемодана.

Через месяц бабушка собрала семейный совет. Взрослые расселись вокруг стола, мы устроились на диване в ряд. Бабушка заявила с полной определенностью:

– Немыслимое дело так жить.

– Что вы предлагаете? – сразу закипятился Саша.

Квартиру-то снял он.

– Нужно сменить квартиру, – сказала мама. – Мы попали в богатый квартал, русские здесь не селятся.

– Я считаю, что нужно снять немеблированную квартиру, – вставила тетка, – это намного дешевле.

– А мебель? – моргнул Саша.

– Мебель купим, – сказала бабушка. – Мне рассказывала Аня Елагина, что по случаю можно купить недорогую мебель.

– Но на какие шиши?! – возопил Саша.

– Продадим брошь, пару колец, – спокойно отвечала бабушка.

– Давайте! – Саша встал и расшаркался. – Давайте слушать Аню Елагину, давайте, голуби мои сизокрылые, обзаводиться мебелью, давайте начнем скупать всякое бахла. Шкафы, столы, кренделябры. Рояль, если пожелаете.

– Саша, не паясничай, – поморщилась мама.

– Нет, меня это возмущает! – Саша навис над столом, над головами сидящих. – Неужели вы всерьез считаете, что мы будем вечно торчать в этом окаянном Париже?

Бабушка положила руку на стол ладонью вниз.

– Александр Евгеньевич, дорогой, послушайте меня спокойно. Сколько можно уже, – она обвела их всех взглядом, – сколько можно твердить и твердить без конца: мы вернемся в Россию, мы вернемся в Россию. Вы умный человек, пора бы уже научиться трезво смотреть на вещи. Мы никогда не вернемся в Россию. Россия для нас закрыта.

Мама зябко повела плечами и опустила ресницы. Тетя Ляля принялась задумчиво обводить пальцем клеточки на скатерти.

А я вот смотрю сейчас на эту сцену издали и вижу все до мельчайших подробностей – круглый стол с клетчатой скатертью, абажур с бахромой, зеленую обивку дивана, где сижу с сестрами и братом, темный провал окна. И думаю. А ведь бабушка не открыла никакой Америки. Они же знали. Все они прекрасно знали, что разговоры о возвращении – сказка для маленьких детей. Летом 1925 года уже не имело смысла так отчаянно предаваться иллюзиям.

– Па-азвольте! – сел на место Саша и тут же вскочил обратно. – Это немыслимо! Это абсолютно упаднические настроения, господа! Пройдет немного времени, в России наведут порядок...

– Кто? – холодно снизу вверх посмотрел на него дядя Костя. – Кто станет наводить в России порядок?

– Как – кто? Американцы, англичане, те же французы, наконец. Ты что же думаешь, они будут смотреть сквозь пальцы на укрепляющих свои позиции большевиков?

– Я не хочу, – так же холодно отвечал дядя Костя, – чтобы американцы, англичане или французы наводили в России порядок. Предпочитаю России оккупированной – России с большевиками. А ваше галлиполийское чудо так же несостоятельно, как и все остальное, затеваемое господами кутеповыми, миллерами и прочей пеной ниже рангом.

– Вы не смеете! – побелело узкое Сашино лицо. – Вы не смеете так говорить о порядочных людях!

– Саша, ты глуп, – пожал плечами дядя и отвернулся.

Но Саша взбеленился не на шутку.

– Милостивый государь, я старше вас по званию и лучше разбираюсь в обстановке. Дядя Костя вдруг рассмеялся в голос и повел круглой головой.

– Если говорить о званиях, то я, оставаясь в строю, уже давно был бы, как вы, капитаном.

– Да, но я-то полковником!!!

Тетка, смотревшая на них с веселым изумлением, фыркнула. Бабушка, чтобы не обидеть ни ту, ни другую сторону, опустила глаза. Мама серьезно и испуганно смотрела на мужа.

– Господа! – как мне показалось, весело и одновременно зло закричала тетка, – опомнитесь, вы давно разжалованы! Вы уже из России драпали без погон! – и шепотом, чтобы мы не слышали, – прос... вы Россию, вот что!

– Аля! – воздела руки бабушка, но та даже не обернулась, сверля глазами Сашу и дядю Костю.

– Теперь ОНИ! – она энергично ткнула в нашу сторону пальцем, – расплачиваются за грызню, за возню и прочие кровавые воскресенья! Молчите хоть вы и думайте, чем завтра кормить ИХ! – и снова ее палец описал дугу в нашу сторону, – и сделать так, чтобы они жили в человеческих условиях, а не спали на полу и на чемоданах! И как их образовать до уровня, если не интеллигентного, то хотя бы приличного!

– Вот они, грехи отцов наших. Ах, грехи, грехи, прости господи, – пробормотала бабушка.

– Грехи? – вскинулась на нее тетка. – Это чьи такие, с позволения сказать, грехи? И довольно, довольно теорий и болтовни! Не едем – значит надо устраиваться. Как устраиваться? Вот пусть капитан с полковником думают.

Саша сидел надутый, дядя смущенно улыбался. Неизвестно, чем бы кончился разговор, но в дверь постучали. Марина на цыпочках побежала через комнату отворять, и на пороге появился незнакомец в добротном костюме и в шляпе. Был он высоченного роста, грузный, если не сказать толстый, а когда снял шляпу, оказался еще и лысый. Незнакомец обвел ироническим взглядом приготовленный ко сну наш бивак и представился по-русски.

– Шнейдер. Ефим Моисеевич. Прошу покорнейше простить за позднее вторжение.

Впрочем, привело его к нам невеселое дело. У него пропала дальняя родственница жены, совсем молоденькая девушка, работавшая с моей мамой в паре на заводе Рено. Вот он и разыскал нас в надежде получить сведения о Женечке (так звали его родственницу).

На другой день мама приняла деятельное участие в розысках пропавшей. Они побывали на квартире у Женечки, разыскали некоторых знакомых, – все тщетно. Через два дня ее обнаружили в морге.

Никто так и не узнал, почему эта девушка бросилась в Сену. Тайну она унесла с собой. Бедняжку похоронили, а Ефим Моисеевич с тех пор зачастил к нам и очень скоро превратился просто в Фиму. Мы, дети, называли его, конечно, более почтительно – дядя Фима.

По происхождению он был русский еврей, выкрест, но не белый эмигрант. Его отец уехал из Киева задолго до революции и оставил Фиме значительный капитал.

С русской эмиграцией Шнейдер не знал. Жил широко, любил шумно и скандально кутнуть на манер доброго русского барина. Да он и походил на барина, крупный, холеный, со светлыми сумасшедшими глазами. Он был умен, образован, прекрасно говорил по-французски, имел за плечами незаконченный курс исторического факультета и коммерческое училище.

Русская жена его (он приводил ее к нам однажды) была невыразительна и скучна. Вечно сонная, будто с самого рождения только и делала, что спала. Ее с трудом растолкали, выдали за жизнерадостного Фиму, потом у нее родилась дочь. Мамаша подивилась такому повороту событий, понянчилась с ребенком, а потом отдала в

роскошный частный пансион. Побывала она у нас в гостях один-единственный раз, и больше мы ее никогда не видели. Все привыкли считать Фиму беззаботным и веселым холостяком.

Вскоре бабушка обратила внимание на повышенный интерес Фимы к тете Ляле.

– Ляля, – строго предупредила она дочь, – негоже это– флиртовать с женатым человеком.

– Ах, мама, ну что такого, в самом деле! Что я – старуха? – легкомысленно отмахнулась тетка.

– Нехорошо. Очень нехорошо, – поджала губы бабушка.

Впрочем, Фима завоевал и ее доверие, осудив самым беспощадным образом наше фантастическое житье.

– Господа-а! – разводил он руки и откидывался на стуле так, что стул готов был вот-вот развалиться, – это ни на что не похоже. Это форменный бедлам, господа. Я вот тут кое-что шукав-шукав и нащукав.

Фима любил вставлять в речь украинские слова, и они нас ужасно смешили. И вообще, когда он начинал говорить, мы всё бросали и начинали смотреть ему в рот.

– Вот, господа, какое у меня для вас имеется предложение.

Он не спеша полез во внутренний карман и достал крохотную записную книжечку с золотым тиснением.

Предложение Фимы оказалось чудом, сказочной феерией. Все слушали, затаив дыхание. Потом по его указанию сняли в аренду на три года обнаруженный им в предместье Парижа маленький меблированный домик. Хозяин должен был куда-то немедленно уехать, он позволил нам выплачивать приемлемую сумму в рассрочку.

7

Новый дом.– Школа.– Праздники.– Мои увлечения

Тихий непроезжий переулок с таким же тихим, дремотным названием Вилла Со-мее. Двухэтажный домик с тремя комнатами – кухней, столовой и спальней, а также хозяйственной пристройкой на первом этаже, с тремя комнатами на втором. Вокруг дома заросший травой яблоневый сад, в саду иссеченная дождями беседка, во дворе перед домом кусты сирени и жасмина.

Наконец-то мы устроились удобно, просторно и зажили в полном согласии. Даже Саша стал реже наведываться в Галлиполийское собрание, а дядя Костя перестал, за редким исключением, дразнить его полковником и Милордом.

К моей великой радости, крохотную мансарду отдали мне как самой старшей из девочек. Окном она выходила на крышу, и по вечерам я повадилась вылезать на теплую черепицу, мечтать в гордом одиночестве и смотреть на звезды.

В комнате я все расставила по своему вкусу. Мне выделили пружинную кровать, столик для занятий, тумбочку и полку для книг. На пол постелили старенький, но вполне приличный коврик. Больше здесь ничего бы не поместилось, но это было не важно. Главное, своя, уютная комната.

Со времен войны 1870 года между Францией и Пруссией Париж был обнесен крепостными валами — фортификациями. К 1925 году их почти не осталось, но на нашей окраине они еще сохранились, невысокие холмы, поросшие травой, с одиночными деревьями. От нашего дома до фортификаций было рукой подать, стоило пройти насквозь короткий переулок и перейти бульвар Мюрата. Вдоль противоположной стороны бульвара они и тянулись, падая отвесной стеной из дикого камня на лежащую метров на двадцать ниже параллельную улицу. Часто, как воробушки, мы бесстрашно усаживались на гребень стены, свесив ноги вниз. Смотрели, как далеко под нами ходят укороченные люди, бегают игрушечные автомобильчики. Думаю, если

бы бабушка увидела наши посиделки, она бы умерла от разрыва сердца.

Фортификации были местом встречи всей окрестной детворы, и скоро у нас завелись хорошие приятели. Были среди них русские, но больше французы, и им было в высшей степени безразлично наше происхождение. Мы бегали взапуски, гоняли обруч на палочке, прыгали через веревочку, скакали на одной ножке по расчерченным квадратам классиков. Простор и свобода залечили раны, нанесенные монастырем. Он выветрился из головы, как дурной сон.

Все лето мы бегали по зеленым холмам, а осенью пришлось идти учиться в коммунальную школу. Начались мои мучения.

По возрасту я должна была идти в шестой класс, по знаниям – в девятый. Пете и Марине в этом отношении повезло. В тот год, что мы с Таткой прозябали в монастыре, тетя Ляля занималась с ними. Французским языком она владела в совершенстве и сумела хорошо подготовить детей. Татка шла учиться с самого начала. Одна я была обречена на провал. Догнать ровесников, убежавших на три года вперед, да еще не в русской, а во французской школе, оказалось мне не по силам. Меня посадили в седьмой класс.

Через месяц учителя сжалились, спустили еще ниже, в восьмой. Маленькая, без единого грамма подкожного жирку, я не выделялась среди малышей-одноклассников.

А в это время в Париже уже были открыты русские гимназии. Отдали бы меня учиться туда, никаких мучений бы не было. Какими соображениями руководствовались наши родители, решившие дать нам французское образование, – не знаю. Видно, смирились и уже не видели нашего будущего вне Франции.

Я стала зубрить Людовиков и Генрихов, переписывать по сто раз скучнейшие тексты про любимую козу месье Сагена и тупо молчать на уроках арифметики. Мое счастье, что математические науки находились в ту пору на задворках французской школы и были второстепенными дисциплинами. К чему-чему, а к точным наукам у меня не было ни малейших склонностей.

Треклятые неправильные французские глаголы снились мне по ночам. Смешивались в кашу династии, короли, кардиналы. Назло всему я решила заняться русской грамматикой или просила бабушку поддиктовать мне. Она приходила, вытирала руки о кухонный передник.

– Ну, давай, что там у тебя. Подиктую, пока варится суп.

Потом бабушка исправляла многочисленные, ископаемые, как она говорила, ошибки. Вместо «вожди» я могла написать «вожди», вместо «дождь» – «дошч». Не считая головоломок с мягким знаком, ижицей и самодержцием ятем.

– Слово «место», Наташа, – говорила бабушка, – пишется через ять. Ты снова забыла слова на ять. Ну-ка. «Бедный-бедный бледный бес. Убежал голодный в лес...»

Бабушка или не знала, или не хотела знать, что в России введена новая орфография, и заставляла учить «бледного беса».

И все же русскому правописанию научила меня она. Она позабыла многие правила, но писала грамотно. Часто, сомневаясь, говорила:

– погоди, не спорь со мной, дай сама напишу, – писалось спорное слово. – Вот видишь, я была права. Только почему так пишется, убей, Наташа, не знаю. Старая стала, забыватвала.

На Вилла Сомейе мы заново объединились вокруг бабушки. Управляла она нашим хозяйством властно, ввела жесткую экономию и какой-то удивительно русский быт. В чем это выражалось, я толком не могу объяснить, но многие знакомые приходили к нам, как они говорили, подышать русским духом.

Нас, внуков, она продолжала воспитывать по заповедям Христовым и тяжело переживала убежденный атеизм тети Ляли. Та в Бога не верила принципиально, в церковь ходила исключительно из уважения к бабушке и потому, что так было принято. Тетя Ляля говорила:

– Мой отец тоже не верил в Бога. Но это не мешало ему оставаться порядочным человеком.

Жизнь стала потихоньку налаживаться. Мама и Саша теперь работали на *Ситроэне* и неплохо зарабатывали. Дядя Костя, изломавшись на разгрузке вагонов, сдал экзамены и сделался шофером такси, как многие бывшие военные. Тетю Лялю чтили и уважали в клинике. Если ей выпадало ночное дежурство, то дежурного врача с нею, с простой сестрой милосердия, не оставляли. Это было почетно, это было и обидно. Доверять доверяли, но прав так и не дали. Женская судьба ее тоже не складывалась. За нею ухаживали, многим мужчинам она нравилась, хоть многие и побаивались острого ее языка. Но ухаживания, как правило, ничем не заканчивались. Да и кому она была нужна с двумя детьми, да еще болезненно ревнивыми ко всем мимолежным поклонникам.

За год мы слегка приоделись. Уже не так стыдно было показываться на улице. В праздники стол ломился от вкусной еды. В те годы Франция процветала, продукты были необыкновенно дешевы, было изобилие всего. На обед у нас всегда было свежее мясо, прекрасные овощи. И кредит в ближней лавке.

Самым большим праздником в среде русской эмиграции считалась Пасха. Отмечали пышно, во всех русских церквях шло торжественное богослужение. Бабушка настаивала, чтобы всю святую неделю мы ходили в церковь, особенно в четверг на чтение «Двенадцати Евангелий».

Это была утомительная служба, заканчивалась она поздно вечером. Во время службы все стояли с зажженными свечами, а потом последнюю свечку надо было принести домой непогашенной, и бабушка зажигала от нее лампаду.

Горящую свечку вставляли в бумажный фунтик, чтобы трепетный язычок пламени не задуло ветром. Из церкви выходило множество народу, шли, сберегая наполненные золотым сиянием кулечки. Встречные французы с любопытством оглядывались на невиданное шествие людей с таинственно освещенными снизу лицами.

Петя оказался самым изобретательным из нас. Смастерил хорошенький китайский фонарик, и ему всегда удавалось донести свечу. А Татке не удавалось, у нее гасло. Она ташилась за братом и канючила:

– Я снова хочу зажечь, Петя...

Он не давал, пускался в нравоучения, мол, зажигать по дороге свечи нечестно, мол, самому надо иметь голову на плечах, а не кочан капусты. Мы с Мариной сговаривались заранее, жулили потихоньку от всех. Если у нее гасло, она зажигала от меня, и наоборот.

В маленькую церковь неподалеку от Вилла Сомейе ходили мы и на вынос Плашаницы. Но Страстная Суббота была поводом для встречи всех русских на рю Дарю. Там стоял большой храм, построенный еще Александром III, великолепный, с небольшими ребристыми главками вокруг главного купола. Он был виден издалека, из ушеля прямой улицы, а когда к нему приблизишься – открывался во всей красе, окруженный кружевной оградой чугунного литья.

К заутрене бабушка уходила раньше всех. Вступала в храм, выстаивала всю службу. Мы являлись позже, когда внутрь уже невозможно было попасть, и оставались в толпе на церковном дворе среди множества русского люда. Здесь почти все знали друг друга.

Священники в светлом облачении с хором и причетом выходили из храма с пением «Христос воскрес из мертвых». Все начинали христосоваться. Толпа распалась, собиралась вновь, кружилась на месте в празднично-возвышенном брожении. Иногда кто-то становился на цыпочки, махал рукой через множество голов, окликал знакомых. Мама и дядя Костя шли отыскивать бабушку. Обычно находили ее в кучке пожилых людей, издавна знакомых по России, но теперь не имеющих возможности часто встречаться. Мама и дядя Костя смиренно ждали в сторонке, пока старики не порасспросят друг друга о жизни, не перецелуются. Потом вместе с приглашенны-

ми гостями шли домой разговляться. Шнейдер всегда праздновал Пасху с нами.

На Рождество устраивалась елка, детям дарили долгожданные подарки, вечером обязательно гадали. Лили воск, смотрели в бесконечность анфилады, образованной двумя поставленными напротив зеркалами, пускали гадательную лодочку.

Для этого в большую фаянсовую миску наливали воду, к стенкам миски прикрепляли смоченные водой бумажки с заранее написанным желанием. На воду пускали лодочку, сделанную из половинки ореховой скорлупы, с зажженной елочной свечкой. Свеча потрескивала от близости воды, по игрушечным волнам плыла лодочка. К чьей бумажке причалит, у того желание обязательно исполнится.

После этого дядя Костя показывал на стене замечательные тени. Волка, орла, зайца. Зверушки шевелились, кланялись, будто живые. И уже совсем поздно вечером устраивался карнавал. Рядились кто во что горазд и «не узнавали» друг друга.

В столовой гасился свет, зажигались свечи на елке, становилось тесно, таинственно, пахло воском и хвоей. Невозможно было разобрать, Петина ли это тень скачет на стене среди путаницы еловых лап или на самом деле пришел веселый паяц. Ру-салка Марина приближала к моему лицу загадочный взгляд, взмахивала сетями, роняла из распущенных волос бумажные водоросли. Возле елки самозабвенно кружилась белая снежинка Татка. Подбегала, теребила рукава моего восточного одеяния, ташила танцевать.

Бабушка, разумеется, никогда не наряжалась во всяких там цыганок или волшебниц. Ее усаживали во главе стола, чтобы строго судить и выбрать самый красивый костюм, за что победителю полагался особый приз.

В цыганку любила наряжаться тетя Ляля. Пышная юбка в сборку, пестрая косынка немного набок, брови, губы, щеки – все яркое. И монисто на шее. Она старательно гадала каждому по руке и нагадала мне однажды, что я стану ученым астрономом, а Татке – что она выйдет замуж за Ваню Корешкова.

Никакого Вани Корешкова в природе не существовало, но после этого в минуты размовок мы дразнили Татку мадам Корешковой, а она обижалась.

И так же весело встречали Новый год. Детям позволяли не спать до двенадцати. Полночь дядя Костя отбивал медным пестиком по большой сковородке, имевшей замечательный колокольный голос.

Три года мы прожили на Вилла Сомейе. Если спросить, было ли у меня детство, настоящее, безоблачное, я отвечу: да, было. Вот эти три года.

После масленицы бабушка заставляла всех внуков исповедоваться и причащаться. Готовиться к исповеди было всегда волнительно. Мы прибежали к ней за советом, о каких грехах нужно говорить батюшке, а какие не заслуживают его внимания. Грехов в ту счастливую пору у нас было немного.

Татке вменялись в вину упрямство и кокетство. С первым она соглашалась, второй упрек встречала в штыки.

– Когда, вот скажите, когда я кокетничала?

Петя выступал главным обвинителем.

– Милая моя, – расшаркивался он перед нею, – не далее, чем вчера. Кто строил глазки Игорь Платонычу? Села, фуфыра, губки бантиком, смотрит искоса...

Татка брала тоном ниже.

– И вовсе нет. И все ты выдумываешь. Нужен мне твой Игорь Платоныч. Он, во-первых, старый.

Вмешивалась бабушка.

– Оставь, Петя, ты слишком строг. Всем женщинам приятно, когда на них обращают внимание.

Татка, бедная, становилась совершенно уничтоженная. Красная, как бурак, она кричала:

– Противный, Петька, противный! Я все равно батюшке про это говорить не

буду! – и тут уж доставалось от нее брату. – Сам-то, сам, чистюля несчастный! Чтоб дверь открыть, платочек из кармана достанет и трет ручку, трет...

Но бабушка считала навязчивую Петину чистоплотность не грехом, а дурью.

Настоящий грех у Петеньки был. Петенька рос диким ревнивцем. Он ревновал Татку к тете Ляле, меня – к Татке или к бабушке, и вот, при случае, бабушка внушала этому новоявленному мавру, какое это нехорошее чувство – ревность. Он слушал опустив голову и тяжело вздыхал.

Марину упрекали за нерасторопность и молчаливость, за слишком уж испуганное увлечение рисованием в ущерб учебе. Меня – за излишнюю мечтательность и витание в облаках. Но о главном, если у кого на душе сокрытый от всех проступок, бабушка не позволяла говорить. Это уже, учила она, дело совести каждого. О тайном – только батюшке, и это лишь его право отпустить прегрешение.

Так, разобравшись во всем, мы шли на исповедь. После отпущения грехов и причастия возвращались домой чинные, благостные. Дом погружался в дрему, а бабушка начинала беспокоиться, уж не затевают ли новую каверзу ее дражайшие олухи.

Оставшись одна в комнате, я часто разглядывала себя в зеркало и огорчалась. Нос картошкой, волосы жиденькие, бровки светлые – не видать, руки-ноги тощие, платье висит, как на вешалке. Все это настроило меня на грустный лад. Я решила вернуться к давнему намерению – уйти от мира сего в монастырь. Теперь уже не католический, а православный. Я стала готовиться. Надела вериги – обернулась вокруг талии сложенным в несколько раз электрическим проводом. Сташила и затолкала под кровать тюфяк, устроила келью. Спать стала ложиться на голую сетку, прикрытую одной простыней. Было жестко и холодно, однако терпела. Зато в келье было сумеречно, отгороженно от жизни приспущенным до полу покрывалом.

Залезала в келью, зажигала свечу, била поклоны перед иконой, установленной на пачке книг отнюдь не религиозного содержания.

Подвела свеча. Свечу заметила мама. Подошла, сбросила завесу. Пришлось вылезать и объясняться. Ни слова не говоря, мама водрузила тюфяк на место, велела размотаться от шнура и идти играть на фортификацию. На том и завершилось мое двухнедельное монашество.

Тогда я решила сделаться монархисткой. В тот год к нам часто приходил в гости предмет Таткиного обожания Игорь Платонович. Самый настоящий, неподдельный монархист.

Когда он со слезами на глазах начинал повествовать о последнем царе-мученике, у него светилось лицо. Бабушка сочувственно кивала каждому его слову, мама и дядя Костя сдержанно помалкивали, а тетя Ляля пускалась в спор.

Нет, большевики, расстрелявшие царскую семью, были ей омерзительны, но самого царя она оправдать не могла.

– Это он привел Россию на грань катастрофы! – стучала она ногтем по краю стола и уходила, чтобы не разругаться с Игорем Платоновичем.

Откуда он взялся, Игорь Платонович, тонкий, всегда чисто выбритый, с длинными музыкальными пальцам, я, по правде сказать, не знаю. Неизвестно было, чем он занимается. Говорили, пишет какие-то ученые брошюры, коротает над ними одинокие вечера. Единственной отрадой для него было – говорить и говорить, легко, красиво, не ошибаясь в датах, о разоренной династии Романовых. Он знал, кто на ком был женат, помнил дни рождения наследников, знал имена всех великих князей и княжон. Особо почитал Александра II, а Россию без монархии считал погибшей.

О своем прошлом Игорь Платонович не рассказывал. Может, он и был когда-то ученым-историком. В Париже это не имело никакого значения. Одно время он устроился подсобным рабочим на стройку. Дядя Костя его подколот:

– Вот вы, Игорь Платонович, теперь пролетарий. Пора и новый Интернационал создавать. Выберем вас вождем, устроим переворот. Кто был ничем, тот станет всем.

Игорь Платонович разгневался ужасно. Впервые за все знакомство повысил он голос:

– Перевороты и революции устраивают рвущиеся к власти проходимцы! Их пособники – люмпен и банды головорезов! Вы что же, думаете, тяжелый физический труд превратит нас в хамов? Ни-ког-да! Нам ниспослан крест! Мы обязаны безропотно нести этот крест! Ваша ирония совершенно неуместна, милейший Константин Дмитрич!

– Да я пошутил, ну вас, ей-богу! – оправдывался дядя Костя.

– Шуточки у вас, однако, – косился Игорь Платонович, настойчиво усаживаемый на место бабушкой.

– Поймите, – успокоившись, говорил он, – мы по крови и по призванию принадлежим к почетному легиону мыслящей части человечества. Даже гребя лопатой, я не могу перестать думать. Думать! – он хлопнул ладонью по своему высокому лбу.

– Правильно, – убежденно кивнула подоспевшая на шум мама. Она под села к столу, положила на сжатые кулачки подбородок. – Я то же самое говорю.

– Наш факел не погашен, нет! – ободренный мамой, звенел голосом Игорь Платонович. – Наш факел коптит, мигает, задыхается без кислорода, но пламя есть. Есть! Мы обязаны поддержать это пламя.

– Для чего? – грустно спросил отшутившийся дядя Костя.

– Им передать. – Игорь Платонович широким жестом показал на меня, Петю, на Татку с Мариной. – Пусть они несут. Дальше. К следующим поколениям. А как же! Пока существует мысль – жизнь на земле продолжается.

Мама с восторгом смотрела на Игоря Платоновича, в ее глазах светился безумный огонек.

Вот к нему, Игорю Платоновичу, я и обратилась со своими монархическими исканиями. В следующее посещение он принес несколько открыток с портретами царя Николая II, Александры Федоровны, царевен и царевича. Маленький Алексей особенно мне понравился. Хорошенький мальчик в курточке с матросским воротником. О варварском расстреле этих красивых людей я знала. Уходила в свою комнату и горевала по убиенному царевичу.

Вскоре по Парижу поползли слухи о чуде спасенной Анастасии. Была женщина, выдававшая себя за царскую дочь. С нею носились, поговаривали, будто ее признал сам Дмитрий Павлович. Я бросилась к Игорю Платоновичу:

– Это правда?

Он положил руку на мою голову и печально сказал:

– Милая девочка, время чудес давно миновало. Мы живем в эпоху расчета и бесчеловечности. Настоящая Анастасия, увы, мертва.

Через год он уехал в Южную Америку. Обещал писать, но, видно, не случилось ему, так и не написал, и навсегда затерялся не то в Аргентине, не то в Бразилии.

А портреты царей со временем пожелтели, засидели их мухи. Я поснимала открытки со стен, а потом они и вовсе куда-то затерялись.

(Окончание следует)

ПОЭЗИЯ

Иван БЕКЕТОВ

Полифония в Год Мыши

(Отрывок)

...он взвешивает сколько еще осталось
со всем что еще впереди
это одно и то же но им
хочется верить что это разное...

...у парка в забытом заросшем яру
в зарослях и зловонии липкой жижи
перемешанной с полиэтиленом времен
красной звезды где он родился
плавает розовый пупс которого если качать
издает звук двигающихся мехов
блеяние со скрипом...

...мальчик с резиновой крысой
рожденной в Шанхае пользуясь случаем
ворует красное яблоко для маленькой Елены
которая всего однажды в жизни откроет книгу...

Об авторе. Бекетов Иван Викторович. Поэт. Родился в 1986 году в маленьком городке Мерке, в Южном Казахстане. Публиковался в ЛХИ «Апполинарий» (поэма «150 лет как мы родились» 2005 г.), в «Литературной газете».

В настоящее время живет в Алма-Ате. Работает литературным редактором в еженедельнике «Свобода Слова».

* * *
...по водосточным трубам несет пыль
и пахнет битыми камнями...

...в пустых глазницах косых домов
видно противоположную сторону
косого взгляда...

...оставленное немецкое фортепьяно
в пыли настроенное на слух
в пустом доме где развороченные деревянные полы
открывают вид на дно подвала
оно звучит так же четко как если бы
каждая ступень полуразрушенного здания
звучала голосом по ней идущего
«...онемевшая музыка...»...

* * *
...ладонями повернутыми к людям
он протягивает вперед руки
словно тибетский лама
в знак глубокого уважения
показывая высовывает кончик языка...

...его принимают за идиота
кто-то бросает мелочь
называя конченным человеком
ублюдком и молодым иждивенцем
именно в тот момент...

...он в сердцах приветствует их
благословляет и наслаждается ими
теми кто проходит мимо...

* * *
...колонизация нравов
девочка по вызову уходит с авоськой книг
навсегда унося потаенное
чувство собственной обделенности...

...идиллия и драма
он переставляет единицу
оставляя создателя с носом
говоря: «...XXI век, есть
век эффектов...»...

...протуберанцы очерчивают корону
отражаясь в зеркалах пентхаусов
словно на шляпах
грибных небоскребов
которые вырастают как вешенки
на теле огромных пней
вырубленных платановых рош...

* * *

...сквозь зеленое стекло
единичные крысиные вылазки
созвучные с исповедью хулигана
восточными мотивами позолоченных листьев
в утопии бескрайних многоканальных
арыковых возможностей...

...глянцевая чехарда
обугленная свежесть кожи
заморского рейнджера
который готов влезть в розовое ухо
в пикантную бровь в потный пупок...

...любой из своих уплотненностей
в прозу тела сладкой дыни
обливаясь соком и слизью
издавая мелодичный писк серебряного кольца
подброшенного в воздух...

...он сворачивает большой и
указательный палец напоминая
о пустоте ноля
состоянии духа и шепчет
«...все нормальна»...

* * *

...раскрашенные верблюды
со стоической смертной тоской
преследуют заплеванных туристов
в паутине городских скверов...

...пятьсот двадцать четвертый кадр
непохож на все остальные
хочется добавить немного тоники
какую-нибудь идиотскую улыбку
чтобы отражала звон разрывающегося будильника
и аэродинамический шум
поднимающегося над крышами самолета...

...ряженные и жрецы
разгоняют стаю ненасытных филинов
с растопыренными ушами и глазами
продолжают описывать близорукий
поверхностный ритуальный
расстрел поминальных изображений...

...капский трубказуб
водяной козел
балло и лассо
охотник стреляющий только в голень оленя
Виталик Тюн 2008 год...

* * *

...на проспекте Ленина стоит
дом в фетровой шляпе
с красным лицом
рядом человек с черепичной крышей
непонятно кто
в ком живет...

...все время в ожидании землетрясения
он проходит пустые промежутки
между людьми
фамильные ограды и склепы
буйство жизненной энергии
на выцветших фотографиях
ушедшего века...

проза

Евгений ЯКУБОВИЧ

Пыльная мгла

Рассказ

Снег за окном. Опять снег. Нормальная московская зима. А вот год ненормальный, переломный, 2000-й. Подбирается XXI век, подбирается и мое сорокалетие. И с чем мы к нему пришли? Что не удалось? Вроде все нормально.

Ну, давай по порядку – жена, работа...

Итак, Света, жена. Не хуже, чем у других. Не лучше, так что? Сумасшедшей любви не наблюдается уже давно, но скандалы пока редки, а до мордобоя вообще ни разу не опускались. Теплоты прошлой не хватает. Ну, так все позамерзали мы здесь, выстудило страну. А так – все спокойно, привычно. Даже можно иногда позволить какую-нибудь интрижку на стороне.

Работа. Работаю я в крупной американской фирме. Ну, скажем не в фирме непосредственно, это – один из филиалов ее московского отделения. Но какая разница? Вывеска та же, и зарплата хорошая...

Езжу на работу не в метро, а на собственной машине. Пусть не мерседес, но зато и не автобус.

И все же последнее время все чаще возвращаюсь мыслями на пятнадцать лет назад, в тот далекий и уже непонятный сегодня 1985-й. Ведь была возможность уехать. В Америку. С любимой женщиной. Как Ирка просила... Плакала по-настоящему, мол, пропадешь ты здесь, все вы здесь пропадете, сдохнете.

Не пропали, не сдохли.

Хотя к чему это все? Ну, не сдохли, так и не живем по человечески. Почему ее не послушал, почему не уехал с ней? Были причины. Конечно, была куча причин, и все казались тогда важными; и была куча проблем, казалось, неразрешимых по тому времени. Сейчас, с высоты моего сегодня, все выглядит по-другому. Спокойно мог взять и уехать. Бросить все и уехать с Иркой.

И что бы было?

Почему-то эта мысль последнее время приходит ко мне все чаще и чаще. Не просто уехать в Америку. А уехать тогда, в восемьдесят пятом, вместе с Иркой. Интересно, как она там? Ни разу с тех пор не написала, не позвонила. Первое время я весь издергался, потом осталось просто любопытство, – как она устроилась, чем живет?.. А потом все забылось, навсегда. Вот и сейчас думаю о ней только о той, которая осталась там, в восемьдесят пятом.

Взять и уехать. Вместе с Иркой. Из восемьдесят пятого года, и в Америку. И все было бы по-другому. Была бы жизнь, не серая рутина эта беспросветная, а жизнь, настоящая жизнь.

Ну вот, размышлялся. В Америку – это мы, может, и потянем, а вот как насчет восьмидесяти пятого? Машину времени не изобрели, да и кто ж ее тебе даст? Кто тебе даст вторую попытку прожить эти пятнадцать лет?

Действительно, кто? А может, и найдется кто-нибудь, а? Дружище, ну подумай, ведь нет покоя от этой мысли – что, если бы согласился и уехал? Ну, соображай, кто может помочь? Черт, ну откуда я знаю! Кто тебе может... Стоп, ты сам его назвал. Черт, демон, джин аравийский, бес российский, да мало ли их.

Ты что, родной, совсем съехал на почве бесконечного самокопания? Дьявола вызвать собрался, доктор Фауст ты наш?

А что? Ну не самого, конечно. Это правило я еще в армии изучил – если хочешь чего-то добиться, то к начальству не обращайся. Найди того, от кого все зависит непосредственно, с ним и пообщайся. Найди к нему подход, поговори, он ведь тоже человек, поймет. Главное, не светиться на самом вершине; все вопросы должны решаться непосредственно на месте. Так что без дьявола обойдемся. А попробуем вызвать кого-нибудь попроще, беса поменьше, но с понятием.

В принципе, сама процедура вызова и материализации духа довольно проста. Здесь, как и во всех магических процедурах, важно не столько знание и умение самого мага, сколько общая аура, возникающая из веры общества в целом. Вспомним средневековых ведьм. Ведь летали же они на метлах? Летали. И порчу наводили, и больных излечивали. Потому, что верили люди в это. Так было принято, всем это казалось простым и естественным – вот и летали. А когда запретили сверху, да народ прижали, чтоб помалкивал, тут же вся подъемная сила из метел и исчезла.

Так и моем случае. Никаких вареных летучих мышей, никаких мантий, пассов руками и заклинаний на непонятном языке с завываниями и гримасничаньем. Никого этим сегодня не убедишь. И никаких свечей и пентаграмм на полу. Сегодня никто уже и не знает, что это за штука – пентаграмма, и сколько в ней углов, а значит, это все не сработает.

А сработает то, во что обыватель верит сегодня. Что ж, не так плохо. Выходит, что на самом деле у меня полностью развязаны руки – режиссеры бесконечных фантастических сериалов сформировали у зрителя четкую уверенность в том, что чудак очкарик со своим компьютером может создать любое устройство, получить ответ на любой вопрос, и даже победить инопланетный флот вторжения. Так что вызвать беса при помощи обычного домашнего ПК вполне возможно. Главное, чтобы компьютер выглядел убедительно. И в точности соблюдать все ритуалы из фильмов.

Хорошо, представим себе, что идет съемка очередного фантастического фильма. И по ходу дела будем импровизировать. Ну вот, сюда, например, присобачим панельку с красивыми лампочками, и пусть они загораются и гаснут по очереди. Это у нас будет генератор напряженности магического поля переноса. Включаем. Ого, как напряглось!

Замечательно.

Теперь с бешеной скоростью набираем на клавиатуре команды. Все равно что, главное – печатать быстро, не глядя на клавиатуру, упершись орлиным взором в экран. Кстати, а что у нас там на экране? Да не важно это, не отвлекайся. Вспомни, в фильмах экран никогда не показывают. Тут главное периодически делать паузу и сообщать вслух, что очередной этап успешно прошел.

И поехали. Печатаем первую серию абракадабры. Стоп, ты сам-то веришь, что получится? Не очень? Тогда делаем небольшую паузу, восстанавливаем дыхание, берем себя в руки, а за это время пусть генератор поднапряжет наше поле как следует. Только так, милый мой, только полная уверенность. Теперь команда, которую мы ввели – будем считать, что это запрос на вход в систему. Какую систему? Откуда я знаю. Все всегда начинают с того, что пытаются войти в систему. Так, отлично, меня, конечно, не пускают. Следующий шаг – взлом пароля. Все, не мешайте, я сейчас сама сосредоточенность. Среднестатистически, по фильмам, я должен безус-

пешно провести две с половиной попытки. Пусть для достоверности их будет четыре. Все же система сложная, и охраняться должна особенно тщательно.

Итак, я четыре раза ввожу неправильный пароль, и мое лицо мрачнеет с каждым разом. Держись, держись. Ты что думаешь, волосы из бороды или бровей рвать было легче? Тебе же только рожу кривить надо с умным видом, чтобы последний дебил понял, что у тебя что-то там, пока не получается. Вот так, хорошо, Марчелло Маст-ройни ты мой. Оскара тебе, конечно, не выдать, но для сериала вполне.

Теперь произносим вслух первую фразу заклинания:

– Черт, если и пятая попытка провалится, то меня просто выкинет из системы. Чего же ему не хватает?

Хорошо, очень хорошо. Взырем голову, встанем и пройдем по комнате с задумчивым видом (не смеяться, балда, все испортишь!). Все, достаточно. Теперь следующая фраза заклинания:

– Ага, вот оно, ну конечно!

Побольше драматизма в голосе, ведь ты нашел пароль для входа в систему! И бегом к компьютеру, бросайся на стул так, чтобы он всхлипнул (реализм, реализм!) и печатай короткую, как выстрел, фразу.

Есть! Господи, на экране действительно что-то засветилось. Символы какие-то, непонятные, но выглядят в точности как приглашение командной строки в UNIX. Все, приехали. Сейчас розовые слоны порхать начнут.

Не отвлекайся. Пошел процесс, пошел, ты же видишь, что-то действительно получается. Печатай запрос. Печатай! Все что хочешь, только не сиди с открытым ртом, ты же имидж погубишь, и все тут же рухнет. Давай, стальной блеск в глазах – ты уже близок к заветной цели. Что? На экране ответ на твою ахиною? Небось что-нибудь про неправильный синтаксис.

Да нет. Я сейчас чокнусь. На экране появилось меню. На том же неизвестном языке, странное какое-то, но меню. Была ни была. Выбираем второй пункт (я не лох, чтоб хвататься за первое же предложение), и даем подтверждение.

А вот теперь действительно пора вручать Оскара. В центре комнаты возник светящийся матовым цветом цилиндр. Ага, это из «Стар Трек». Ну, в общем-то, логично, я подсознательно так и представлял это себе. Итак, цилиндр густеет, перестает светиться. Кто у нас там? Правильно, как и просили. Никакого балагана с адским огнем и запахом серы. В центре комнаты стоит опрятно одетый по моде конца XVIII века наш родной российский бес, не из крупных. Удивленно озирается, бедняга, не ожидал такого сюрприза. Небось вытащила тебя из-за письменного стола твоего бухгалтерского сила неведомая, да и шмякнула сюда. Вон, аж до сих пор между ушами молнии постреливают. О, молодец, сообразил, заземлился за батарею, и все поуспокоилось.

Ну, здравствуй, дорогой, теперь-то я готов, теперь импровизация кончилась, и начинается наука общения. А уж это я умею.

Когда рассекретили, с последующей распродажей, отдел рукописей Древнего Востока Ленинки, я сумел приобрести несколько свитков. И узнал следующее. Древние мудрецы действительно умели вызывать демонов. Умели это делать и средневековые алхимики.

Но было в свитках и другое. Сложность заключалась не в технической стороне дела, которая как раз была отработана. Главная трудность была в том, что вызванные бесы напрочь отказывались исполнять желания вызвавших их чародеев. Более того, за исключением единичных, вошедших в историю, удачных случаев, все эти попытки заканчивались весьма печально для гордых своим умением, недалеких простаков.

Между тем, причина провала лежит на поверхности. Почему считается, что материализовавшийся демон должен служить магу?

Представьте, например, что вы спускаетесь в лифте, и вдруг видите перед собой вместо привычного загаженного подъезда этукую незнакомую комнату с пренепри-

ятнейшим существом посередине. И это существо на плохом русском начинает вам командовать что-нибудь типа «эй, раб, принеси-ка мне все земные сокровища и пару самых красивых девственников в придачу». Ваша реакция? Правильно, назад в лифт и домой. А если воспитание позволяет, то и в морду перед этим.

С точки зрения демона ситуация выглядит именно так. Ни с того ни с сего выдернули из привычного мира, и на тебе – тащи сокровища земные за здорово живешь. Кроме естественного раздражения человека, простите демона, которого внезапно оторвали от дела, возможно, весьма серьезного, а хуже того – интимного, никаких добрых чувств демон не испытывает и испытать не может.

Ну что ж, давай порассуждаем.

В принципе, заклинание вызова духа не только переносит его в наш мир но и материализует. Переместившись в наш мир, демон изменяется, это основной закон перемещения. То есть в данном случае вызванный мной бес из чисто духовного, бестелесного создания превратится в материальный объект.

И покает этот объект копытцами по моему паркету. И пахнет его тело отнюдь не розовым маслом, воняет, можно сказать, это тело, хоть и возникло только что. И вот это, вполне осязаемое тело, имеет вполне осязаемые желания и потребности.

Желания тела. Дух, который скорее всего только понаслышке знает о так называемых телесных удовольствиях, не может этим не заинтересоваться. Значит, прежде всего надо объяснить, что ему выпал уникальный шанс воспользоваться материальными, а не привычными духовными, благами.

Ну и что можно предложить хозяину новообретенного тела? Приволочь ему пару девиц и оставить на ночь, чтоб показали ему небо в алмазах? Вряд ли. Скорее всего, понятия о сексуальной привлекательности у нас настолько разные, что и пытаться не стоит.

Между тем желудок у людей и у бесов устроен одинаково. Только пользоваться желудком бесам случается очень редко. Так что новизна и острота ощущений завидная. В принципе, ему и стакана бормотухи с карамелькой на газетном листе будет достаточно, с непривычки-то. Но... Будем интеллигентны. Тем более, на что он способен-то будет после бормотухи? Смеситель в ванной поменять?

А мы вот накроем стол на белой скатерти. Да разольем в хрустальные стопочки замороженную водку. Причем не финскую, не аглицкую какую-нибудь, а нашу, московскую, настоящую, конечно, не паленую. И закусим мы первую стопку икорочкой – это обязательно, я настаиваю. А потом селедочкой, и чтоб на ней лук колечком. А потом сразу же, только дыхание перевести, и по второй. И за ней вдогонку грибочек маринованный, симпатяга в ковбойской шляпе с широкими полями, да на ножке такой вкусной, весь в нитях рассола.

Ведь она, водочка, что во рту делает? Она, мамочка, сама вкуса как такового не имеет, зато все сосочки вкусовые у нас во рту ополаскивает и очищает так, что после нее вкус еды ощущаем, как чувствовали только в раннем детстве, набегавшись на улице, а потом съев бабушкиного пирога. И вот этот грибок всем своим благоуханием проникает прямо в душу, так что искры из глаз, так, что весь мир полюбить готов.

Ну-с, а теперь остановочка. Не торопясь, (сживали за столом, сживали!) поковыряемся в салатах, прислушаемся к ощущениям. А когда первые восторги поулягутся, тут уже наливаем третью. Внимание! Третья обязательно должна быть полной. И опрокидываем ее на одном дыхании, шелчком, и замираемся, и трясем головой от восторга. И тут уже перед нами возникает, скворча, тарелка с мясом. Нет, конечно можно туда положить и гарниры всякие, и соусами разными, по французскому обычаю, облить. Это все вторично. А первичное – это есть кусок жареного мяса. И кушаем мы это мясо не торопясь, вкушаем, наслаждаемся, вспоминаем предков своих хищных. Но и медлить тут особо нельзя – как только начнет остывать, тут и половина радости пропадет. Поэтому лучше всего такое блюдо употреблять час-

тями, малыми порциями, пока остальное потихоньку доходит на углях.

Перед предпоследней порцией мяса (именно предпоследней, а не последней, потому, что нехорошее это слово – последняя), так вот, перед предпоследней порцией выпиваем четвертую. Эту пьем не торопясь, с чувством. Перед процедурой вздохнем ненавязчиво, да под столом незаметно распустим на пару дырочек ремешок на животике. Вот так. Четвертая она всегда хорошо проходит. Тут и закусывать особенно не нужно, так, прижать сверху кусочком мяса, чтобы улеглась поудобнее, и хватит, пожалуй.

Теперь следует перекурить. И вот что я вам скажу – выбросьте вы свои сигареты. Их вы будете курить на автобусной остановке, пряча в кулак от дождя с ветром. Нет, после такого обеда нужна только сигара. Достаньте вы ее из футлярчика, да возьмите гильотинку специальную, чтобы обрезание ей, голубушке, сделать, да раскурите хорошенько над золотой зажигалочкой (важно это все, важно!) и пускайте себе дым в потолок. И не затягиваемся – легкие беречь надо. В воздухе и так отравы всякой хватает. А у нас ритуал. Мы же не курим, мы благовония возносим.

А вот теперь, когда в руках дымятся сигары, а на столе, на западный манер, стоят пузатые бокалы, а в них на донышке конячок плещется, вот теперь можно и о делах поговорить. Тут уж ни у кого язык не повернется отказать хозяину в пустяковой просьбе.

И вот уже подводится мой гость непосредственно к цели своего вынужденного визита.

– Ну что ж, милейший Александр Аркадьевич. Просьба ваша, в принципе выполняю. Один нюансик только утрясем с вами, и вперед. Вы в своей восемьдесят пятый, а я к себе в бухгалтерию, а то, поди, уж хватились меня.

А! Нет, ну как я его вычислил – бухгалтер он там!

– А что за нюансик, позвольте полюбопытствовать?

– Пустая формальность, друг мой, уверяю вас. Дело в том, что изменять историю можно с одним условием. История всегда одна, и никаких альтернатив не существует. Поэтому предоставить вам вторую попытку, начиная с восемьдесят пятого года, как вы просите, невозможно.

– Однако, это уже не нюанс, как вы изволили выразиться. Это, выражаясь вашим языком, полный нонсенс!

– Не торопитесь, любезнейший. Я же сказал, что перенесу вас в ваш восемьдесят пятый, и с дамой своей вы снова встретитесь, и сможете сказать ей – «Да, гори оно все огнем, да». А вот после этого начнется другой вариант истории, и эта, нынешняя ваша жизнь, исчезнет. Вы не просто забудете ее, ее никогда и не будет. Согласны? Тогда прощу вас.

Яркий свет, потом непроглядная тьма, затем снова свет. Москва, лето 1985 года. Руки Ирины вокруг моих плеч, губы шепчут:

– Ну, милый мой, милый, ну решайся, наконец.

Я хорошо помню эту сцену. Сколько раз я видел ее во сне и пытался что-то сказать, но голоса не было. Вот и сейчас, испугавшись, что опять пропадет голос, я просто оторвал голову от Иркиных волос, взял ее лицо в ладони и молча кивнул.

Дождь за окном. Этой зимой почему-то все время идет этот дождь, какой-то особенно мокрый, видимо, доставшийся Нью-Йорку в наследство от его английского предка. За окном 2000-й год. У меня сорокалетие. И все вроде в порядке. С Ирой, конечно, уже нет той безумной любви, но уживаемся, ничего, попритерлись за пятнадцать лет. Я так подозреваю, что у нее кто-то есть. Так, ничего серьезного, просто «для здоровья», как выражается ее лучшая подруга. Я тоже пару своих быстротечных романов на стороне не рекламирую. Ирина у меня личность целеустремленная, хваткая. Карьеру делает не хуже моей, а то и лучше.

В принципе, я, конечно, тоже стою на ногах. Работаю в крупной фирме. Правда, в маленьком отдаленном филиале, но кому же я про это расскажу? А на визитке только название компании. Нет, правильно я сделал, что удрал из России тогда, в восемьдесят пятом. Те, кто потом приехали, ох как им досталось. Нам, конечно, тоже не сахар, но значительно легче.

Тогда почему же я все время вспоминаю Светины глаза? Ничего мне не ответила, когда я сказал, что уезжаю. Только посмотрела. И ведь понял ты все тогда, сразу же все понял. Что не надо никуда бежать, не надо счастье свое искать где-то, когда вот оно, рядом. Руку только протяни, и будет у тебя и тепло и любовь, и будет у тебя настоящая жизнь, а не эта бесконечная гонка. Понял, все ведь понял, но не сделал ничего, не протянул руку, а пошел как под гипнозом за Иркой, открывать и покорять Америку.

Открыл. Покорил. А дальше что? Почему все время тянет назад? Причем ведь не просто в Москву, нет. Это как раз пожалуйста, выпиши чек, и лети себе на здоровье, только таможенникам успевай отстегивать. Так нет. Тянет меня в Москву восемьдесят пятого года, когда смотрела на меня Света, молча смотрела. И ничего мне уже не надо в такие минуты, только отпустите меня назад, туда, в восемьдесят пятый, и дайте возможность постоять с ней вот так, молча, и понять, наконец, ее взгляд, и вот так же молча, одним только взглядом, ответить ей, чтоб и она поняла.

Господи, дьявол, ну кто-нибудь, помогите!

Дьявол? А что если действительно попробовать...

За окном висит пыльная мгла. В этих местах она называется хамсин, что означает пыльная буря. Никак не могу этого понять. Буря – это сильный ветер. А здесь в воздухе висит мельчайшая пыль при полном штиле, и ни туда, ни сюда. Кондиционер охрип от напряжения, гоняя остатки чистого воздуха из одной комнаты в другую, по наглухо, как подводная лодка, задренной квартире. Удивляюсь, как точно и достоверно сумел описать Булгаков ту сцену в Иерусалиме. Да в такой хамсин, да с разыгравшейся мигренью, кого угодно на крест пошлешь. Сам повесишься, чтобы не видеть эту бордово-оранжевую мглу за окном. Земля это вообще или уже Марс? Разгулялась нынче погода.

И как это Аркадий смог уговорить меня тогда, в восемьдесят пятом, приехать сюда? Ирка чуть ли не волоком ташила в Нью-Йорк, вон какая недавно приезжала. Вся из себя, и муж при ней собачонкой бегают. Света, та ничего не говорила, просто ждала, надеялась до последнего, что не брошу, не уеду. Тоже сейчас неплохо устроилась, ну, лаются с мужем по вечерам, а чем там еще заниматься по вечерам – у них там, говорят, из дома, как стемнеет, страшно выйти.

И вроде все есть, карьера, семья. А вот тянет, тянет вернуться в восемьдесят пятый год, что-то, видимо, я не так сделал тогда. Вот бы вернуться, разобраться. Помог бы кто, и я тогда брошу все и вернусь.

ПОЭЗИЯ

Лариса ГЕНРИХОВА

Холст выбелен как день морозный

БЕССОННИЦА

Мы у жизни многое просим:
привилегий, успехов, благ.
Раздражаемся, не переносим,
страшно злимся, если не так.

А потом, не смутясь ни мало,
бесконечно себя любя,
наплевав на других, оделяю
тянем с них на себя, на себя.

Но все чаще нас мучит бессонница...
Отчего? Не приложим ума.
Полной чашею дом наш ломится,
а в душе – пустота и тьма.

И не знаем, во тьме бредущие
и не ведающие перемен, –
не скудеет душа дающего
и не требующая взамен.

КУРТУАЗНОЕ

Ах, эти розовые розы,
как капли крови в молоке.
Холст выбелен, как день морозный.
Душе свободно налегке.
И как разбуженная птица,
крылами вымеряя полет,
в восторженную высь стремится,
захлебываясь, небо пьет,
так и душа, испив свободы,
забыв про боль утрат былых,
звенит. И мимо мчатся годы,
слагаясь в куртуазный стих.
И на сердце ложатся росы.
Как этот холст – душа чиста.
Ах, эти розовые розы, –
жизнь – будто с нового листа.

из золотого фонда «ЗВ»

Т. АБАЕВА,
А. ШАМАНСУРОВА

Женщины носили мужские костюмы, ездили на лошадах и метали копья

Второе рождение забытой рукописи¹

В декабре 1959 года издательство Академии наук (Узбекистана) выпустило в свет книгу «Хумаюннамэ» Гульбадан бегим, дочери Захиреддина Бабура.²

Появление этой книги является крупным событием для историков и для широких кругов узбекской интеллигенции, которой до выездной сессии, посвященной 475-летию со дня рождения Бабура, в апреле 1958 г. в Андижане,³ не было известно, что родная дочь Бабура Гульбадан бегим, унаследовавшая от отца его блистательный литературный талант, написала исторические мемуары о своем отце и брате Хумаюне, втором падишахе из дома Великих Моголов (Бабуридов).

Мемуары Гульбадан бегим в течение долгого времени были незаслуженно забыты.

Насколько нам известно, исключая краткое упоминание о них А.Крымского в его «Истории Персии, ее литературы и дerviшской теософии» и К.Антоновой в «Очерках могольской Индии времен Акбара», они нигде в русской дореволюционной и (более поздней) исторической науке не использовались.

Большой труд взяла на себя С.А. Азимджанова, выполнившая перевод «Хумаюннамэ» с персидского на узбекский и подготовившая его издание вместе с персидским текстом Гульбадан.

История рукописи такова.

В 1868 г. в индийских городах Лакнау и Дели полковником Дж. У. Гамильтоном была собрана коллекция, состоявшая из тысячи рукописей, скупленных у местного населения. Часть его огромной коллекции была приобретена Британским музеем. В числе их оказалась и «Хумаюннамэ».

Мемуары Гульбадан, по словам известного издателя «Каталога восточных рукописей» Британского музея Чарльза Рьё, сделавшего их описание, являлись наиболее замечательными из всех приобретенных рукописей.

Четверть века спустя мемуары Гульбадан привлекли внимание известного востоковеда Эннет Беверидж, которая издала их в Лондоне в 1902 году в подлиннике с английским переводом, обширными комментариями, предисловием и введением.⁴

Рукопись, хранящаяся в Британском му-

¹ «Звезда Востока» № 5 1960 г.

² Гульбадан бегим (дочь Захиреддина Бабура). «Хумаюннамэ» (Жизнеописание Хумаюна падишаха — сына Захиреддина Бабура). Изд. АН УзССР, Ташкент, 1959 (на узбекском языке).

³ Алимджанов А, Рахманов Р. Научная сессия, посвященная Захиреддину Мухаммеду Бабуру. «Правда Востока», 24 апреля 1958 г.

⁴ История Хумаюна (Хумаюннамэ) Гульбадан бегим (принцессы розотелой). Перевод с введением, примечаниями, иллюстрациями и библиографическим приложением, а также репродукцией на персидском языке текста с единственно известной рукописи Британского музея, осуществленный Эннет С. Беверидж, членом Королевского Азиатского общества, Лондон, 1902. (В дальнейшем Э.Беверидж).

зее, по-видимому, уникальна. Не только сама рукопись «Хумаюннамэ», но даже и лондонское издание ее стали библиографической редкостью. Книга была забыта.

Вторичное «рождение» рукописи Гульбадан было несколько случайным. Составляя в 1941 году обширную библиографию по «Бабурнамэ», кандидат исторических наук Н.Б. Байкова обнаружила упоминание о том, что дочь Бабура Гульбадан является автором мемуаров о своем отце Бабуре и брате Хумаюне, написанных ею по поручению падишаха Акбара.

Подобрав библиографический материал о Гульбадан и ее труде, Н.Б. Байкова тогда же сделала краткое сообщение о своей находке. Однако факт написания мемуаров женщиной-узбечкой в середине XVI века показался до того невероятным, что долгое время подвергался сомнению. Только после ознакомления с книгой Э.Беве-ридж все сомнения были рассеяны. Но, тем не менее «Хумаюннамэ» еще с десяток лет ожидала опубликования.

Труд, проделанный С.А. Азимджановой, опубликовавшей прекрасно выполненный перевод и, в особенности, подлинный текст на персидском языке, изданный Э.Беве-ридж, является ее большой заслугой не только перед узбекской литературой, но и перед всей востоковедческой наукой, так как оригинальным текстом Гульбадан смогут пользоваться также и лица, владеющие персидским языком.

Рукопись, написанная почерком *наста-лик*, имеет необычный для роскошных рукописей Индии вид. Она в простом красном переплете, пагинация ее явно перепутана; как предполагает Э.Беве-ридж, это, возможно, произошло при обновлении переплета; тогда же, по ее мнению, был утерян конец книги, поскольку текст обрывается на полуслове.

Мемуары Гульбадан, как уже указывалось, были написаны по приказу ее племянника падишаха Акбара для историка шейха Абул Фазла, придворного историографа Акбара, которому было поручено написать жизнеописание этого падишаха — «Акбарнамэ».

Гульбадан бегим родилась в Кабуле в 1522 году. По сведениям, которые мы находим в ее записках, она происходила от одной из жен Бабура — Салихи Султан (другое имя — Дильдар бегим). Дильдар бегим приходилась Бабуру двоюродной сестрой и являлась дочерью его дяди Султана Махмуда Мирзы, правителя Самарканда.

Гульбадан и ее брат Хиндал Мирза вос-

питывались не родной матерью, а по приказанию Бабура были отданы на воспитание его главной и любимой жене Махам бегим. Она оставила большой след в душе Гульбадан. На многих листах рукописи мы видим, с каким уважением и любовью вспоминала Гульбадан о своей второй матери.

Махам бегим отличалась большим умом и пользовалась сильным влиянием при дворе.

Поскольку Гульбадан было 8 лет, когда умер ее отец, то период Бабура она излагает, по ее же словам, в основном по воспоминаниям окружающих.

События, связанные с правлением ее двоюродного брата Хумаюна, она описывает уже как непосредственный их очевидец и участник.

Как правильно отмечается в предисловии к рецензируемой книге, Гульбадан, обладавшая незаурядным умом, хорошо разбиралась в той обстановке феодальных распрей, которая была перенесена из Средней Азии на новую почву — в Индию, когда Бабур, утвердившись в Дели, вызвал в Индию остатки (...) родни своей. В распрях, разделявших сыновей Бабура, Гульбадан неоднократно служила между ними связующим звеном, так как пользовалась общим их уважением. Этому, по-видимому, она была обязана только своим личным качествам.

Она неоднократно выполняла дипломатические поручения братьев в тех случаях, когда требовались особый такт и умение. Нельзя не отметить здесь ее личные высокие качества и понимание тех задач, которые ставил перед собой Бабур, создавая единую империю и выступая против (...) стремлений братьев, разрушавших эту целостность и тем ослаблявших свою страну. В самые трудные минуты, когда ее брат падишах Хумаюн, потерпевший поражение, бежал из своей страны в Персию, ища там убежища, Гульбадан осталась в своем родном Кабуле, стойко перенося все превратности, постигшие ее страну.

Но не только привлекательным обликом автора определяются достоинства «Хумаюннамэ». Рукопись служит неисчерпаемым источником для этнографов, изучающих уклад жизни, семейный и общественный быт Индии в период первых Бабуридов. Правда, рукопись дает представление лишь о жизни господствующих классов и ничего не говорит об отношениях мужчин и женщин из народа. Однако и эти сведения очень ценны и показательны.

Мы узнаем, что при дворе Бабуридов жен-

щины пользовались свободой, принимая участие в больших приемах вместе с мужчинами. Женщины ездили на лошадях верхом, причем носили мужские костюмы, участвовали в спортивных состязаниях, метали копьа и т.д.

Они были начитаны, высокообразованны, многие из них играли на музыкальных инструментах и принимали самое живое участие не только в дворцовой, но и государственной жизни.

Кстати сказать, (...) в конце XV в. подобная картина наблюдалась и в культурной жизни Средней Азии.

Интересна в этом отношении характеристика жены бадахшанского правителя Сулеймана – Харам бегим кипчак мугаль, которая, по словам Гульбадан, являлась фактической правительницей Бадахшана. От нее зависело – посылать войска или заключать мир.

Подробное описание осады Кабула при участии этой женщины-воительницы мы находим в афганской хронике «Бала-Хисар».

Другим примером достоинства, свободолюбивых настроений среди женщин-мусульманок при дворе того периода является неоднократный отказ Хамиды бану на предложения падишаха Хумаюна.

Впервые, говорит Гульбадан, Хумаюн увидел ее при дворе Хиндала Мирзы. Когда же он послал сватов, Хамида бану ответила отказом. «В течение сорока дней длился вопрос о Хамиде, – читаем мы в рукописи, – было много споров. Но она все не соглашалась. Затем Дильдар бегим (мать Гульбадан) стала ее убеждать, говоря, что она все равно выйдет за кого-нибудь замуж, – а кто же может быть лучше падишаха?

Бегим (Хамида) ответила: «Это верно, но я выйду замуж лишь за того, которого, протянув руку, смогу обнять за его шею, а не за человека, до полы которого дотянусь с трудом».

Иначе говоря, Хамида бану желала выйти замуж за человека, равного ей по происхождению.

Для этнографов интересны описания свадебных, погребальных и других бытовых обрядов, одежды и домашней утвари (в рукописи дается подробное описание предметов, полученных в приданое одной из родственниц Гульбадан).

Рукопись представляет исключительный интерес с точки зрения языка.

Как правильно отмечено в предисловии к рецензируемой книге, «Хумаюннамэ» является дополнением и продолжением зна-

менитых «Записок» Бабура, напоминает их по своему содержанию, языку, по своей доходчивости и простоте.

Заслугой С.А. Азимджановой является то, что она сумела в своем узбекском переводе с персидского оригинала сохранить эти особенности языка Гульбадан.

Мемуары Гульбадан бегим выгодно отличаются от трудов хронистов и придворных историографов того времени, прежде всего, простым и ясным языком, которым она излагает описываемые события. Находясь в гуще придворной жизни первых Великих Моголов в Индии, Гульбадан бегим с тонкой наблюдательностью анализирует обстановку, а иногда двумя-тремя скупыми словами дает исчерпывающую характеристику людей и событий.

Написанная на персидском языке рукопись изобилует узбекскими словами. Эти узбекские слова Гульбадан, по-видимому, употребляет там, где ей не хватает слов на персидском языке. Кроме того, встречаются слова и на языках урду и хинди. Эти последние она употребляет для обозначения новых понятий, с которыми ей пришлось столкнуться в Индии.

Язык Гульбадан является указанием на начинавшийся синтез культур Средней Азии и Индии.

Исследование рукописи Гульбадан рядом видных востоковедов – Чарльзом Рье в последней четверти XIX века, Э. Беверидж и А. Крымским – в начале XX столетия, а также в предисловии С.А. Азимджановой и Н.Б. Байковой к рецензируемой книге, дало очень много для понимания культурной жизни периода первых Великих Моголов.

Однако остается еще много невыясненных вопросов, касающихся языка этой рукописи, разрешение которых возможно только совместными силами историков, востоковедов, лингвистов, историков литературы Востока, этнографов и т.д.

Отдавая дань времени, Гульбадан бегим писала и лирические стихи. Из них до нас пока дошло одно (бейт): «Жизнь без любви не имеет смысла».

Это стихотворение Гульбадан цитировалось не раз многими восточными историками.

В истории мусульманского Востока, отмечала в своем выступлении на юбилейной сессии в Андижане Н.Б. Байкова, не раз встречаются имена одаренных женщин-поэтов, слагавших прекрасные и звучные стихи. «Но на всем средневековом Востоке мы не знаем женщин, кроме Гульбадан бегим, которые писали бы о войнах, государствен-

ных делах, политических событиях своего времени».⁵

Говоря об изданных Академией наук (Узбекистана) мемуарах Гульбадан бегим, мы не можем не отметить еще одного факта, на который указывается в предисловии к переводу. Здесь говорится, что на протяжении всей истории средних веков мы встречаем имена только двух женщин-мемуаристок Анны Комнен (XI–XII вв.), византийской царевны, написавшей историю царствования отца и брата, неоднократно переведившуюся на латинский, а затем немецкий языки, и Гульбадан бегим, другой выдающейся женщины средневековья, опиравшей правление своего отца Бабур и брата Хумаюна.

До сих пор ее замечательный труд, несмотря на английский перевод, оставался литературой «парда нишин» (затворнической), только теперь, после издания этой рукописи, завеса приоткрылась.

Мемуары Гульбадан займут достойное место среди первоисточников по истории

не только Индии, но и сопредельных с ней стран.

Любопытна судьба рукописи «Хумаюннамэ».

Написанная женщиной, она переведена на английский язык женщиной востоковедом Э. Беверидж, долгое время над рукописью Гульбадан и восстановлением ее творческого облика работала историк Н.Б. Байкова, перевела на узбекский язык и опубликовала персидский текст востоковед-бабуровед А.С. Азимджанова, и даже настоящую рецензию пишут женщины-востоковеды.

Так как первое издание книги Гульбадан разошлось, и она сейчас является редкостью – хочется пожелать, чтобы «Хумаюннамэ» была переиздана на узбекском, а также переведена на русский язык.

В новом издании хотелось бы видеть более глубокий и критичный разбор труда Гульбадан по существу и по форме. Кроме того, необходимо снабдить его научными комментариями в дополнение к излишне лаконичному сейчас указателю.

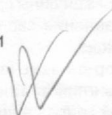
⁵ Байкова Н.Б., Ценная рукопись, «Правда Востока», 24 марта 1959 г.

караван истории

Нафас ШАДМАНОВ

О, лучший из шахов тот...

Исторические сочинения Агахи
как литературный источник¹

Известно, что время жизни этого человека было и последним временем самостоятельной жизни Хивинского ханства.

Между тем, мы знаем, что изучение исторических трудов, авторы которых были очевидцами тех прошедших и – волею политизированного времени – «забытых» событий, не только с точки зрения современных документальных требований, но и со стороны литературной, имеют важное значение для становления, совершенствования и укрепления национальной идеи независимости, для понимания всей культуры прошлого.

I

Сочинение «Шахиду-ал-икбол» («Свидетель счастья») Мухаммада Ризы Эрниязбека-углы Агахи отражает исторические события начального этапа правления (1864–1872) хивинского хана Мухаммада Рахим-хана II.

Данный период характеризуется, с одной стороны, застоєм в экономике, политической, военной и других сферах общественной жизни, с другой – межэтнической рознью внутри государства, которая обретала все более критические формы, и, наконец, усилением политических противоречий с Российской империей.

Пришедший к власти молодой Мухаммад Рахим-хан, хотя и стремился наметить новые духовно-просветительские задачи, но, унаследованные от предков традиции (как

и в других регионах Центральной Азии), препятствовали проведению в жизнь решительных, коренных реформ.

В 1873 году армия царской России под предводительством фон-Кауффмана полностью захватила территорию Хорезма.

Российская империя была заинтересована в этой территории, и потому – на определенное время – сохранила многие старые методы правления, поскольку феодальный уклад жизни местных народов, все-таки требовал определенного времени для восприятия политически и экономически ему чуждой системы взглядов. В начальный период российской экспансии, очень важно было сохранить внутреннее спокойствие, не давать повод для возникновения недовольства местного населения. И сохранение старого уклада было наиболее оптимальным решением.

Исходя из этого, подавшийся было в бегство Мухаммад Рахим-хан, по настоянию метрополии был возвращен к правлению государством.

Так начался второй период политической жизни Мухаммада Рахим-хана II.

II

Рассматриваемое нами сочинение охватывает время, прошедшее до этих событий.

Но – до обретения Узбекистаном независимости оно в должной мере не изучалось. Было лишь в скользь рассмотрено в изысканиях востоковеда А.Л. Куна, А.А. Семе-

¹ Материал публикуется в рамках грантового проекта Общественного фонда поддержки и развития независимых печатных средств массовой информации и информационных агентств Узбекистана.

нова, М.Ю. Юлдашева и немногих других. А также – более серьезно – в работе академика В.В. Бартольда «События перед хивинским походом 1873 года по рассказу хивинского историка». В этой довольно обширной статье (1,5 печатных листа) дается в целом высокая оценка историческим фактам, изложенным в «Шахиду-ал-икбол».

Из числа востоковедов К.Муниров более других занимался проблемами этого текста. Однако и он рассматривал произведение в основном с исторической точки зрения.

К тому же, как замечает академик М.Ю. Юлдашев, – кроме В.В. Бартольда и П.П. Иванова – многие исследователи допускали существенные ошибки в рассмотрении «Шахиду-ал-икбол». Даже материалы, приведенные А.Л. Куном, который прибыл в Хиву с русскими войсками, содержат множество случайных и беспорядочных сведений.

III

Понятно, что автор «Шахиду-ал-икбол», освещая события, имевшие место в истории Хивинского ханства, выражает и собственное, субъективное отношение к ним.

В частности, Агахи дает тонкую критику того, что на базарах Хивы торгуют людьми, попавшими в рабство. И хотя он не скрывает своего негативного отношения к инновенным захватчикам, однако категорически возражает против работорговли. Превращение человека в раба, независимо от его вероисповедания, он считает явлением, противоречащим закону Божию. Больше того, Агахи подчеркнуто воспекает толерантность и мирное сосуществование людей.

В своем произведении Агахи уделяет также серьезное внимание тревожными событиями, связанным с взаимоотношениями между Хивой и соседними ханствами. В частности тем, которые произошли буквально в первые же дни восхождения Мухаммада Рахим-хана на престол (20 сентября 1864 года) Именно тогда он получил от кокандского Султан Мурад-хана послание с просьбой оказать ему помощь в противостоянии русской армии. Как раз в то время, по согласию Кокандских эмиров, было принято решение просить помощь у Хорезмского правителя и Румского халифа. И с этой целью направлены специальные посланники в эти страны.

Хан Хивинский, оказав всяческие почести гонцу из Коканда, после четырех месяцев пребывания того на своей земле, переправляет посланника через Хорасанские горы с соответствующим снаряжением и

провизией в Рум.

Отталкиваясь от этого факта, Агахи пишет о захвате русскими войсками крепости «Ок масжид» (1862 г.) и территории Туркестанского вилайята, подвластного Кокандскому ханству, отмечает увеличение мощи русской армии, и говорит о бессмысленности оказания сопротивления, из-за возможных тяжелых последствий, связанных с ними.

Однако в источнике не содержится сведений относительно ответа на просьбу Кокандских эмиров об оказании помощи.

В этом же произведении уделяется много внимания вопросам захвата территории Бухарского эмирата со стороны русских войск.

Описание отношений Бухарского эмирата и России, начинается с радостного сообщения эмира Музаффар-хана, направленного в Хиву двенадцатого дня месяца джумадуллавал 1282 года хиджры (1865 г.) о том, что территория Кокандского ханства перешла в его владения.

Кокандский правитель Султан Мурад-хан обращается к эмиру Бухары с посланием.

Суть его такова: эмиры Коканда предпочитают владения ханства передать в подчинение мусульманской Бухаре, чем в правление русскому царю.

Эмир пребывает в Коканд с большим количеством войск и устранил Султана Мурад-хана с престола, назначая своим наместником Худояр-хана ибн Мухаммад Алихана.

В описании этих событий имеются серьезные неточности.

Первая неточность – неверное упоминание имени кокандского хана Султан Мурада.

Вторая – в указании даты захвата крепости «Ок масжид».

В Коканде не было хана по имени Султан Мурад. Под этим именем известен младший брат Худояр-хана, хаким города Коканда. Следовательно, неправильно думать, и что послы в Хиву были направлены именно Султан Мурадом. Подобная неточность повторяется и далее, в местах, где кокандский хан также упоминается под именем Султан Мурада.

Когда Музаффар-хан назначил своим наместником Худояр-хана, правителем города был Султан Саид-хан ибн Малла-хан. По историческим сведениям эмир не изгнал его из города, а казнил.

Крепость «Ок масжид» была захвачена не за два года до прибытия послов в Коканд, а намного раньше – на двенадцать лет.

Когда русские войска захватили Ташкент, эмир Музаффар заключил с Черняевым договор о том, что земли и население северной части Сырдарьи переходят во владения России. Южные же части, Коканд и некоторые другие земли, подчиняются Бухаре.

Черняев согласился с таким соглашением, и эмир возвратился в Бухару.

События дополняются сведениями о походах русской армии и рассказами о жестоких боях восьмого мая 1866 года на берегу Сырдарьи в районе озера Сассык-куль, а также о больших потерях и о поражении войск эмира, который сначала скрывается в Самарканде, но после недолгого пребывания там возвращается в Бухару.

В том же году русские войска заняли Ура-тубе, Джизак и вплотную приблизились к Самарканду. Эмир постоянно сражался с чужеземцами, однако всякий раз терпел поражение.

В произведении Агахи описывается и тот момент, когда эмир Музаффар стал серьезно готовиться к оказанию сопротивления в городе Кермине.

Дальнейшие события противостояния эмира связаны с пребыванием в Хиве сына эмира Музаффара – Абдумалика Туры.

IV

Российские войска после захвата Джизака построили казарму на расстоянии шести фарсахов¹ от Самарканда. Эмир несколько раз направлял туда отборные отряды своей армии, однако они возвращались с поражением. Так русские заняли Самарканд и Каттакурган.

Эмир, сознавая недостаточность своих сил, начинает вести тайные переговоры с русским командованием, предлагая условие – ежемесячную выплату 1200 золотых, в обмен на то, чтобы русские войска не входили в Бухару. Достигнутое соглашение тоже было тайным.

Не имея о нем никаких сведений хаким Гузарского виллойта Абдумалик Тура, сговорившись с правителями Карши и Шахрисабза, начал выступать против русских войск, расположенных в Самарканде.

По описанию Агахи, просвещенные жители Бухары, примерно три тысячи человек, прибыли к эмиру и стали просить о том, чтобы он возглавил поход против иноземных войск, или же – дал коней и снаряжения, чтобы они сами пошли на войну...

Эмир пришел в ярость от подобных по-

мыслов своих подданных и приказал казнить их предводителей. Оставшиеся же безоружные войска обманом отправляет в Самарканд, одновременно передавая тайное послание русскому командованию с просьбой истребить этих людей. Сыну же своему – Абдумалику – приказывает не выступать против русских.

Недовольный таким решением, Абдумалик собирает оставшихся военных единомышленников из людей Карши и Шахрисабза и выступает против отца. К нему присоединяются многие другие жители Бухары, тоже недовольные решением эмира. Своим новым эмиром они уже видят Абдумалика, под чьим предводительством готовы выступать против русских.

В страхе потерять трон эмир просит поддержки у русских войск и с их помощью одерживает победу над Абдумаликом. Тот вынужденно отступает в Шахрисабз.

Тогда русское командование направляет туда письмо с ультиматумом выдать его. В противном случае, угрожает поголовной казнью всех жителей Шахрисабза.

В этой ситуации Абдумалику ничего не остается делать, как распустить свои войска и под предлогом сдачи себя русским с 400 всадниками, уйти в Хорезм. По дороге он находит хакима Хатирчи, предавшего его и устраивает ему публичную казнь. Верного же себе хакима Нураты забирает в Хорезм.

На этом факте заканчиваются сведения о противостояниях Бухары и России.

Далее Агахи описывает взаимоотношение хана Фируза и Абдумалика.

Расписывает, какие почести оказывал хан своему гостю и как советовал ему обосноваться со своими людьми на территории Хорезма. Однако Абдумалик все же останется верным своим жизненным позициям и направится в Мерв для продолжения борьбы.

V

Эти же события описываются и в другом историческом произведении того времени «Шаджараи Хоразмшахи» («Родословная Хорезмшахов») хивинского историка Баяни.

В рукописи повествуется и о событиях еще одной соседней страны – Афганистана. В частности, речь идет об афганском правителе Абдурахмане, который по воле судьбы вынужден покинуть Кабул и скрываться в Хорезме. По описанию Агахи ему также были оказаны царские почести. После чего Абду-

¹ Один фарсах равняется, примерно, 6–7 километрам.

рахман нашел себе окончательно убежище на южных рубежах Бухары.

Известно, что историческое сочинение «Фирдавс-ал-икбол» начатое Мунисом и продолженное Агахи, охватывает время с 1813 по 1872 годы. Кроме этого самим Агахи было создано еще пять исторических произведений: «Риёз ад-давлю» («Сады государства»), «Зубдат ат-таворих» («Слитки историй»), «Жоме ал-вокеати Султонш» («Свод событий связанных с Султаном»), «Гулшани давлат» («Цветник государства») и, упоминаемое нами, «Шахиду-ал-икбол» («Свидетель счастья»).

За исключением кандидатской диссертации К.А. Султановой («Произведения Агахи «Гулшани давлат» как литературный источник»), все вышеназванные сочинения Агахи трактуются как исторические произведения. И это при том, что все они написаны высоким художественным стилем на прекрасном литературном языке – «насрий мусджа» («рифмованной прозой»). К тому же, если для исторических сочинений характерно использование научной терминологии, выражение мысли с помощью специальной лексики, то здесь, в «Шахиду-ал-икбол», во многом господствует образное мышление с самым широким использованием средств художественной выразительности.

В «Русско-узбекском толковом словаре литературоведческих терминов» Н.Хатамова и Б.Сарымсакова произведениям подобным «Шахиду-ал-икбол» дается следующее определение: «...изложение в *литературном стиле* исторических событий очевидцами или непосредственными их участниками».

Множество страниц «Шахиду-ал-икбол» отводится изящному описанию картин охоты, изысканных собраний, фактов культурной жизни и спортивных игр. И это тоже дает основание рассматривать данное сочинение в качестве художественного произведения, что не противоречит его изначальной сути как исторического источника, поскольку описание событий в сочинении отличается достоверностью и не требует лишних доказательств.

Г.Каримов и С.Далимов, которые занимались изучением творческого наследия Агахи, не один раз подчеркивали высокие литературные качества его исторических произведений.

По мнению К.Султановой описание исторических событий у Агахи отличаются высокой художественной проницательностью, и посему воспринимаются очень легко. Их картинность и образность настолько орга-

ничны, что читаются они как «кисса» (роман) или «хикоя» (рассказ). В этом плане они сравнимы с высоким образцом исторической хроники и мемуарной литературы – с общепризнанным в литературоведении описанием военных походов Юлия Цезаря.

В изучении сочинений, подобных «Шахиду-ал-икбол», в нашем литературоведении обычно ограничиваются констатацией общей тематической направленности произведений, не говоря при этом об их конкретной жанровой принадлежности. Отсюда – постоянные трудности в определении жанра. В частности, в «Истории узбекской литературы» («Ўзбек адабиёти тарихи») Н.Маллаева духовная близость между Алишером Навои и Саййидом Хасаном подтверждается лишь указанием на то, что об этом просвещенном человеке великий поэт написал литературно-биографическое сочинение «Состояние Саййида Хасана Ардашера» («Холоти Саййид Хасан Ардашер»). Понятие «литературно-биографическое сочинение» остается не уточненным абстрактным словосочетанием. Все это исходит потому, что не разработана научная основа для определения подобного жанра.

В нашем литературоведении используются привнесенные понятия – «мемуарная литература» («мемуар адабиёт»), «жанр мемуаров» («мемуар жанр»), или – их узбекские варианты: «эсдаликлар» («воспоминания»), «хотиралар» («память»). Однако эти выражения не определяют жанр в собственном смысле.

Литературовед М.Супаймонова использует в подобной ситуации уже пару понятий – «мемуар жанр» («жанр мемуаров») и «хотира жанри» («жанр воспоминаний»). На наш взгляд нет необходимости использования разъяснения. Ибо самого имени достаточно, чтобы дать представление о жанре.

В современном литературоведении каждый из видов эпики имеет множество жанровых разновидностей с соответствующим терминологическим обозначением, например, – «исторический роман», «исторический рассказ», «историческая повесть», «исторический очерк» и т.д.

Несомненно, целесообразно рассмотреть этот вопрос и на примере такого значимого произведения, каким является «Шахиду-ал-икбол».

VI

Н.Хатамов и Б.Сарымсаков в упомянутом словаре пытаются решить эту проблему. Они отмечают, что мемуарная литература

зачастую состоит из автобиографических повестей. С точки зрения современного литературоведения это – во многом – правильная установка. Однако когда речь идет о произведениях классической литературы желательно использовать термины, соответствующие его природе.

Это, например, термин – «кисса» (роман).

Арабское слово «кисса» в словарях объясняется так – «рассказ, событие, происхождение». Но с точки зрения сюжета трактуется в качестве более простого сочинения, нежели роман в европейском понимании. Исходя из этого, подобное сочинение классической литературы рассматривается как эпическое произведение, рассказ или предание, содержащее в себе описание событий или мифов.

Хорошо известно, что посвященное истории пророков и содержащее внутри себя предания о Юсуфе и Зулайхо, Фархаде и Ширин, произведение Наср-уд-дина Рабгузи, называется «кисса». В этом же значении используются термины «холот» (буквально – «состояние», «жизнеописание») и «тарих» (буквально – «история»), о чем свидетельствуют и названия произведений Алишера Навои «Холоти Сайид Хасан Ардашер», «Тарихи мулуки Аджам», «Тарихи хукамо ва анбие», где основу составляют и биографии, и кисса на традиционные темы. Посему вынесенные в заглавия термины «холот» и «тарих» соответствуют предшествующему арабскому термину по сути.

К древним кисса, конечно нельзя подходить с позиций современного значения этого понятия, ибо каждый жанр нужно рассматривать в определенном историческом контексте. Тем не менее, на наш взгляд вместо различных наименований, целесообразнее с точки зрения жанра использовать все-таки более универсальное понятие – «кисса». Если возникает необходимость деления на жанровые разновидности можно использовать также универсальные обозначения типа «мутаффик» («цельные») и «мутафаррик» («разрозненные») «кисса». А для облечения можно предложить более современные формы в виде – «ривоя кисса», «мемуар кисса».

Для текстов композиционно цельных и более сложных по структуре (то есть содержащих завязку, кульминацию и развязку), к тому же, имеющих сюжетную основу эпических произведений можно использовать понятие «ривоя кисса». А для сочинений, в которых события излагаются в хронологической последовательности, имеющей характер воспоминаний или дается описание

событий автором-очевидцем, целесообразно применение термина «мемуар кисса».

VII

Выбор в качестве сюжетной основы событий из жизни правителей (Искандар, Ануширван, Рустам, Фархад, Бахром и другие) в классической литературе отнюдь не случаен. То, что их древние основы составляли мемуарные кисса, вполне вероятно.

И с этой точки зрения появление в качестве главного героя исторического сочинения Агахи «Шахиду-ал-икбол» Мухаммада Рахим-хана традиционно вполне оправдано. Вот почему оправдано и наше жанровое определение сочинения. Несомненно – это «кисса». Хотя возможна и более широкая трактовка – принадлежащее Агахи сочинение «Шахиду-ал-икбол» не только литературно-художественное творение, но и ценнейший источник, содержащий сведения о многих иных жанрах и формах живого художественного процесса своего времени.

«Шахиду-ал-икбол», являясь последним творением великого мастера словесности, представляет большую научную ценность в изучении художественного мышления своего времени.

Можно только сожалеть, что прекрасные поэтические образцы, которыми насыщен данный источник, до сих пор во многом остается вне поля зрения современной литературоведческой науки.

VIII

Рукопись включает 131 стихотворение (в общей сложности – 2019 строк). Из них 129 принадлежат перу Агахи.

Одна газель Феруза и тарих, созданный Мухаммадом Назар Девонем, трактуются как современные автору образцы творчества. Все это, естественно, играет важную роль в определении общего уровня литературной обстановки Хорезма того периода. Каждое из произведений возникает как объективная необходимость, востребованная определенным уровнем мышления и конкретной жизненной ситуацией. Они же свидетельствуют и о приоритете определенных духовных ценностей, образа и склада мышления населения края, об особой ценности просвещения, чистоты нравов и уважительного отношения к культурному наследию предшествующих поколений.

Даже рассмотрение небольшого количества образцов текста одной стихотворной формы – «китъа» со всей очевидностью и

убедительностью показывает приоритет вышеназванных нравственных ценностей.

Большинство «китъа» хотя и внешне посвящены воспеванию шаха, но по фактическому смыслу, это – тонкие ему наставления.

Обратимся к некоторым из них:

Эй, хуш ул шахким, анинг лутфу атоу
шафкати,
Дойимо вайрон кунгуллар мулкини обод этар.

Ходисоти дахрдин хар кимга етса кулфате,
Кургузуб дархол анго мекру муруват, шод
этар.

О, лучший из шахов тот, чье слово, дары
и милость
постоянно способствуют процветанию недр
разрушенных сердец.

Если жизнь кому-то приносит невзгоды,
шах, оказывая поддержку ему, превращает
печаль в радость.

Это китъа поэта была написана по поводу назначения Хаджинияза бия правителя Кунграта, после смерти его отца Мухаммада Юсуфбая, одного из лидеров приаральских кунгратских племен.

В основе выражения «лучший из шахов» (хуш ул шах) лежит заветная мысль о праведном лидере. Возглас «эй», предшествующий ему, лишний раз обращает внимание читателя на важность и значимость роли правителя в судьбе людей. Ведь он – «Поддержка разрушенных сердец» в жизненных невзгодах. Именно такой шах является лучшим. В его лице другие должны видеть разумного, справедливого правителя, олицетворение доброты и светлых чаяний народа.

В этом главная идея стихотворения, первым читателем которого, кстати, конечно же, являлся сам шах.

В сочинении имеется еще три «китъа», созданных по аналогичным поводам. В их внутреннем содержании также имеется сходство.

Одна из них связана с назначением Хаджи Ниязбека на должность духовного лидера (иноклик):

Булгай афзун давлату икбол анингдек шахаки,
Шафкатидин булгуси хуррам мусибатдорлар.

Хар кишиким булса гамгин инкилоби дахрдин,
Тутгуси сокии лутфи согари саршорлар.

Шодлиг махзун кунгилларга етиб эхсонидин,
Илтифотидин топар икболу иззат хорлар.

Пусть будет долгим счастливое правление
шаха,
озабоченного судьбами бездольных.

Тот, кто печалится невзгодам жизни,
достоин получения кубка вознаграждения
от дарующего (Бога).

От дара его печальные сердца получают
радость,
от высокого соизволения, униженные
получают уважение и счастье.

Группа стихов в «Шахиду-ал-икбол» посвящается моральному порицанию тех беспорядков, которые возникали в XIX веке на территории Хивинского ханства. Особенно рьяное антиханское настроение имело место среди туркменского племени явмут.

Агахи осуждает их действия. Поэт считает долгом всех подданных – сохранение единства государства:

Ажаб нодону аблах халкким, боди бурватидин
Типарким, фалак узра куёш шамъин
учургайлар.

Килурпар орзуким, Коф тогини маконидин
Казиб тирноки бирла узга бир ерга
кучургайлар.

Эрурлар гофил андинким, бу феъли шомати
бирла,
Бошига бебало, каттиг балопарни кетургайлар.

Некоторые безнравственные
и невежественные от мыслей дурных,
желают погасить светоч солнца на земле.

Желая перенести гору Каф на другое место,
стараясь перекопать его основание
когтями своими.

Не ведая о том, что этот обманчивый их нрав,
принесет много горя к помутненным
головам их.

Некоторые «китъа» направлены на разъяснение политики хана по урегулированию проблем, возникших в связи с подавлением ямутских мятежей, наказанием главарей, стоящих за антигосударственными настроениями, заботой о поклявшихся в верности и благосклонностью к ним. В одном из «китъа» описывается о том, как представлялись лучшие угоды в местечке Найман:

Эй, жанобингга юз урса тавба айлаб
душманинг,
Афвинг ани эмин айлаб хурраму хандон
килур.

Келса эхсонинг умид айлаб гадои очкуз,
Лутфинг ани серчашм неъмат алвон килур.

*О, если враг, покаявшись, повернется
лицом к правителю,
прощение дарует ему здравие, радость
и улыбку на лице.*

*Если, поверив твоей милости, явится
к тебе нищий и жадный,
милость твоя принесет щедрые дары им.*

Встречаются «китъа» посвященные религиозно-просветительской тематике. Одна из таких появилась при описании встречи хана с главой дервишей-каландаров в Хиве Назруллох-пиром.

Агахи дает следующую характеристику этого влиятельного духовного лидера: «Хотя он был внешне очень аскетичным и причудливым, но внутренне – человеком, размышляющим и ясновидающим, имеющим среди народа много приверженцев и поклонников».

В описании Агахи каландар Назруллох настойчиво просил хана посетить его обитель. И своей беседой в каландархоне хан Феруз показал уважительное отношение к духовным лидерам, что, несомненно, повлияло на его авторитет среди народа.

В этой связи особое значение имеет и «китъа», написанная в связи с паломничеством Феруза к гробнице шаха Аббаса-вали, расположенной на территории Старого Кята (Бирунийский район Каракалпакстана). Шах Аббас-вали характеризуется «светлейшим из святых, превысим из аскетов, королем сведущих, достоверным из светлейших, солнцем на пути веры и превосходным из тех, кто стал на путь истины, совершеннейшим из праведных».

Сам процесс паломничества и благого воздействия его на духовное восхождение человека подается следующим образом:

Кимсаким, ихлос ила килса тавофи авлиё,
Беада файзу фарах бешак анга хосил булур.

Авлиё имдодидин ортиб анга хар дам футух,
Муддаоу максадига бегумон восил булур.

Шох агар булса, адолат бирла оламни опур,
Булса дарвеш, ахли Хак базми аро дохил
булур.

*Кто с глубокой верой совершит
паломничество к подножию святых,
тот получит бесчисленную благодать
и радость.*

*От опоры на силу святых, все победы его
в делах земных,
достижения цели и мечтаний своих.*

*Если он шах, то справедливостью захватит
мир,*

*Если он дервиш, займет место на пиру
верующих.*

В отдельных местах своего сочинения автор упоминает некоторых чиновников, не соответствующих занимаемым постам, противопоставляя им, деятелей образцово выполняющих свой долг. Некоторым достойным чиновникам даже посвящаются стихи. Например, Мухаммаду Мураду-девонбеги, одному из наиболее высоко порядочных и преданных делу отечества государственных деятелей посвящается даже несколько стихотворений.

В одном из них говорится:

Хар кишиким, халк аро булса улуг,
Халк учун булмок керакдур кайгулуг.

Кунглида булгай мудом элнинг гами,
Булмагай осудалиг бирла даме.

*У каждого, кого прославит народ,
долг – о нем проявлять заботу.*

*Жить всегда ему помыслами народа,
и не отступать от этого никогда.*

Будущее изучение исторических произведений Агахи с точки зрения именно литературы не только расширит наши представления о духовном наследии великого творца, но и послужит важным шагом при создании полного собрания его сочинений.

галерея

Н. ВАЛИУЛИНА

Пользовался благоволением шаха Аббаса

Памятник иранской живописи¹

*Каково будущее – никто не знает,
цель – чтобы этот образ остался в памяти о нас.
Садиг-бег Афшар²*

Искусство книжной миниатюры в Иране имеет истоки, восходящие к эпохе Сасанидов (III–VII вв.). Оно прошло сложный путь, связанный с возникновением и взаимодействием различных локальных школ: ширазской, тебризской, гератской, казвинской, исфаханской.

Составляя общеиранский стиль миниатюрной живописи, каждая из региональных школ, то бурно развиваясь, то приходя в упадок, вписала свои яркие страницы в историю мировой живописи.

С иранской миниатюрой, в частности с ее казвинской школой, связано появление в XV веке миниатюр на отдельных листах, что означало зарождение станкового вида изобразительного искусства на Среднем Востоке.

К этому времени относится и зарождение нового жанра – портретного, связанного прежде всего с именем одного из самых выдающихся художников Востока – Камаледдином Бехзадом (гератская школа).

Бехзад и художники его круга довольно часто изображали конкретных лиц то на страницах манускриптов, то на отдельных

листах. Эти портреты не были лишены тонкого и глубокого психологизма.

На рубеже XVI – XVII веков выдвигается исфаханская школа, на формирование которой сильное воздействие оказали казвинская школа и реалистические тенденции азербайджанских художников. Становление и развитие исфаханской школы нераздельно связано с творчеством одного из талантливых ее мастеров – Риза-Аббасы.

Произведения этого выдающегося персидского художника, блестящего мастера портрета и жанровых сцен, хранятся во многих музеях мира: музее дворца Гулистан в Тегеране, в Государственном Эрмитаже, Публичной библиотеке им. М.Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде³, в музее искусств народов Востока в Москве, в музее Фицуильяма в Кембридже, в частных собраниях.

Превосходная миниатюра, находящаяся в собрании Государственного музея искусств (Узбекистана), не без оснований приписывается кисти Риза-Аббасы.⁴

В творчестве Риза-Аббасы, как в фокусе, сосредоточились огромные достижения

¹ «Звезда Востока», № 1, 1977 г. На обложке номера – одна из миниатюр Риза-Аббасы.

² Садиг-бег Афшар – известный азербайджанский поэт и художник XVI – начала XVII вв. Его «Канон изображений» – редкий источник, рассматривающий вопросы теории и практики изобразительного искусства.

³ Ныне – Санкт-Петербург.

⁴ Автор не ставит перед собой задачу окончательной атрибуции памятника.

иранской миниатюры, и те противоречивые тенденции, которые характерны для иранского искусства XVII века. С одной стороны это было вызвано усилившимися культурными связями с Европой, откуда проникали произведения, а из основанной шахом Аббасом в Исфахане академии посылались стипендиаты в Рим для изучения опыта итальянских мастеров.

Влияние европейского искусства проявилось в использовании несвойственной для традиционной иранской живописи светотени, элементов бытовизма, персонажей в европейском платье и др.

С другой стороны, нарастающее внимание к повседневности привело к появлению нового жанра в миниатюрной живописи – бытового. Бытовой жанр внес разрушающие элементы в классическую миниатюру, отяготив ее излишними подробностями, детализацией.

Средневековое мировоззрение, вступившее в полосу кризиса, не могло удовлетворить художника. В творчестве Риза-Аббаси сталкиваются принципы нового художественного видения, вероятно, навеянные образцами европейского искусства, и традиции классической восточной миниатюры.

Несмотря на обилие искусствоведческой литературы и новых публикаций об иранском искусстве, о личности художника по-прежнему известно очень мало.

Он был уроженцем Тебриза, работал в Исфахане при дворе шаха Аббаса I (1587–1629), пользовался его благоволением и носил прозвище «шахневаза», то есть – придворного живописца.

Риза-Аббаси был одним из самых популярных персидских художников в Европе.

На миниатюре из собрания ГМИ (Узбекистана) нет подписи художника, однако он ее не всегда ставил. По своему общему восприятию, по рисунку, колориту, типу эта миниатюра чрезвычайно близка к манере Риза-Аббаси и несет печать творческой индивидуальности художника. Она была создана, видимо, в пору наибольшего расцвета его дарования.

Миниатюра выполнена на отдельном листе (19 x 30 см) и была предназначена, как все подобные миниатюры, для укомплектования в альбоме или украшения стены. В целом миниатюра хорошо сохранилась, видимо, владельцы очень дорожили ею. Но в отдельных местах на листе видны следы грубой, неумелой реставрации: центральная часть композиции и облако в левой части листа покрыты темной акварелью,

сквозь которую проступают первоначальные авторские контуры.

На миниатюре изображен характерный для Риза-Аббаси тип изнеженного, несколько манерного, стоящего в изящной позе юноши на фоне гористого пейзажа. Сочетание ярких и насыщенных голубых, оранжевых, зеленых, сиреневых, желтых, коричневых и золотых цветов создают красочное зрелище. Диагональными зелеными, оранжевыми, сиреневыми пятнами расцвечена земля, переходящая плавными линиями в горы. На фоне темно-синего неба выступают очертания светло-зеленых и оранжевых гор и зеленая крона дерева в левом углу.

В этом общем красочном потоке фигура юноши выделяется более спокойным ритмом линий, более интенсивным звучанием цвета.

Одет он в роскошный бордовый халат, на котором четко выступает золотистое изображение птиц, растений, облаков; на голове пышная чалма золотисто-желтого цвета.

Композиция миниатюры лаконична, как впрочем, многие произведения Риза-Аббаси. В легко и свободно написанной фигуре юноши сказывается большая работа художника над натурой. Мягкие, плавные линии прекрасно передают грациозность и естественность его движения.

Общий дух покоя, тишины, умиротворения, задумчивого настроения юноши передан в миниатюре ритмом вертикальных, горизонтальных и овальных линий. Подвижная, бегущая линия придает всей миниатюре особое музыкально-поэтическое настроение и в то же время выражает единство человека с природой. Универсальное, целостное восприятие мира художником проявилось в том, что он не сливает полностью человека с природой, а сопоставляет его с ней. И это сопоставление, столь свойственное средневековому мировосприятию, выразилось у Риза-Аббаси в декоративности.

Система горизонтальных и вертикальных линий придает миниатюре определенный ритмический строй.

В творчестве Риза-Аббаси сосредоточились два важных момента, исходящих от двух кардинально различных способов видения. Один – линейный способ, так прекрасно воплотившийся на Востоке в искусстве каллиграфии. Второй – живописный, который придает подвижной линии жизненную убедительность. Четкий контур линий, ограничивающий форму, казалось бы, должен сделать ее неподвижной. Но здесь всту-

пает живописное начало, которое сообщает форме движение. Каждый локальный цвет, заполняя плоскость, обладая своей собственной мелодией, начинает искать себе подобное по силе цветовое звучание, по глубине тона. От этого миниатюра в целом производит впечатление непрерывно струящихся в бесконечном ритмичном движении линий и красок.

Удивительно гармоничное, ритмичное единство линейного и живописного приема в миниатюре составляет ее образно-декоративный строй.

Впечатление богатейшей цветовой насыщенности достигается благодаря равновесию и гармонии локальных красочных пятен. Колористическую задачу Риза-Аббаси видел в том, чтобы найти соотношение каждого цвета по отношению к целому. Каждое красочное пятно, согласуясь с другим, в то же время является связующим звеном всей композиции.

Все цвета в миниатюре маленькими брызгами разбегаются по листу, чтобы с большей силой зазвучать в целом цветовом пятне. Отсутствие пестроты, гармоничность цвета при всей яркости и звучности красок, как нельзя более соответствуют настроению нежной задумчивости юноши.

Восточная живопись почти не знала изображения ландшафта как самостоятельного жанра. Редкие изображения пейзажа скорее носят случайный характер. Причем в них более угадывается пейзаж-фантазия, пейзаж-мечта, чем индивидуальный «портрет» природы. Образ природы у Риза-Аббаси чаще всего соответствует душевному настрою изображенных персонажей. При-

рода так же прекрасна, как и человек. Но интересно то, что в трактовке пейзажа художник не отступает от канонизированного принципа изображения природы, создавая стилизованный пейзаж. С другой стороны, природа – в данном случае – углубляет понимание внутреннего состояния, она становится символом духовной жизни человека.

Подобное решение встречается в таких произведениях Риза-Аббаси, как «Отдыхающий мужчина» (1621–1622), «Пастух» (1634).

В произведениях Риза-Аббаси нередко можно встретить одни и те же типажи, в чем проявилась многовековая традиция иранской живописи. Но при этом никто из восточных художников-миниатюристов, не создавал такого разнообразия типов, наделенных чертами неповторимой индивидуальности. Задача восточных художников, прежде всего, состояла в воспроизведении устоявшихся традиционных принципов, определенных общезначимых идей и понятий. А индивидуальность Риза-Аббаси выразилась именно в той изобретательности, которую он проявил при использовании унаследованных приемов для передачи традиционных тем.

Искусство Риза-Аббаси, предвосхищая искусство нового времени, обращалось к современникам на том языке, который был им близок и понятен. В этом состоит непреходящая ценность произведений художника.

Наша миниатюра, отвечающая общему противоречивому духу творчества гениального мастера, представляет несомненный интерес и заслуживает всестороннего изучения.

ОТЕЛЬ «ПОЭЗИЯ»

Николай МАЛЫШЕВ

Нарисую снег и ветер

МОИ ПОЖИТКИ

У меня вещичек мало,
Покидаю их в сумарь.
По небу звезда упала –
Скоро осень, скоро хмарь.

Собираясь в путь-дорогу,
Я спрошу себя: к чему?
Здесь жилось, и слава Богу,
Что не должен никому.

Знал, чего другие знали,
Но не более того,
И когда не понимали –
Нет обид ни на кого.

Нет тревог и сожалений
О деньгах и барахлах,
Но благое чувство лени
Не предам хуле.

Никуда я не поеду,
Разберу сумарь,
И куплю вина к обеду.
...Скоро осень, скоро хмарь.

Об авторе. Николай Евгеньевич Малышев. Родился в 1949 году. Окончил факультет журналистики Казанского государственного университета. 10 лет работал в редакции областной молодежной газеты. Далее: книжные издательства, редакции газет и журналов. С 2002 года возглавляет литературный журнал «Луч» (г. Ижевск, Россия). Стихи публиковались в журнале «Луч», в «Новом Енисейском литературере» (Красноярск), в «Дружбе народов» (Москва), в других периодических изданиях. Член Союза писателей России.

НЕУДАВШИЙСЯ СЮЖЕТ

Лето плещет за окном:
Блузки, туфельки, юбочки...
Жаль, что лодка кверху дном
И не плыть уже влогонку.

Ножки – глаз не оторвать –
Загорело-молодые.
Эх, тоска моя кровать
И виски мои седые.

Только фикус у окна,
Только слоем пыль на листьях,
Только в доме тишина
Да совсем другие мысли.

Посещает реже смех,
Чаше тянет на могилы,
Где покоится наш грех
Фотографиями милых.

Там не радует трава,
И цветы совсем другие,
И бессмысленны слова,
И большее ностальгия.

Юность – опиумный мак,
Посвященье в наркоманы.
А потом – и так и сяк,
Но не делаешься пьяным.

Не разбудят, не встряхнут
Запоздалые желанья.
Юность – пряник, юность – кнут,
Юность – это пять минут –
Встретиться для расставанья.

Лето плещет по стеклу.
Но ничего не поменять.
Посадили на иглу
Да забыли снять.

ЕЩЕ НЕ ОСЕНЬ

Казалось, что лето уже не придёт,
Весна уступала морозам,
Студёное солнце наметилось вброд
Скользить за окном по берёзам.

О, как это было сегодня давно –
Надежды и сны остывали,
Подглядывать утро училось в окно,
В углах тараканы сновали.

Пустой холодильник напрасно урчал,
Урчал, ему вторя, желудок.
Я снова проснулся в начале начал,
Не зная, куда и откуда.

Меня пригвоздило молчание стен,
Как будто я ночью стрелялся.
Наверно, я ждал для себя перемен,
Возможно, я их не дождался.

Но, собственно, кто я такой на земле –
Рассчитывать на перемены?
Недвижимы рукописи в столе,
Однако пульсируют вены.

И вот уж ещё одна ночь позади,
Хорошая или плохая,
И день, поселившийся на день в груди,
Я вновь вознесу и охаю.

Я буду искать продолженье себя,
Свои тупики сортируя,
Не сбросив, но в клочья растеребя
Намерений прежнюю сбрую.

Запутаюсь и заплутаю опять,
Измотанный к вечеру в лоскут,
Но в сон погружаясь и дернувшись вспять,
Нашупаю света полоску.

Я к ней потянусь и увижу в окне –
За ним происходит движенье, –
Что лето наступит, что дело к весне,
Ко всяческому продолженью.

В ПРОВИНЦИИ

Просторные лежат снега в отчизне.
Среди лесов широкие поля.
И думается: нет предела жизни,
Жить хорошо – и это знаю я.

Спокойные в полях мерцают дали,
Когда луна, когда сухой мороз.
И этот вид, как должно, чуть печален,
Но только – чуть, а вовсе не до слёз.

Вон там огни далёкого селенья,
Где жители в своих делах мудры.
Они не знают праздности и лени,
Не грезят про заумные миры.

Они работают. Для них земля надёжна.
Им время есть. И думы их просты.
Да по-иному им и невозможно –
Земля не терпит лжи и суеты.

И вижу я, чем взгляд уходит дальше,
Тем дальше мысль в глубины бытия,
И если нет в душе ни зла, ни фальши,
Жить хорошо – и это знаю я.

НАУКА И ЖИЗНЬ

Всех нас тянет на места
Юношеских прегрешений.
Все мы жили без креста
До свершений и крушений.

Не задумывались мы
О поступках и проступках,
В дебрях сладкой кутерьмы
В стопках путались и в юбках.

В первых воду не толкли,
За вторыми волочились.
Горы сдвинуть мы могли,
Только жить не научились.

ЧИТАЯ ПОЭТОВ КИТАЯ

Томлюсь в компании любой
И не ловлю лафу.
Приятней мне сидеть с Ли Бо,
Или сидеть с Ду Фу.

Проникнуть в суть понятий Жень
И с Дао их сравнить.
И суету, и дребедень
В себе похоронить.

Откинуть 1200 лет,
И медленно понять,
Что разницы особой нет,
Когда всё это знать.

И главное, конечно, в том,
Чтоб знать и понимать.
И тишиной наполнив дом,
Миг вечности поймать.

И с ним себя соединить,
И тем себе помочь.
Потом подруге позвонить
И провести с ней ночь.

ОТХОДНАЯ

Юность кончилась гусарская,
Срок пришёл иной поре.
Разговоры о лекарствах
В октябре и ноябре.

Сквозняки, радикулиты,
Это – можно, то – нельзя...
С голосом давно пропитым
Песенка иссякла вся.

Спотыкнёшься, поскользнёшься,
Еле встанешь, в пальцах дрожь...
Над собою посмеёшься,
Выпьешь с горя. И помрёшь.

АВТОПОРТРЕТ

Ни одной родной души,
Ни одной на белом свете.
Заточу карандаши,
Нарисую снег и ветер.

Назову «Автопортрет»
Это грустное смятенье.
Друга нет, а, значит, нет
Радости для воскресенья.

Как же так? Зачем я жил?
Был сей акт неправомерным,
Как у всех, кто обнажил
Душу для вранья и скверны.

Потому и не с кем мне
Сокровенным поделиться.
Предложите свет в окне –
Впору будет застрелиться.

Одиночеством плесну
На холодную бумагу.
Но кого я обману?
Грусть свою, или отвагу?

Или чёрствое нутро?
Или друга? Неизвестно.
Но поможет нам добро
Чувствовать себя воскресно.

Ты

Ты, как поздняя радость моя на земле.
Для чего ты, откуда ты и почему?
Ты – осенняя ветвь у меня на столе.
Ты – озябшая роза в осеннем доме.

Буду, глаз не сводя, опекать и беречь,
Как огонь берегают в холодной степи.
Жаль, печи нет, не то затопил бы я печь,
Чтоб тебя в этом доме от стужи спасти.

СОШЕСТВИЕ С ПАНТЕОНА

Мы были героями сплетен,
Мы пищу давали молве,
Мы жизнью играли, как дети
Играют мячом на траве.

С друзьями легко пасовались,
Легко забивали голы,
Куда не просили, совались,
И нас не пугали углы.

Мы против течения плыли,
Ходили шутя на руках,
Мы так безоглядно любили...
И всё же, увы, в дураках.

И свечи почти догорели,
И трепет уходит из рук.
Как быстро же мы надоели
Друг другу и всем вокруг.

Поблекли цветы на обоях,
И к ужину некого звать...
Вот так и уходят герои,
Что впору вослед им зевать.

СНЫ

За окном зима, а потом апрель,
Через каких-нибудь два-три месяца.
В ижевском пруду золотая форель
Взбесится и повесится.

В ижевских лесах голубые слоны
Вдруг нападут на тигров.
А мне приснятся индийские сны
И сексуальные игры.

Мне этой ночью снова не спать,
А просто лежать рядом.
Конфуций, Ницше, Фрейд... и опять
Вопросы: а мне это надо?

Мне надо знать, что такое смерть,
Пока жизни хватает,
Пока жизнь совершает свою круговерть,
А снег ещё не тает.

ТОСТ ЗА ПАВЛА ЛУСПЕКАЕВА

Не с похмелья болит голова –
За державу обидно и тошно.
Снег зимою, а летом – трава,
А что поверху, всё скоморошно.

Не увлечь нас мышиною вознёй,
Не прельстить этикеточным раем.
Чем задумываться над фигнёй,
Поживем-ка мы, да погуляем.

Постучит ещё в левом боку.
А к столу – не в столицу за песней.
Не с руки помирать дураку
На крюку от весёлой болезни.

Если ж в сумерки, подло шурша,
Подползает хандрою забота,
Или праздника просит душа,
Для друзей отворите ворота.

Да хранит вас обшение с ними!
Не пропейте лишь доброе имя...

УЗЫ!

Я люблю, я тебя ненавижу.
Ненавижу почти как люблю.
Никогда ты не будешь мне ближе,
И терплю я тебя и гублю.

Никогда никому ты не будешь,
Потому что – пройдут времена –
Ты меня и простишь, и осудишь
За судьбу, что глупее вина.

Ну так что же теперь нам, стреляться?
Невеселые ждут нас дела:
Вспоминать, хохотать и ругаться
При застольях из-за стола.

Но кому это все интересно?
Ты поймешь, что свобода – хомут.
Я пойму – в одиночестве тесно,
А друзья ничего не поймут.

ПОБЕГ

В деревню, в глушь, в Саратов к тётке,
в Самару, в русский городище,
пропить часы, мобилу, шмотки,
пропить себя, остаться нишим.

Разбогатеть, и протрезвиться.
И не понять – что-почему...
Купить книжонку, и влюбиться
в шенка по прозвищу Му-му.

Вернуться ночью, вспомнить маму,
и где-то в полдень навестить
без телеграммы. И без драмы
услышать: «Господи, прости...»

ВИНА

Невзлюбила. Ну так что же...
Вышел, зная, не ко двору.
Я от этого, похоже,
Не умру.

Ты была женой любимой,
Но моей женой.
И косые взгляды в спину –
Грех, конечно, мой.

Я понять тебя умею,
Ты меня пойми:
С каждым новым днем труднее
Жить такие дни.

Быть за все, что есть, в ответе.
Мне ж ответа нет.
Нет нигде, и я заметил,
Ни к чему ответ.

Философских категорий
Не приемлет быт.
Взгляд, как надпись на заборе,
Прочитал, и сыт.

Невзлюбила. Очень просто –
Я не херувим.
Не отчаивайся взросло,
Повезёт с другим.

НЕЗАВЕРШЕННОСТЬ

И чтоб хоть что-то в жизни завершить –
Две строчки или цикл стихотворений, –
Не помешало б для себя решить
Проблему собственных мировоззрений.

И будь оно в единственном числе,
То не было бы и меня на свете.
Но как же быть с бумагой на столе?
С неуправляемым инстинктом этим?

Ударят в глаз или всего лишь в бровь,
С отяжкой по спине ли мокрой плетью,
Но невзначай возникшая любовь
Останется до срока междометьем.

Начертан свыше этот странный путь,
Во всех кругах сопровождает слово.
Но как же завершить хоть что-нибудь?
Хоть что-то завершить не.bestолково?

НИТЬ

Тихо оборвалась нить
Нашего супружества.
Чаши общей уж не пить
Женственности, мужества.

Что за время у тебя?
У меня безвременье.
Свою чашу пригубя,
Не налажусь к стремени.

Но коня не поверну –
Жалкое достоинство.
Порознь в одну сторону
Все равно мы скроемся.

Получается, вдвоем –
Хочется, не хочется –
Эту общую мы пьем
Чашу одиночества.

В РАЗЛУКЕ

Мне важно знать, что ты жива,
И лучше, если счастлива,
Пусть неоправданно права,
Пристрастно безучастлива.

Опять, как в лодке по реке,
Несет тебя безвесельно.
Куда в безропотной тоске
Сама себя ты бросила?

В порыве радости какой
Ты обрешь уверенность,
Затерянная за рекой
Благая преднамеренность?

Ты вовлечешь себя в обман,
И поздно будет каяться.
Впадают реки в океан,
Назад не возвращаются.

проза

Эллен КЕЙ

Тяжело знать, что на тебя смотрят, как на проповедника злouchений

Анна Карлотта Леффлер, герцогиня ди-Кайянелло¹,
по личным воспоминаниям

«Когда мне исполнится 70 лет, я напишу свою автобиографию», говорила как-то А.К. Леффлер несколько лет тому назад. «Со мною будет то же, что и с Жорж Занд, — ни один из написанных ею романов не может сравниться по интересу с историей ее жизни, а между тем она многое скрыла, многое извратила, чего я не буду делать».

Эта правдивая автобиография осталась ненаписанной. Не ее перу, а чужим придется рассказать жизнь А.К. Леффлер, когда наступит время для ее полного жизнеописания. Все теперешние воспоминания о ней не могут ни сообщить всего, ни наметнуть на все. Но то немногое, что они дают, должно быть проникнуто такою же искренностью и правдивостью, какими дышит биография Софьи Ковалевской, написанная А.К. Леффлер.

В этом же духе составлено и настоящее жизнеописание.

Мы не задаемся целью дать полную характеристику писательницы; мы желаем несколькими чертами нарисовать образ женщины, разделившей всецело судьбу всех талантливых и искренних людей: быть непонятой или включенной в ту категорию, к которой она никогда не принадлежала, хотя правда и то, что нет ни одной категории, которая оказывалась бы состоятельной, когда вопрос идет о характеристике живого лица.

Мать А.К. Леффлер была единственной дочерью пастора Миттага, высокообразованного человека, который, будучи еще магистром в Упсале, вступил в тесную дружбу с доктором С.П. Леффлером, одним из издателей «Bibliotek der Deutschen Classiker». Дочери обоих друзей получили редкое для того времени образование и выделяли в значительной степени научные интересы своих отцов. Во время одного из посещений упсальских подруг, Густава Миттаг познакомилась со своим будущим мужем, И.О. Леффлером (племянником С.П. Леффлера), занимавшем впоследствии должность ректора учительской семинарии. В единственной дочери этих супругов выказались с наибольшим блеском литературные способности родителей.

А.К. Леффлер родилась в Стокгольме в 1849 году и нередко, говоря о своей страсти к путешествиям и о своих постоянных разъездах, замечала шутя, что, как

СПб. Типография И. Скороходова, 1893 г.

¹ Анна Карлотта Леффлер, герцогиня ди-Кайянелло, родилась в Стокгольме 1 октября 1849 года, умерла в Неаполе 2 октября 1892 года

это ни неприятно ее друзьям, но, появившись на свет первого октября, в день перелета, она никак не могла примириться с оседлой жизнью. Раньше ее родились два ее брата, теперешний профессор университетов, Геста Миттаг Леффлер (род. в 1846 г.) и Фриц Леффлер (род. в 1847 г.), а позже – третий брат, теперешний инженер Артур Леффлер (род. в 1854 г.).

Маленькая Анна-Карлотта выросла в теплой атмосфере самой нежной любви, которую ее окружали родители, братья, бабушка и бабушка с материнской стороны. Ее летние посещения пасторского дома Фогелос, на берегу Веттерна, навсегда оставили в ней светлые воспоминания, точно о каком-то детском рае. Она на свободе развивалась в этой чудной местности; туда она стремилась всю зиму из своего стокгольмского дома; здесь положено было основание ее глубокой любви к природе, здесь развилась в ней страсть к движениям на свежем воздухе, так что пешеходные путешествия, катания на лодке, купанье в море и в особенности жизнь среди природы сделались для нее настоящею потребностью.

Больше всего подходящий к ней по возрасту брат Фриц был лучшим ее другом детства. Он самым старательным образом переписывал ее детские повести, которые она начала сочинять уже в шестилетнем возрасте и которые все оканчивались очень трагически. Брат играл всегда роль папы ее дорогих детей-кукол, но когда он в качестве родителя возбуждал чем-нибудь ее неудовольствие, негодование маленькой женщины проявлялось с неудержимой силой: «Ты никогда больше не будешь папою для моих детей», на что обыкновенно следовало возражение: «Но, Анна-Карлотта, разве ты слышала когда-нибудь, чтобы мама говорила так с папою?». Любимым удовольствием детей было играть в театр. Они сами сочиняли пьесы, которые затем разыгрывали, тут же вовремя действия выдумывая реплики, и всегда спокойная Анна-Карлотта выказывала при этом такой необыкновенный драматизм, такое богатство фантазии, столько живости в ответах, что один из братьев выразил однажды свое удивление по этому поводу в следующих словах: «Анна-Карлотта наверное выйдет замуж за наездника в цирке».

В 12 лет Анна-Карлотта поступила в Валлинскую женскую школу и затем всегда с удовольствием вспоминала об этом периоде своей жизни.

Она с отличием прошла курс наук, который 25 лет тому назад в женских школах был далеко не обширен, и так как ей всегда недоставало сестры, то она теперь привязалась всем сердцем к некоторым из своих товарок по учению и на всю жизнь осталась верна этой дружбе.

На учителей она произвела сильное впечатление своими сочинениями на шведском языке; одно из них, написанное в форме повести, было прочтено громко в классе. Ее радость по поводу этого отличия сильно омрачилась тем, что учитель предвзвительно высказал подозрение, что ей помогал сочинять один из ее старших братьев; он никак не хотел верить, чтобы она сама могла так хорошо излагать свои мысли. Даже многие из ее подруг находили сначала в высшей степени странным, что Анна-Карлотта пишет повести; они никогда ни считали ее такою «даровитою», а только «ужасно умною».

Вместе со своими любимыми подругами она издавала газету, играла ими самими сочиненные пьесы и т.д. Одна из этих подруг, описывая Анну-Карлотту в школьный период ее жизни, говорит, что она была всегда чрезвычайно точна в исполнении своих обязанностей и в то же время очень весела. Она от души радовалась успехам своих подруг, и никогда не гордилась, когда ей самой случалось отличиться. В ней не было и тени капризов, ничего искусственного, никакой склонности к хитрости, к интригам; она была всегда ровна, чистосердечна, смела, верна в дружбе и всегда в хорошем расположении духа. И все эти черты характера юной школьницы сохранились и тогда, когда Анна-Карлотта из ребенка превратилась во взрослую женщину. Они еще больше усиливались в ней вследствие того, что, по ее собственному выражению, «она как бы ходила в мужскую школу», так как принимала самое горя-

чье участие во всех играх и забавах своих братьев и в их научных занятиях. Вместе с этим, она продолжала писать, и уже в 5–7-летнем возрасте погрузилась в, сочинение обширного романа, в котором излагала как свои воспоминания детства, так и свои религиозные впечатления, которые около этого времени были особенно сильны, благодаря тому, что она готовилась к конфирмации под руководством опытного преподавателя, пастора Ротлиба.

По словам, самой А.К. Леффлер, оба ее старших брата оказали громадное влияние на ее литературное развитие. Они постоянно твердили ей о том, как мало знаний давала ей школа и настаивали на необходимости самообразования, заставляя ее заниматься шведским языком, историею, литературою, развивая в ней любовь к этим занятиям.

Постоянно критикуя ее произведения, они всеми силами убеждали ее не выпускать их в свет, пока они не получат, более зрелого, законченного вида, боясь, чтобы сестра не увлеклась дилетантизмом, в который впадают так часто женщины-писательницы.

Достигнуть желаемого им было не трудно, потому что и сама молодая писательница с самого начала своей авторской деятельности относилась гораздо серьезнее к своим литературным занятиям, чем большинство молодых писательниц. Но в то же время, как братья, так и родители принимали живейшее участие в ее занятиях и всячески поощряли ее в этом. В доказательство того, как тепло отнеслись ее домашние к первому пробуждению поэтического дара у молодой девушки, можно привести следующее: ее отец на свой счет издал ее первый анонимный сборник повестей, вышедший в 1869 году под заглавием: «Случайно» («Handelsevis»). 550 экземпляров этого издания все разошлись, и как публика, так и критика поощрили молодого автора продолжать свою деятельность.

Но это продолжение заставило себя ждать в течение нескольких лет. Вскоре началась болезнь отца, затянувшаяся очень долго, до самой его смерти, и около этого времени господин Эдгрен, сын старинных друзей ее матери, попросил двадцатилетнюю Анну-Карлотту сделаться его женою. Как ее мать, так и она сама, находили, что ее судьба будет отдана в хорошие руки, и что в новой обстановке жизнь ее сложится гораздо счастливее, чем в родительском доме, омраченном тяжкою болезнью отца.

Время помолвки, впрочем, прошло далеко не спокойно. Она обусловила свое согласие на брак сохранением за собою полной свободы продолжать литературную деятельность, в которой она начинала видеть свое призвание. Уверенная в том, что, вступая в брак, она приносит счастье искренно любящему ее человеку, который остался преданным ее другом во всех различных переменах ее жизни, Анна-Карлотта в 1872 году вступила в свой новый дом в качестве жены начальника округа г. Эдгрена.

В новой роли хозяйки дома она оставалась, по-прежнему, верною своему долгу женщиною, постоянно заботящейся о других, но так как благосостояние, царствовавшее в ее новом доме, избавляло ее от занятий по хозяйству, то у нее оставалось много свободного времени, которое она посвящала своим литературным занятиям, а также самообразованию, в особенности в шведском языке, истории и литературе.

Благодаря общественному положению своего мужа, ей открывалось обширное поле для наблюдений в различных кружках общества, но она была всегда настороже, чтобы не поддаться той страсти к общественным развлечениям, которая подчас охватывает умственных деятелей Стокгольма и делает их неспособными к умственной работе. Она обладала редкою способностью сосредоточивать свои мысли на работе, при полном отсутствии какого бы то ни было эгоизма или педантизма, и это придавало ее художественному дарованию особенную этическую силу. Когда случилось кому-нибудь выражать при ней удивление зрелости ее первых произведений по сравнению с произведениями некоторых из ее современников, она говорила: «Вспомните, при каких счастливых обстоятельствах мне приходилось писать. Не было экономической необходимости, которая могла бы заставить меня работать

сверх сил, ускоренным образом, как работают многие молодые писатели» и, прибавляла она с глубокою грустью в голосе: «У меня нет и маленьких ножек, которые прыгают в кабинетах других писательниц и нарушают тишину. Если бы я не делала все для меня возможное, я считала бы, что поступаю просто безнравственно».

В высшей степени оригинально то, что Анна-Карлотта Леффлер свои первые, наиболее выдающиеся произведения написала для театра.

До выхода замуж ее религиозные убеждения заставляли ее с предубеждением относиться к театру, и она ни разу не соглашалась пользоваться теми редкими случаями, когда ей представлялась возможность побывать на каком-либо спектакле. По выходе замуж, она только два раза посетила театр, прежде чем написала драму «Skades pelterskan» («Актриса»), в которой внимание сосредоточивается главным образом на фигуре даровитой актрисы Эстер Ларсен, обрисованной яркими, смелыми чертами.

Зимой 1873 года в различных кружках общества раздавались самые оживленные споры относительно личности автора этого выдающегося произведения, возбудившего в такой сильной степени внимание общества. Указывали то на того, то на другого из известных уже писателей и писательниц. Никому не приходило в голову, что автор драмы – молодая женщина, впервые выступившая на театральную арену. Драма «Pastors adjunkten» («Викарий») и комедия «Unden Toffeln» («Под башмаком»), вышедшая в 1876 году возбудили также большой интерес, который еще более усилился после издания «Elfvän» («Бесенка») в 1880 году.

Как в последней драме, так и в «Актрисе» мы находим черты из внутренней жизни самой писательницы, но даже в том тесном кружке, где знали о ее литературной деятельности, никто не предполагал, что она уже начала бессознательно заглядывать в свою душу, ощущать в себе те силы, которые лишь удивительно медленно пробуждались в ней, так что она, например, резко порицала поведение Норы в одновременно с этим вышедшей драме Генриха Ибсена: «Dukkehjem» («Нора, или Кукольный дом»), и говорила: «Каким образом брак мог представлять для Норы препятствие к развитию?».

В первые годы литературной деятельности ей не приходилось испытывать ни сильной борьбы, ни крупных столкновений. Она сама говорила однажды, что ее религиозные воззрения составляли продукт весьма медленных изменений; то же можно сказать и относительно изменений в ее чувствах. Работая усердно для театра, она в то же время писала анонимно в «Ny Sll. Tidning» разного рода мелкие повести и рассказы, описывала впечатления, вынесенные ею из своих заграничных путешествий, из своих посещений театров и т.д. Многие начинали догадываться, что госпожа Элгрен занимается литературою; тем не менее все чрезвычайно удивились, когда она, поддерживаемая своим старшим братом, который после многолетнего пребывания за границею, поселился, наконец, в Стокгольме, решила в 1882 году выступить под собственным именем со сборником повестей, озаглавленным «Ur Sifvet» («Из жизни»).

Шведская литература обрела сразу новую и оригинальную писательницу.

Она не утомила публику наблюдением за своими первыми неуверенными шагами на литературном поприще; она сразу выступила вполне законченным, уверенным в себе художником. Успех ее первого произведения, подписанного ее собственным именем, был поразителен и бесспорен. Первый ее сборник изобилует яркими, бросающимися в глаза сюжетами – измена отчизне в «Doma» («Осужденный»), описание «красавицы из большого света» и разоблачение пустоты и безнравственности светской жизни в «Bal Societeten» («Бал в обществе»), религиозные сомнения и религиозный фанатизм в «Tvifvel» («Сомнение») и т.д. Все эти громкие сюжеты составляли наследие прошлого времени. Но в то же время в этих повестях замечается необыкновенно верное изображение действительности, реализм, соответствовавший вполне требованиям молодой школы, отвергающей все неестественное, вычур-

ное. Читатель увидел в авторе современного, мыслящего и чувствующего человека, в котором не замечалось ни стремления к борьбе, ни какого-либо духа партий; напротив того, во всех его картинах из жизни, нарисованных с необыкновенным чувством и силою, выказывалось чрезвычайно тонкое понимание всех жизненных оттошений и беспристрастное изображение их.

Успех первого сборника ясно доказывается тем, что книга в самом скором времени выдержала еще два новых издания, – факт, весьма редкий в Швеции. Между тем в письменном столе писательницы хранилось еще несколько повестей, которые казались ей слишком «опасными», чтобы впервые выступить с ними. Именно такую опасною казалась ей одна повесть, в которой с необыкновенною яркостью и силою описывалась королева бала, вся жизнь которой была сосредоточена на культе собственной красоты. Эта девушка, дышавшая чисто животным здоровьем, опьяненная весенней жизнью пробуждающейся природы, встречается во время своего пребывания в деревне с человеком из народа, который кажется для нее воплощением естественных сил природы. Она следует слепо своему влечению; ее душе, полной самообожания, чужда любовь, чужда стыдливость, и вся испорченность светской жизни выказывается в полной силе, когда она, чтобы избежать последствий своего поступка, выходит замуж за человека, которого сама глубоко презирает, и делает, так называемую, приличную партию.

А.К. Леффлер, написавшая первый набросок своего произведения в самой короткой, сжатой форме, весьма яркими и сильными красками очертила в этом наброске Аврору Бунге; затем, при обработке, она значительно ослабила как этическое, так и эстетическое значение своего произведения введением в него романтической фигуры смотрителя маяка.

В другой повести, «Brollop» («Свадьба»), писательница хотела сначала выразить гораздо больше, чем выразила в действительности, придать более глубокий смысл содержанию – выходу замуж невинной и наивной девушки, не имеющей ни малейшего понятия о действительной жизни, воспитанной теткой, старой девою, и отцом пастором, но затем госпожа Леффлер отступила от первоначального плана, опасаясь, чтобы его не нашли слишком смелым, если она вполне разработает его. Хотя она сама впоследствии говорила, что много погрешила против своей совести художника ради удовлетворения условным приемам и формам, тем не менее, выход в свет второй части «Из жизни» вызвал жестокие нападки. В этом сборнике находилась, между прочим, и довольно большая повесть «В борьбе с обществом», а в ней разве писательница не осуждала жену, покидающую мужа и детей? Но для критики недостаточно было того, что Арла сделалась несчастною, – критика никак не могла примириться с объективным изображением такого, по ее мнению, вопиющего факта, равно как и с якобы безнравственным направлением Авроры Бунге, которое, по словам критиков, ясно бросалось в глаза.

Все эти нападки и недоразумения причинили писательнице немало огорчений. Тем не менее, вот что она писала летом 1883 года:

«...Конечно, тяжело – в особенности нам, слабым женщинам – знать, что такое множество уважаемых людей смотрят на тебя, как на проповедника разного рода злоучений и безнравственности, но если имеешь хоть нескольких друзей, у которых можно найти поддержку против того, что является в этом случае самым худшим, против внутреннего сомнения, то жить еще можно».

Из новых друзей, привлеченных к ней ее произведениями, самыми преданными ей были Иоанна Луиза Гейберг и Магдалина Торезен. Слушая толки и горячие споры о безнравственности последних сочинений А.К. Леффлер, госпожа Гейберг часто выражала свое глубокое удивление по поводу невероятной шепетильности, царившей в Швеции, где, по-видимому, не читают совсем выдающихся произведений современной литературы, потому что тот, кто называет повести А.К. Леффлер безнравственными, обнаруживает поразительное невежество, не имея, очевидно, ни-

какого понятия о свободе и смелости, с какою современные великие писатели изображают действительность.

Это невежество, к сожалению, не совсем еще побеждено. И в настоящее время, говоря о работах А.К. Леффлер и других родственных ей писателей, приходится спорить, руководствуясь известным изречением Теньера:

«Все, что естественно – оригинально, смело и свободно».

Вслед за изданием новых выпусков «Из жизни» госпожа Леффлер приобрела себе громадную популярность во всех литературных кружках Скандинавии, и ее имя получило вскоре европейскую известность. Но как ни был велик успех, которым она пользовалась, он не мог составить достаточного противовеса для глубокого огорчения, испытываемого ею вследствие того, что все эти нападки и злостные намеки задевали за живое и неприятно поражали одно из близко стоящих к ней лиц. Она жила в постоянной борьбе между требованиями своей совести, как писательницы, и чувством деликатности, заставлявшим ее бояться огорчить любящего ее человека. Сама она была совершенно равнодушна к производимым на нее нападениям и к резкости критики, но в то же время выказывала самую живую благодарность за всякий знак внимания и сочувствия к ее деятельности. Смело выступая вперед, она чувствовала себя правою, и сознание собственной нравственной чистоты придавало ей мужество и заставляло безбоязненно приниматься за обработку таких сюжетов, которые женщины вообще стараются обойти, и почему их произведения могут быть, большею частью, отнесены к области так называемой «юношеской литературы». Она же, напротив того, никогда не признавала преград, которые воздвигаются не требованиями искусства, а требованиями условных приличий. Не легко сохранять непоколебимым такое мужество и проявлять его последовательно во всех своих действиях, потому что этим дается часто повод к ложным толкованиям, особенно шекотливым для женщины и доставлявшим немало неприятностей и А.К. Леффлер. Вследствие этого она с самого начала своей деятельности часто грешила против той центральной силы, той страсти, чистой, наивной, цельной, без которой не может быть истинного поэта: любви к истине в описаниях жизни и тех представлений, которые она оставляет в сердце автора. Эта любовь к правде вступала у нее в постоянную борьбу с другими чувствами и соображениями, и ее ненависть к условному и общепринятому объясняется в значительной степени ее личным жизненным опытом, сознанием того, как часто ей самой, по слабости ее характера, приходилось поступаться своими мыслями и желаниями для удовлетворения условных требований приличия. Ее реакция против условного, как часто бывает в подобных случаях, выражалась нередко в разных несущественных подробностях, как, например, в некоторых местах «Летней идиллии»; здесь она нарушала иногда требования вкуса, смешивая их с требованиями условных приличий, с которыми ей весьма часто приходилось считаться.

Но по мере того, как росло в ней сознание стеснения, которому ее любовь к правде подвергается благодаря частным обстоятельствам ее жизни, усиливалось в ней и сознание своего одиночества, которое мало-помалу привело к окончательному перевороту в ее жизни.

При ее веселом, добром характере, ей удавалось долгое время относиться с юмористическим добродушием к той среде, которую она не в силах была пересоздать. Если бы А.К. Леффлер не жила в наше время, время великих и животрепещущих вопросов, если бы в ней была менее сильно развита идеалистическая потребность пересоздавать жизнь, разнообразные задачи которой так ясно представлялись ей, она, наверное, сделалась бы тем в прозе, чем была госпожа Ленинген в поэзии. Не только во внешнем типе лишь, но и в характере ее ума, в ее ходе развития и в обстоятельствах более раннего периода ее жизни существует чрезвычайно много сходства между госпожою Леффлер и этою писательницею. Но А.К. Леффлер принадлежала к поколению, которое хотело действовать, даже в области твор-

чества, и не довольствовалась тем, чтобы спокойно созерцать жизнь. Когда же ей случалось иногда только созерцать, она, как художник, обнаруживала необыкновенное искусство. В такую-то именно минуту она сквозь смех и слезы создала перл в нашей литературе: очерк «Густен получит пасторат». Софья Ковалевская² говорила однажды об этой юмористической повести, что она несравненно больше трогает ее, чем какая-либо драма, потому что в ней изображен весь трагический смысл вашей жизни: мы все живем иллюзиями, умираем от иллюзий и только тогда можем назвать себя счастливыми, если и умираем с иллюзиями, как мать Густена.

«Я вовсе не думала создавать что-нибудь глубокомысленное, когда писала эту повесть», возразила на это Анна-Карлотта. «Я хотела просто изобразить судьбу такого рода людей».

«Но это именно и есть судьба всех нас», вскричала Софья. «Поэт по вдохновению дает всегда гораздо больше того, чем он предполагает дать. Затем на сцену появляется глупый критик и указывает на философские или социалистические тенденции автора, между тем как на самом деле вся суть в том, что поэт заставляет других философствовать и морализовать и благодаря своему художественному воспроизведению действительности».

Это замечание метко характеризует и многих критиковавших А.К. Леффлер; впрочем, строгий суд критики не коснулся упомянутой повести, которая встретила со всех сторон самое безусловное одобрение. Но страсть писательницы рассуждать самой о героях своих произведений значительно способствовала образованию совершенно неверного представления о ее творчестве: говорили, что ее исходною точкою зрения является тенденция, воплощение какой-либо нравственной или социальной идеи, между тем как на самом деле она никогда не желала доказывать что-либо своими произведениями, а хотела просто описывать то, что видела и слышала. Но картины из жизни должны были отражать ее время, а в это именно время подымалось и обсуждалось много новых вопросов. И новые идеи приводили нередко и к разным жизненным столкновениям. Госпожа Леффлер редко писала для возбуждения каких-либо вопросов, но так как эти вопросы были уже возбуждены, то они упоминались и в ее повестях и играли в них роль: они обсуждались в разговорах ее действующих лиц, потому что вокруг нее велись разговоры такого же именно содержания. Это можно сказать и относительно повести «В борьбе с обществом», относительно драмы «Sanna Kvinno» («Истинные женщины»), где и выводятся два типа женщин: одни, покорно сносящие все от своих повелителей-мужей, их измену, их расточительность, забывающие при этом о своих собственных интересах и даже об интересах своих детей, – другие – женщины-работницы, сознающие свое достоинство, свои человеческие права, и во имя их вступающие в борьбу с вековыми предрассудками, порабошающими женщину.

Когда эта драма появилась в свете в 1883 году, вместе с «Radande Angel!» («Снашающий ангел»), в ней сначала увидели только брошюру в диалогах, трактующую об имущественных и нравственных правах женщины; только тогда, когда даровитый актер Гильберг сыграл на сцене роль главного действующего лица, Понтуса Барка, когда он своею игрою оживил и одухотворил ее, – глубокая правда, которою дышит это произведение, была почувствована всею публикою. А эту правду А.К. Леффлер похитила у самой жизни: ей самой приходилось в это время с глубокою печалью в сердце следить за такою же драмою и борьбою в доме одной из любимых своих приятельниц. И хотя в действительности драма «Истинные женщины» гораздо сильнее способствовала разрешению вопроса об имущественных правах замужних женщин, чем многие митинги, благодаря тому, что она заставила задуматься над этим вопросом большинство, равнодушно относившееся к обыкновенной агитации, тем

² Публикуя данный очерк об Анне-Карлотте Леффлер, героине ди-Кайянелло, редакция журнала как бы предваряет им публикацию в следующих своих номерах уникальных и малоизвестных воспоминаний самой героини о ее подруге и знаменитом ученом Софье Ковалевской.

не менее, не это было целью драмы, — это было только одним из ее последствий. Но, конечно, критика не была бы введена в заблуждение, не перепутала бы причины и следствия, если бы действующие лица пьесы не трактовали так много об имущественных правах женщин.

Когда затем комедию «Der Karleken» («Любовь») сочли отступлением от взглядов, высказанных госпожой Леффлер в «Истинных женщинах», писательницу судили опять на основании вымышленной программы, которой у нее никогда не было и которая вообще казалась ей всегда ненавистною. В этой комедии молодая девушка, увлекавшаяся новыми идеями о равноправности женщин с мужчинами в вопросе о нравственности, мечтавшая о полной самостоятельности и обособленности жизни замужней женщины, выходит замуж по любви, и в силу этой любви делает массу компромиссов, возбуждающих глубокое негодование в ее приятельницах, еще не успевших достаточно познакомиться с жизнью. Писательница ничего особенного не думала доказывать этою пьесой: она хотела просто в шутливой форме показать, как часто излюбленные теории молодежи, которые она, совершенно незнакомая с жизнью, высказывает с такою самоуверенностью, разбиваются в прах при первом столкновении с действительностью.

Непонимание публики было на этот раз совершенно извинительно, потому что в упомянутой комедии слишком много серьезного, чтобы принимать ее за шутку, и слишком много шутового, чтобы видеть в ней что-нибудь действительно серьезное. Кроме того, А.К. Леффлер недоставало театральной техники, которая вырабатывается только у таких писателей, которые, так сказать, живут на сцене; вследствие этого ей не всегда удавалось достигнуть желаемых сценических эффектов, как в трагическом, так и в комическом направлении. Но в то же время она страстно любила драматическое творчество; эта страсть возникла у нее, по всей вероятности, благодаря ее первым успехам на драматическом поприще, и хотя она во всех других случаях всегда доверчиво относилась к критике и прислушивалась к ее голосу, но в этом вопросе она ни за что не хотела согласиться с мнением друзей, убеждавших ее заняться исключительно беллетристикою, так как у нее гораздо больше способности к эпическому творчеству, чем к драматическому. Она отрицательно качала своею курчавою головою и упорно стояла на своем. Зато она вполне ясно сознавала в себе недостаток лирических способностей. Музыкальное чувство было у нее совершенно неразвито, да она и не заботилась о его развитии, между тем как способность понимать лирическую поэзию развилась в ней лишь мало-помалу, хотя, впрочем, сильное действие оказывали на нее только эпически-лирические произведения, так, например, она с наслаждением читала саги Фритиофа; если же чистая лирика и возбуждала иногда ее восторг, то только своими художественными, так сказать живописными красотою, а не музыкальными. Как и многие другие наши северные писатели, она по временам со страстью занималась живописью, как дилетант, и когда кто-либо выражал по поводу этого удивление и спрашивал, хорошо ли она делает, разбрасывая таким образом свои силы, она отвечала, что это, напротив того, помогает ей развивать и концентрировать способность видеть, которую художник слова должен развивать в себе в такой же мере, как и художник красок.

Вообще способность видеть, наблюдать, воспринимать составляла характеристическую особенность литературного дарования Анны-Карлотты Леффлер. С помощью ее творчество этой писательницы получило тот истинно национальный колорит, который доставил ей европейскую известность, потому что ее картины «Из жизни» возбудили всеобщее удивление и симпатию не богатством идей, не смелостью фантазии, а верным изображением шведского дома и общественной жизни ее времени. Благодаря этому, произведения А.К. Леффлер не утратят никогда своего значения в нашей беллетристике.

Когда мы перечитываем их, моралистические тенденции, бросавшиеся нам в глаза при первом чтении, отступают на задний план, и мы поражаемся художественно-

стью изложения автора. В простом, ясном, искреннем изображении действительности, в самом слоге которым написаны ее повести, отражается личность самой А.К. Леффлер, всегда честная, всегда правдивая, без признака аффектации. Такою же естественною и сдержанною, какою она была в жизни, является она и в своих романах и повестях, и если того же нельзя сказать относительно ее драматических произведений, то это обуславливается не тем, что она менее честно относилась к делу в этой области, а тем, что она не в состоянии была выразить в этой форме произведений свою личность.

Если ее последние романы отличались менее художественным совершенством, то это произошло не потому, что она перестала быть верною себе, а потому, что эти работы появились при самых неблагоприятных для нее обстоятельствах. Когда она утратила равновесие, необходимое для спокойного творчества. Только тогда, когда она сама во всех отношениях достигла широкого развития, полной внешней и внутренней гармонии, должен был достигнуть апогея своего развития и ее талант. Но это развитие было неожиданно прервано смертью.

Одною из важнейших причин, заставивших А.К. Леффлер выступить под собственным именем, было желание доставить себе круг знакомства, более подходящий для нее, более удовлетворяющий ее умственные интересы, – желание сблизиться со своими единомышленниками в литературе. Когда писательница сделалась известною за пределами своего кружка, она получила возможность собирать в своем доме и других представителей литературы. Кружок, мало-помалу сосредоточившийся вокруг нее и собиравшийся в ее доме, решил собираться и у других писателей, у Керфштедт, Агрель, Ланге и других. Ему было дано шутовское прозвание «Кружок голодающих», потому что члены его согласились соблюдать самую строгую простоту относительно угощения гостей. Когда «Кружок голодающих» через несколько лет рассеялся, дом Эдгенов продолжал служить сборным пунктом для многих литературных деятелей Стокгольма, которым случалось весьма часто встречаться здесь и с некоторыми выдающимися писателями соседних стран во время их посещений шведской столицы.

Все чувствовали себя необыкновенно просто, хорошо и уютно в обществе, хозяйкою которого была А.К. Леффлер. Она никогда не обнаруживала желания позировать, выступать вперед, играть роль; напротив того, она обладала тою привлекательною особенностью, которую Софья Ковалевская описала у Джордж Эллиот: она умела сделать интересными и других, наводя разговор на темы, занимавшие в данное время ее гостей, и выслушивая их речи с живым интересом, возбуждающим образом действовавшим на ее собеседников. Она не употребляла никаких усилий, чтобы заставить последних вызывать свои познания или свое остроумие; все это делалось само собою: все, вступавшие в разговор с нею, становились прежде всего естественными, потому что и она сама была в высшей степени естественна. Ее обращение было проникнуто спокойным достоинством; выражение ее лица, несколько суровое, когда она молчала, делалось веселым и приятным, как только она говорила или улыбалась. Тот, кто знал ее ближе, часто замечал по румянцу, сгустившемуся на ее свежем лице, по вибрации ее чистого, мягкого голоса – ее речь получала особый оригинальный оттенок благодаря легкому шепелянию – что она застенчива, несмотря на свой светский лок. Она долго колебалась, прежде чем решалась высказать какое-либо суждение, никогда не любила положительным тоном формулировать свои взгляды и избегала всего, что имело сходство с педантством или партийностью. Иные, говоря о А.К. Леффлер, описывали ее в виде какой-то валькирии, смело идущей вперед в рядах воинствующей «молодой Швеции», но такая точка зрения может объясняться только полным незнакомством как с нею, так и с «молодою Швециею». Благодаря своим взглядам и особенностям своего литературного дарования, она действительно сразу стала в ряды представителей молодой беллетристики, но, во-первых, последняя никогда не образовывала особой партии, а представляла лишь совокупность людей, имевших не-

которые общие идеи и симпатии, во-вторых, и А.К. Леффлер никогда не согласилась бы пожертвовать своею свободою ради принадлежности к партии. Она всегда крепко держалась за свою самостоятельность, всегда с живейшею симпатиею относилась к своим консервативным друзьям и выказывала уважение к их взглядам. Вследствие этого многие воображали, что госпожа Леффлер, для обеспечения себе успеха, старается приобретать друзей в обоих лагерях; но такого рода расчеты были совершенно чужды ее характеру. Она не искала новых связей среди лиц консервативного лагеря, но она оставалась верна своим старым друзьям, даже если они были неприятны новым. Она обладала таким широким человеческим пониманием, так глубоко умела проникать в душу окружающих ее людей, что мнения данного лица не оказывали никогда решительного влияния на ее симпатии к нему. Вообще она очень тепло и симпатично относилась к своим товарищам писателям. Она, например, первая искала сближения с Афильдью Агрель и Викториею Бенедиктсен, и когда драмы одной и повести другой стали вскоре восхвалять на ее счет, она самым сердечным образом радовалась их успеху.

«В литературе», говорила она, «...закон конкуренции не имеет, к счастью, никакой силы, чем больше хорошего производит кто-либо, тем больше, очищает он путь для другого и лучшего».

Чуждая зависти, она в то же время никогда не занималась интригами, ни в свою пользу, ни в пользу других, и никогда не выказывала ни властолюбия, ни подозрительности. При своем честном, прямодушном характере, она часто грешила слишком большою откровенностью, но никогда не отступала от истины. Тот, кто узнавал ее ближе, поражался прежде всего ее добротою: никогда никто не слышал, чтобы она насмеялась над кем-нибудь, чтобы она произносила резкое суждение о ком-либо; единственное, что она говорила, когда то или иное лицо или действие ей не нравились, это «оно мне не симпатично», «условно» или «банально», да и то в крайне редких случаях.

Где бы ни появлялась А.К. Леффлер, ее наружность обращала на себя общее внимание, но она не была такою блестящею собеседницею в обществе, как, например, Софья Ковалевская. Когда обе подруги бывали где-нибудь на вечере, возле Софьи образовывался почти всегда кружок слушателей, между тем как Анна-Карлотта, напротив того, сама любила играть роль слушательницы в том кружке, который собирался вокруг нее. Ее разговор не блистал ни особенною оригинальностью мысли, ни остроумными выходками, но отличался богатством содержания. Когда она рассказывала что-либо, анализировала какую-нибудь психологическую задачу, излагала содержание какой-либо книги, всегда получалась действительная характеристика данного лица или положения, характеристика, изложенная ясным и определенным образом; она, так сказать, отделяла глыбу мрамора и в натуральном виде подносила ее своим слушателям. Когда же эта самая мраморная глыба попадала в руки Софьи, она, Микель Анджеоло разговора, с бурною энергиею набрасывалась на нее, и вскоре там, где был только материал, показывались контуры фигуры. Все происходило всегда так, как рассказывала А.К. Леффлер, все могло происходить так, как рассказывала Софья, и тогда все было бы гораздо интереснее, чем в действительности. За недостатком материала, Софья на свой лад обрабатывала то, что имела под рукою.

Так, например, она однажды прочитала где-то, что если бы человек, соответственно своему объему, обладал такою же способностью прыгать, как некоторые насекомые, он в состоянии был бы одним прыжком перенестись на Луну. И вот она начала со всею силою своего красноречия, на основании астрономических, физических и механических данных доказывать, что задача будущего воспитания и культуры, которой она, между прочим, желает посвятить себя, заключается в том, чтобы развить в людях способность скакать, дать им таким образом возможность перепрыгнуть на другую планету, когда окажется невозможным жить больше на Земле: с

помощью этого прыжка люди спасут и себя, и воспоминание о культуре, достигшей такого высокого развития на нашей Земле. И эту шутку она развивала с такою серьезною миною, что комическое впечатление делалось неотразимым.

Во время разговора нередко случалось, что Анна-Карлотта выражала ту или иную мысль, которую Софья затем подхватывала. Таким образом первая привела однажды следующую цитату из одного датского автора: «Нужна гениальность для того, чтобы любить», выражение, которое некоторые из присутствовавших молодых поэтов никак не хотели понять в настоящем его смысле, а толковали таким образом, что «только гении могут любить». Долго Софья старалась выяснить настоящую мысль, но тщетно. И вот, по уходе этих господ, она воскликнула:

«Нет, право невероятно, до какой степени могут быть глупы даже самые даровитые люди, когда дело идет о любви! Вот эти милые молодые люди рассуждают и пишут книги по этому вопросу, а не понимают, что некоторые люди обладают гением в любви, подобно тому, как другие обладают гением в музыке или механике, и что для этих гениев любви любовь обращается в жизненное дело, между тем как для всех остальных она является только одним из эпизодов жизни. И обыкновенно бывает так – по теории Дарвина оно совершенно естественно, – что гений любви влюбляется в идиота любви; это именно и составляет одну из самых запутанных задач жизни, а наши юноши даже не заметили этого. Но если существует область, в которой самая глупая женщина умнее самого умного мужчины, так это область любви. Когда мне было шесть лет и я полюбила первую любовью студента, посещавшего наш дом, полюбила его сильною, молчаливою любовью, о которой рассказывала только каменному льву, украшавшему сад моего дедушки, то я тогда уже больше смыслила в этом вопросе, чем эти молодые люди».

А.К. Леффлер, улыбаясь, молча слушала поток красноречия, который еще долго звучал, пока, наконец, не обрушился всею силою на нее, на «коварную Анну-Карлотту», которая бросила перчатку, а затем скрылась, предоставив Софье самой выпутываться из беды. Дело было в том, что Анна-Карлотта, как и многие другие, не любила прерывать Софьи, когда последняя приходила в азарт; столько было глубокомыслия, блестящего остроумия, юмора, лиризма, образности и яркости в ее речи, что все предпочитали слушать ее. А.К. Леффлер, при добродушии, составлявшем одно из самых привлекательных в ней качеств, часто принимала за правду шутки Софьи, что подавало нередко повод к новым остроумам и смеху.

Софья находила большое удовольствие в том, чтобы, пользуясь свойственною ей психологическою проницательностью, воспроизводить в своем воображении характер данного лица, представлять себе его дальнейшую судьбу на основании какого-нибудь его жеста, интонации его голоса и т.п. Ни одна из блестящих способностей Софьи не возбуждала в такой сильной степени удивления и восхищения А.К. Леффлера, как именно эта. Для уяснения того, что мы подразумеваем под этою способностью Софьи, приведем следующий факт. Однажды Софье Ковалевской пришлось ехать в вагоне с одною дамою, много работающей теперь на пользу своей родины. Ковалевская вступила с нею в разговор и начала расспрашивать о ее планах. Когда дама изложила их, Софья сказала:

«Вы наверное будете иметь успех. В жизни каждого человека наступает решительный момент, когда вся дальнейшая судьба его зависит от того, пойдет ли он по тому пути, по которому он должен идти, или нет. Кто пропускает этот момент, тот губит всю свою дальнейшую жизнь. Вы принадлежите к числу тех людей, которые умеют выбирать себе настоящую дорогу».

«Но как же вы можете знать все это обо мне», – спросила удивленная дама.

«Я видела, как вы на станции расставались с вашею матерью», – ответила Софья. «Вы смеялись, прощаясь с нею, а затем, когда поезд тронулся, вы заплакали. Я сразу увидела, что у вас есть и сердце, и мужество; а такого рода люди всегда сумеют в нужное время выбрать истинный путь».

Софья Ковалевская любила спор из-за спора; она часто сама создавала против себя возражения, которые затем победоносно опровергала.

А.К. Леффлер интересовалась гораздо больше содержанием разговора, чем спором, и когда ей приходилось отстаивать какую-нибудь мысль, она делала это с удивительным спокойствием, импониравшим ее подруге, которая ничем так не восхищалась, как спокойствием. Она часто говорила, что есть люди, которые одним присутствием своим в комнате, где она находится, разливают покой, водворяют гармонию в ее внутреннем мире, производя на нее впечатление «свежести и спокойствия мрамора или мягкости бархата». У Анны-Карлотты она находила не только спокойствие темперамента, но и широту взглядов и мысли, чарующим образом действовавших на нее. Любовь к психологическим вопросам и ясность мысли были общие у этих женщин, дарования которых представляли во многих других отношениях такое большое различие.

Софья больше всего любила музыку и лирику и часто мыслила образами; она обладала тем особым пониманием природы, которое прежде всего ищет в ней того, что наиболее соответствует данному настроению духа или воплощает его; в то же время она отличалась удивительной способностью передавать эти впечатления в необыкновенно яркой, художественной и поэтической форме.

Анна-Карлотта, напротив того, больше всего любила природу, и затем воспроизводила ее искусства: живопись и скульптуру. Она никогда не выражала своих мыслей в образах, а всегда в отдельных сентенциях; но она очень восхищалась богатством фантазии и образов Софьи и ее лирическими способностями, как эта последняя – умением Анны-Карлотты излагать свои мысли в простой и ясной форме.

Различие в характерах обеих подруг выражалось, между прочим, и в таких мелочах, с помощью которых Софья любила иногда строить характеристику известных лиц, придавая этим мелочам большое значение. Когда Софья, например, здоровалась, она протягивала руку вперед резким, быстрым движением, и ее тонкие, нервные пальцы миглом ускользали из рук встречного, точно крылышки пойманной птички. В этом рукопожатии сказывалась нервная, впечатлительная натура, сказывался человек, действовавший всегда под влиянием импульса. Напротив того, в манере Анны-Карлотты двигать своими красивыми руками выражалась спокойная грация. Она как-то сдержанно протягивала свою изящную, белую руку с тонкими пальцами, но затем оставляла ее на некоторое время в руке собеседника, спокойно отвечая на его пожатие. Как в мелочах, так и в более серьезных вещах, она всегда производила впечатление цельной, уравновешенной, замкнутой личности. Она казалась несимпатичною некоторым мужчинам, благодаря тому, что была так смела, так самостоятельна; но стоило ближе познакомиться с нею, и неприятное чувство сейчас же уступало место самой горячей симпатии, так что не один человек сожалел о том, что слишком поздно встретился с нею. Женщины восхищались в ней серьезно работающей писательницею, отличавшейся таким мужским бесстрашием и такою удивительною ясностью мыслей. Немногие же приятельницы, сблизившиеся с нею во время прогулок в лесу или беседы в ее красивом рабочем кабинете, где большой письменный стол и наполненные книгами этажерки свидетельствовали о серьезных занятиях его обитательницы, а мягкая мебель, изящные предметы искусств, растения и другие украшения придавали уютный характер всей обстановке, – знали, что она прежде всего была не писательницею, не ученою, а настоящею женщиною, жизненные задачи которой были еще далеко не разрешены.

Однажды, прогуливаясь пешком по Лирианскому лесу в чудный морозный зимний день, Анна-Карлотта Леффлер начала восторженно говорить о красоте зимы, которую она ставила несравненно выше лета. Смотря на нее, как она стояла, выпрямивши во весь рост свою высокую, гибкую фигуру, дышащую здоровьем и силою, с выхоп-ми-ся, покрытыми слегка снежным пушком волосами, выбивающимися из-под меховой шапки, с высоко приподнятою головою, слегка отброшенною назад, с полными,

свежими, полуоткрытыми губами, вдыхая полною грудью морозный воздух, с глазами, сияющими от восторга перед красотой природы, приятельница ее вскричала:

– Ты сама и твои произведения – похожи на этот ясный, мягкий зимний день. Но, быть может, явится любовь, которой ты так боишься, и заставит растаять снег.

– Весьма возможно, – ответила она. – Никто не может предвидеть своей судьбы. Но одно я знаю: если я боюсь любви, то только потому, что стоит ей вторгнуться в мою жизнь, – и она обратится во всевластную и, быть может, всесокрушающую силу.

А.К. Леффлер случалось не раз ездить на короткое время за границу, но первое продолжительное путешествие, совершенное с научною целью, предпринято ею очень поздно. Ее давно уже охватывало страстное желание познакомиться с жизнью более обширных центров, представлявшей столько благоприятных условий для многостороннего развития, и это желание достигло особенной силы вследствие постоянных неприятностей, которые она испытывала дома, благодаря необходимости обращать внимание на разные мелочные обстоятельства и условия, на банальные взгляды окружающей среды, к которым она относилась всегда с глубоким презрением.

Софья Ковалевская, которая, так сказать, дышала европейскою культурною жизнью и постоянно упоминала о ней в своих разговорах, – она осенью 1883 года переселилась в Стокгольм – возбудила еще в большей степени любовь к путешествиям у А.К. Леффлер и, наконец, последняя в начале 1884 года отправилась с Юлиею Кельберг (теперешнею госпожою Вольмар) в продолжительное путешествие. Она посетила Данию, Германию, Англию и Париж. Благодаря своей репутации романистки и рекомендательным письмам, данным ей, между прочим, в особенно большом количестве Софьею, обе приятельницы получили возможность вращаться в самых разнообразных кружках общества, изучать на месте разные течения мысли и знакомиться с выдающимися людьми своего времени.

Впечатление, произведенное на нее «современным Лондоном», А.К. Леффлер описала в письме, адресованном в «Stockholm Dagblad», и затем, по возвращении на родину, она печатала в разных журналах свои дорожные впечатления. Таким образом она впервые познакомила шведское общество с Энни Безант, пользующейся теперь такою известностью (очерк в «Revy», 1885 год); она же в новообразованном женском обществе Sdun прочла первую лекцию, посвященную описанию реформы, произведенной англичанками в женском costume; вслед за этим и в Швеции явились последовательницы нового движения.

Наибольший интерес как в Германии, так и в Англии возбудил в ней социальный вопрос, и ее драма «Nur man gor godt» («Каким образом делаешь добро») является вкладом ее в этот вопрос. Материалом для этой драмы служили, с одной стороны, впечатления, полученные ею из жизни, с которою она была хорошо знакома, с другой, – впечатления, произведенные на нее благотворительными базарами Стокгольма, которые были ей гораздо менее известны. Большая часть лиц и положений были созданы со специальною целью – выразить протест против существующих в обществе несправедливостей и безобразий. Поэтому драма эта вышла самым тенденциозным произведением, написанным когда-либо А.К. Леффлер, потому что исходною ее точкою зрения являлась не жизнь, а общественные вопросы.

С этого времени произведения А.К. Леффлер стали страдать избытком впечатлений, которые она вносила в них.

Госпожу Эдгрен считали вообще положительною, догматичною, рассудительною; но на самом деле она меньше всего походила на это представление о ней. Она была чрезвычайно впечатлительна; относительно многих вопросов у нее не было решительно никаких «принципов», и она легко поддавалась данному ей кем-нибудь импульсу, легко воспринимала чужие взгляды и мнения, редко старалась опровергнуть их и, выслушавшая два противоположных мнения, кончала обыкновенно тем, что отдавала справедливость обоим, если только спор не велся по поводу чего-нибудь

условного – относительно этого у нее была своя особая точка зрения. Она сама признавала это и часто говорила:

«Я, право, боюсь говорить с людьми, которые глубоко убеждены и убеждения которых противоположны моим, потому что я похожа на воск и всякое сильное убеждение оставляет на мне свой отпечаток. К счастью для меня, сильных убеждений на свете очень мало».

Писатель, обладающий эпическим, а не лирическим талантом, никогда не будет в состоянии ясно, резко и определенно, не погрешая против истины, высказывать свои впечатления, если будет находиться во взволнованном состоянии духа, и если одно впечатление будет непрестанно следовать за другим. Для эпического таланта необходимо спокойствие, чтобы обработать эти впечатления и надлежащим образом передать их. Но именно в это время А.К. Леффлер, благодаря разным внешним обстоятельствам и переменам, происходившим в ее внутреннем мире, находилась в постоянном волнении, и поэтому та сдержанность и уравновешенность, которые замечаются в ее первых произведениях, совершенно отсутствуют в последних. И это вовсе не потому, чтобы она небрежно относилась к своему делу или выпускала не вполне обработанные еще произведения, спеша поделиться ими с публикою; она, напротив того, отличалась до конца необыкновенною добросовестностью в работе, начиная с первого наброска и кончая последнею корректурою. Но она слишком быстро делилась с читателем тем, что испытывала; впечатления должны были бы быть иногда более глубокими, наблюдения более многосторонними, более художественно оформленными, и этот недостаток в интенсивности вызывал часто такого рода критические замечания об А.К. Леффлере: она занимается «реалистическою фотографиею», или: у нее слишком «холодные краски». К этому нужно еще прибавить то, что мы говорили выше о замечающемся в ней часто недостатке вкуса: она нередко обращала слишком много внимания на подробности, на случайные явления, которые следовало бы оставить в стороне, и в то же время упускала из виду существенные, характерные черты.

В следующие затем годы она часто предпринимала поездки в Норвегию и Данию, а в Стокгольме жила постоянно в обществе Софьи, действовавшей на нее самым возбуждающим образом. Воспринятые ею за это время новые жизненные впечатления отразились в «Летней идиллии», но выказались в ней беспокойно, без достаточной художественной выдержки. Критики увидели в этом произведении как бы воззвание в защиту прав замужней женщины, между тем как на самом деле роман этот служил отражением личной жизни писательницы, которая заставила ее прийти к заключению, что самым существенным в женском вопросе является возможность сохранить и в браке свою личную индивидуальность и остаться верною своему призванию. Уже в первой части «Алии» она необыкновенно тонко и художественно описала новые психологические явления своего времени, отношение современной, развитой женской индивидуальности к любви. Она заставила Алию отказаться от счастья, когда оно предлагалось ей любимым человеком, потому что Алия чувствовала, что сильно развитая и определившаяся в ней индивидуальность не привлекает к ней того, кого она любит, а, напротив, отталкивает его от нее.

А.К. Леффлер ни разу не проникала в такой сильной степени в глубь шведской жизни, как в этой повести и в «Летней идиллии», где она, напротив, заставила сильно развитую в смысле индивидуальности женщину вступить в брак с горячо любимым ею человеком, отвечавшим ей такою же горячею любовью, и затем разорвать этот брак в виду представившегося ей вопроса, разрешение которого превышало человеческие силы: быть настоящею женой своего мужа, симпатизирующей ему во всем помощницей, вполне матерью своих детей, вполне хозяйкой и оставаться в то же время вполне развитым индивидуумом со своими собственными задачами, со своим собственным призванием. Автор обрисовывает нам в этом романе столкновения, которые встречаются постоянно в жизни развитых женщин. Но впечатление,

произведенное «Летнею идиллией», было в значительной степени ослаблено, вследствие недостаточной художественной сплоченности целого и частей, вследствие частых отступлений от главной темы романа, а отчасти и потому, что книга вышла в самый разгар реакции против женского вопроса. Вот почему «Летняя идиллия» осталась непонятой. Когда в моем отзыве о ней я писала, что «будущий историк литературы второй половины текущего столетия назовет беллетристику этого времени литературой женщины о женщине», моим словам было придано не то значение, какое они имели: говорили, будто я хотела придать грандиозное значение произведениям лиц женского пола. На самом же деле я имела в виду только подчеркнуть одно из важнейших современных нам литературных течений: выступление женского элемента, изучение женщин женщиной, столкновение мужчины с развитой современной женщиной, одним словом, весь тот новый материал, который является характерной особенностью современных романов и повестей.

Позволю себе заметить, что ни одна из сторон женского вопроса, занимавших поэтов и психологов, не имеет того значения, какое представляет собою сюжет «Летней идиллии»: столкновение между требованиями современной женщины и требованиями, предъявляемыми браком. Немного можно насчитать таких областей человеческой жизни, которые не были бы затронуты этим столкновением. Разрешение его является, поэтому, одною из важнейших задач, над которой человечеству придется работать.

Но в то время, когда А.К. Леффлер впервые затронула этот вопрос, она испытала ту же участь, какая достается на долю большинства дальновидных писателей: её не поняли.

Вот что она сама писала по этому поводу в 1886 году:

«Я старалась возможно глубже вникнуть в описываемое мною столкновение, так сказать, вновь и вновь пережить его, и всякий раз приходила к одному и тому же заключению, что лучшего разрешения, чем то, какое дано мною, невозможно было придумать. Я допускала сомнения относительно всего другого в моей повести, но только не относительно правильного разрешения задуманной мною задачи. Я знала, что мои слова будут перетолкованы в самом вульгарном смысле: скажут, будто бы я проповедую, что теперь настала очередь мужчин отказаться от своего призвания ради призвания женщин, о чем, конечно, я никогда и не помышляла. Я только хотела сказать, что если кому-либо из двух и приходится отказываться от своего призвания, то это должен (или, скорее, должен был бы) делать тот, кто, независимо от пола, обладает наименее выраженной умственной индивидуальностью... Если супругам придется вследствие этого по временам жить отдельно, то это еще, по-моему, небольшая беда. Почему нельзя приравнять совместную жизнь супругов ко всякой другой совместной жизни? Ведь известно, что люди развиваются лучше и свободнее, когда они не живут вечно и неразрывно вместе? Что может быть стереотипнее семьи, в которой все дети воспитываются дома, или в которой братья и сестры стареют вместе? Почему нельзя сказать то же и о супругах? Это было бы вполне справедливо. Нет! Да здравствует путешествие от времени до времени одного из супругов к Северному полюсу! От этого любовь становится свежее, а личность свободнее».

Впрочем, во взглядах писательницы на значение путешествия к Северному полюсу для разрешения вопроса о браке произошло в последние годы радикальное изменение.

Склонность Анны-Карлотты подчинять свое творчество чужому влиянию высказывается с особенною силою в ее отношениях к Софье Ковалевской.

В написанной ею биографии своей приятельницы А.К. Леффлер сама описывает их богатую содержанием совместную жизнь и совместную работу в «Борьбе за счастье», совместную работу, которая помешала шведской писательнице окончить задуманное ею произведение. «Utomkring aktenskapen» («Вокруг брака»), судя по плану, самое смелое из всего, написанного А.К. Леффлер.

«Борьба за счастье» доказала невозможность слить воедино эти два, столь различные по своему характеру, поэтические таланты. А когда А.К. Леффлер в 1888 году решила поехать в Рим, она приняла это намерение, главным образом, с целью освободиться от подавляющего влияния Софьи, вновь «овладеть собою» и заняться новыми самостоятельными трудами.

Кроме вышеупомянутого романа, она задумала написать третью часть «Летней идиллии» и изобразить в ней счастливую совместную жизнь Уллы и Фалька при новых условиях. Она избрала целью своего путешествия Италию, потому что недавно умерший ее друг, которого она любила как брата, Виктор Лорен, выражал перед смертью желание, чтобы она посетила его любимую страну, куда она уже давно мечтала поехать, но куда никак не могла до сих пор попасть. Он взял с нее также обещание работать над приведением в исполнение его идей в качестве члена правления фонда для разработки социальных и экономических вопросов, которому он завещал все свое состояние. Задача эта возбуждала в А.К. Леффлере самый горячий интерес.

Зиму она провела в Риме, и затем совместно с профессором Миттаг-Леффлером и его женою совершила путешествие в Африку, которое она описала в письме в «Stockholms Dagblad». На возвратном пути с ними встретился в Неаполе знакомый ее брату математик, Паскале дель Пешо, маркиз Камподисола. Брат ее с женою продолжали свой путь на север, а А.К. Леффлер осталась в Италии и поселилась на некоторое время на острове Капри.

Вот что она писала в июне об этом времени своей жизни:

«...Жизнь удивительно богата новыми впечатлениями и переменами, по крайней мере, моя жизнь... Капри восхитительное место, самое красивое из всех, когда-либо виденных мною. Я живу в чудесной гостинице Пагано, стены и двери которой разрисованы художниками всего мира, с выходящими на море галереями и садом, наполненным опьяняющим запахом цветов и огороженным стенами, которые покрыты выющимися розами и виноградными лозами. Под этими стенами раздаются каждый вечер серенады на мандолинах, неизвестные певцы оглашают воздух своими глужими песнями любви. В этом чудном уголке земного шара я, наверное, забуду несколько листов из истории моей жизни. Жизнь, действительная жизнь представляет нечто совершенно иное, чем сны и мечтания. Мы на севере слишком романтичны, слишком сентиментальны, слишком созерцательны. Нужно учиться жить у южных итальянцев; они это умеют. Ты найдешь наверное, что я пишу отчаянные глупости. Но я успею еще достаточно рано вернуться на север с его серым небом и меланхолическими грезами. На Капри жизнь полна радости и движения».

Намерение вернуться к жизни под серым небом севера не было осуществлено. В той стране, куда ее умерший друг убеждал ее ехать, уверяя ее как бы с пророческим предчувствием, что только там она сделается цельным человеком, ей пришлось испытать много нового, что произвело полный переворот в ее внутреннем мире, а затем и в ее внешней жизни.

После продолжительной борьбы она решила в 1889 году развестись со своим первым мужем на основании законов о разводе, существующих в Швеции. Но несколько месяцев спустя отец Паскале дель Пешо умер, и он сделался герцогом ди-Кайяненло; теперь, как главе семьи, ему представлялись новые затруднения для вступления в брак с разведенною протестантскою писательницею. Хотя он лично всецело принадлежал к сыновьям молодого Италии, но не так легко и самому сильному человеку отрешиться от окружающих условий и попать ногами традиции, господствующие в высоко аристократической фамилии, которая с девятого столетия играла руководящую роль в истории Неаполя.

Письмо, полученное мною от А.К. Леффлера в течение этого времени борьбы, освещает ее внутреннюю жизнь. Не думаю, что поступаю не деликатно относительно нее или близких ей людей, если дам ей самой рассказать дальнейшую историю своей жизни.

Вот что она писала зимою 1889 года:

«...Что я пережила в эти полгода! Все волнения, все ощущения, начиная от самых светлых, счастливых, и кончая самыми ужасающими, самыми раздирающими... Я не знаю ни одного человека, который был бы счастливее, чем я в это время! Я не знаю ни одного, который наслаждался бы такою глубокою любовью. Но я не знаю также ни одного, которому пришлось бы испытать такую страшную борьбу...

«Я боялась любви, и я была права. Потому что когда я во Флоренции собиралась вернуться домой и расстаться с тем, кто сделался всем для меня, я почувствовала, что это равносильно гибели, безнадежной гибели... Теперь же все кончилось, пришло в гармонию. И я смело берусь за разрешение задачи любить всем сердцем, всею душою, всеми своими помышлениями, и в то же время сохранить неприкосновенною собственную индивидуальную внутреннюю жизнь. Но вряд ли существовало когда-либо два человека, которые так хорошо понимали бы друг друга, как мы, несмотря на все существующее между нами различие. Все как бы разделяет нас – язык, воспитание, раса, а между тем на деле ничто нас не разделяет...

«Много планов новых работ носится у меня в голове. Я положительно очарована Неаполем и чувствую себя необыкновенно счастливою, что живу здесь, в постоянном солнечном свете и в восхитительном месте с видом на море и окрестности, открывающиеся лишь только выйдешь из дому. Мне пишут о постоянных туманах у нас на севере. Относительно неба и природы трудно встретить в Европе место, более щедро одаренное, чем Неаполь. При моей любви к природе, которая тебе известна во мне, я каждый день наслаждаюсь сознанием, что живу среди природы и в то же время в центре большого города. Италия так сильно овладела моим сердцем, что я вряд ли буду когда-либо в состоянии жить счастливо на севере».

Летом 1889 года Анна-Карлотта Леффлер с матерью и братьями прожила довольно долгое время в любимом местопребывании своего детства в Гю, издала осенью новый выпуск «Из жизни» и затем уехала с Софьей Ковалевской в Париж; свое пребывание в этом городе она сама описала в биографии Ковалевской. Вскоре после приезда в Париж она уехала в Рим. Наступило очень бурное для нее время, и обе приятельницы начали с этого времени скрывать друг от друга свои сокровенные чувства. Если бы возможно было теперь дать полное описание жизни А.К. Леффлер за это время, мы увидели бы, как много обнаружила она самопожертвования, забвения своих личных интересов, какую редкую глубину чисто женской беззаветной преданности, добра и великодушия проявила она в этот тяжелый год ожидания, который ей пришлось пережить до вступления в новый брак. Свои ощущения она передает в следующих строках:

«...Я живу одиноко здесь в Риме, но, несмотря на внешнее одиночество, я ношу в себе неиссякаемый родник полного счастья: я думаю, что подучила от Бога такой богатый дар, как ни один из известных мне людей, в особенности если принять в расчет мои годы...».

Наконец, папа изъявил согласие на полное расторжение первого брака, так что Анна-Карлотта Леффлер могла обвенчаться с герцогом Кайянелло по всем обрядам католической церкви (чего не могло бы быть, если бы она была только разведена, так как католическая церковь развода не признает).

После венчания супруги отправились на родину жены. Здесь ее муж научился вместе с нею любить светлые ночи севера, снег и лед северной зимы, которые ему впервые приходилось видеть, Рождественскую ёлку в шведском доме; и столь горячо любимых Анной ее мать и братьев. Она чувствовала, как ее счастье все росло, благодаря этой во всем отвечающей ей любви, которая его заставляла считать своим все, принадлежащее ей, а ее – все, принадлежащее ему, этой взаимной любви, которая, по его выражению, захватывала всецело «душу и сердце, сокровеннейшие мысли и фантазии» как южанина, так и северянки, этой глубокой любви, которая воплощала в себе «идеал и гармонию мира» и не может «умереть, пока один из них не перестанет жить».

Весною того же года вышла в свет вторая часть романа «Алия», в котором автор хотел показать, как гордость и резкость, присущие современной сильно развитой женской индивидуальности, могут быть побеждены любовью, и как глубокая женская преданность может превратить влюбленность мужчины в истинную любовь. Это был хвалебный гимн силе любви, страстный хвалебный гимн, в котором было слишком много любовного чаду, чтобы он мог быть ясно понятым. Роман этот принадлежит к числу наиболее быстро написанных произведений А.К. Леффлер, и потому подал повод к самым обидным для писательницы толкованиям.

Она открыто протестовала против отождествления себя или кого бы то ни было с Алией, но возражение ее прошло почти незамеченным; а книга, с помощью которой она могла бы оказать более действительный протест – изложивши в ней, по личному опыту, ход развития женской индивидуальности во время брака и доказав возможность для женщины сохранить свою индивидуальность, несмотря на все перипетии брака – осталась ненаписанною. Во время вышеупомянутого пребывания в Швеции, продолжавшегося полгода, она написала свою драму «Famyllyuska» («Семейное счастье»), одно из лучших ее драматических произведений, в основе которого лежала ее горячая любовь к молодежи и убеждение в необходимости предоставить ей жить самостоятельной жизнью, под собственной ответственностью.

Но вообще А.К. Леффлер чувствовала теперь меньшую потребность писать, чем прежде: она была счастлива возможностью жить наконец цельною, полною жизнью. В этом отношении она отличалась редкою способностью, которую поэт называет счастливою особенностью молодости – забывать «то, что мы знаем о прошлом и о будущем».

С легкой душою, разорвавши со всем своим прошлым, в сорокалетнем возрасте вступала А.К. Леффлер в новую жизнь, точно двадцатилетняя девушка. Она проявила теперь свою в высшей степени женственную натуру, полную радости, преданности, здоровья, непосредственности, которые ключом били из нее. Эти именно силы заставляли ее постоянно молодеть и хорошеть. Тот, кто видел ее круглое, неразвитое, почти детское лицо на портрете, изображающем ее в двадцатилетнем возрасте, и захочет сравнить его с портретами, снятыми с нее в возрасте сорока лет, где полное жизни и выражения лицо глядит на вас своими блестящими глазами, сияющими из-под седеющих уже, но все еще густых выюхшихся волос, тот увидит, что не природа, а жизнь придала большую утонченность этим чертам лица, одухотворила и облагородила их. Женщина, у которой было это именно лицо, должна была писать, по случаю переезда в новый дом, такие слова, дышавшие всею пылкостью молодой любви:

«Я хочу, чтобы все в моем чувстве было ново и свежо для Паскале; мне кажется несправедливостью относительно него, что у меня и прежде были некоторые из тех интересов, которые находятся в связи с нашею новою жизнью».

А.К. Леффлер принадлежала именно к числу людей, обладающих гением любви, тех самых людей, о которых велся такой оживленный спор в гостиной Софьи. И муж ее после ее смерти пишет о ней почти словами Софьи: «Она обладала гением любви, – потому что любовь составляет такой же талант, как и художество, как и наука. Не все люди могут любить, но она умела любить до совершенства».

В феврале 1891 года супруги привели в порядок свой дом в Неаполе. Они поселились на Via Tasso, «любимой улице поэтов и любовников», которая вьется между садами, подымаясь на высоту, откуда открывается самый восхитительный вид на море. В ее доме был заведен совершенно иной порядок, чем тот, который соответствовал бы традициям герцогов ди-Кайянелло, но оба супруга с одинаковым ужасом относились к условным требованиям светской жизни и твердо решили не подчиняться им.

Как раз в то время, когда все уже было готово для переезда в новый дом, А.К. Леффлер получила известие о неожиданной смерти Софьи Ковалевской, как громом поразившее ее, тем более, что она и сама была не совсем здорова.

Она вновь отказалась от начатых работ, чтобы написать биографию своей приятельницы, оконченную ею в общих чертах к тому времени, когда супруги летом 1891 года вновь посетили Норвегию и Швецию. Тогда же, летом, она набросала вчерне и свою феерию: «Пилигримство истины», работу тем более для нее дорогую, что муж ее обнаружил самый живой интерес к задуманному ею произведению. Прежде он заставлял ее переводить устно на итальянский язык ее новые работы, теперь он сделал такие успехи в шведском языке, что мог совершенно свободно понимать то, что было ею написано. В предшествующие годы он познакомил ее как с классической литературой, объясняя ей греческих и латинских писателей, так и со старыми и новыми корифеями итальянской литературы: Данте, Ариосто, Петрарка и другие, и она совершенно освоилась с его родным языком и с его родной беллетристикой. Трудно сказать, какое действие могли оказать эти новые влияния на ее творчество. В «Пилигримстве истины» замечается уже влияние пылкой южной фантазии, а сама она вот что писала зимою из Неаполя:

«...Хотя я не сделала ни одного шага, чтобы приобрести новые знакомства, — зимою мы жили совершенно уединенно и не принимали никаких приглашений, — тем не менее вокруг меня собрался мало-помалу весьма симпатичный литературный кружок, который задался целью обратить меня в итальянскую писательницу. Но до сих пор в голове у меня сидят одни только шведские сюжеты...»

Таковыми-то простым и непритязательными словами описывает она свое положение среди научного и литературного мира Неаполя, но из сведений, полученных нами от ее новых друзей, равно как и из статей, появившихся в печати после ее смерти, оказывается, что дом супругов ди-Кайянелло, палаццо Фиодо, сделался на самом деле средоточием литературной жизни Неаполя. Одна итальянская писательница, талантливая и в высшей степени симпатичная женщина, синьора Цампини Салазар, говорила, что дом герцогини ди-Кайянелло должен был сделаться со временем самым замечательным литературным салоном в Италии, потому что хозяйка его имела все данные, чтобы собрать и удержать вокруг себя литературный кружок.

Синьора Цампини в следующих выражениях описывала А.К. Леффлер в одной итальянской газете:

«Все в ней гармонично и благородно. Ей чужды какие бы то ни было пошлые или низменные чувства... Она представляет собою блестящий образчик тех счастливых характеров, которые способны противостоять искушениям честолюбия и никогда не поддаются тщеславию... Ее застенчивая сдержанность производит необыкновенно приятное впечатление... Никакие успехи не в силах были ослабить истинно женственных черт ее характера. Искреннее и задушевное рукопожатие, кроткая улыбка, чудный взгляд ее красивых глаз, которыми она встречает своих друзей в своем оригинальном и комфортабельном доме на Via Tasso, заставляет всякого чувствовать себя у нее необыкновенно хорошо».

Как писательница, она получила известность в Италии благодаря переводу на итальянский язык драмы «Hur man gor godt». Она основательно переработала драму и сконцентрировала действие в трех актах вместо прежних пяти. Драма эта встретила самый теплый прием со стороны итальянских критиков. Ей был предпослан в виде введения весьма основательно и хорошо написанный очерк новой шведской литературы, составленный молодым итальянским писателем Бернардо Кроче.

Простота в обращении и непритязательность, понравившаяся в такой сильной степени итальянской писательнице, была так естественна в А.К. Леффлер, что ее шведские друзья почти не замечали в ней этих качеств. То обстоятельство, что ее имя получило наибольшую европейскую известность между всеми другими шведскими писателями, было почти неизвестно даже ее лучшим друзьям, — она сама никогда об этом не упоминала. Только после ее смерти узнала я, например, как часто печатали ее биографию в иностранной прессе, как часто писали о ее работах, какое большое количество ее произведений было переведено на языки норвежский, датс-

кий, финский, русский, английский, немецкий, голландский, кроатский и, наконец, итальянский. Она не любила говорить о том, что намерена была сама делать, ни о том, что успела уже сделать, ни о том, что говорилось об ее произведениях. И теперь, при новых обстоятельствах, при новых жизненных условиях, встречая притом самое симпатичное отношение к своей деятельности со стороны мужа, она намеревалась смело приняться за дело — писать, не заботясь о стереотипных взглядах имевших, прежде так сильно тяготевших над нею и оказывавших такое пагубное действие на ее творчество.

За несколько дней до своей смерти Софья Ковалевская говорила мне:

«Ты знаешь, что в Семье Кайянелло в течение шестнадцати поколений главы семьи назывались попеременно Паскале и Газтано, и теперь, конечно, Анна-Карлотта желает иметь маленького Газтано. Она его наверное и будет иметь. Она всегда получает все, чего ни пожелает. Если у нее когда-нибудь явится фантазия совершить путешествие на Марс, наука придет к ней на помощь и откроет воздушный путь на эту планету».

Софья и теперь, как всегда, оказалась проницательною, и весною А.К. Леффлер начала ожидать того счастья, отсутствие которого было для нее всегда так ощутительно. Вот что она пишет по поводу этого:

«Как восхитителен здесь май, об этом не может составить себе никакого понятия тот, кто сам не был здесь весною. Все в цвету, всюду изобилие фруктов, мягкий морской воздух насыщен благоуханиями, вся Via Tasso благоухает розами, цветами апельсиновых и лимонных деревьев. Мы ежедневно едим землянику, вишни, апельсины, выросшие здесь, а затем пойдут миндали, персики, абрикосы, фиги и т.д. Вся Via Tasso представляет непрерывный ряд фруктовых садов, которые террасами спускаются к морю.

Я совершенно здорова и полна надежда, веду себя, как подобает здоровой, порядочной женщине, и наслаждаюсь видом маленькой коляски, обитой голубым. Все голубое, следовательно, рассчитано на Газтано, потому что здесь, как и в Швеции, приданое голубого цвета шьется мальчикам».

Она радуется, что ее дитя родится в самое лучшее время года на своей прекрасной родине, и прибавляет, что если и испытывает страх, то это страх, который внушает слишком большое счастье — возможно ли, чтобы такое необыкновенное счастье, какое ей досталось на долю, могло еще увеличиться?

Ожидаемый с таким нетерпением ребенок родился, и в следующих письмах она говорит о новом событии, случившемся в ее жизни и научившем ее «начать новое летосчисление с 7-го июня». Ее письма полны самой восторженной материнской радости, описаниями своего сильного, здорового красивого мальчика, и всех тех грез о будущем, которые занимают матерей над колыбелью первого сына; они дышат глубокою благодарностью Провидению за ниспосланное счастье.

Она пишет по поводу этого:

«Есть что-то особенное в чувстве, которое заставляет нас обращаться инстинктивно со своими жалобами и своею радостью к кому-то, кого мы считаем источником всего этого. И в самом деле, теперь, когда я чувствую себя так бесконечно счастливою, когда сын мой родился, потребность в принятии благодарности высшему существу пробуждается во мне с удвоенною силою».

Все ее время занято теперь нежными заботами о ребенке. Разумная предусмотрительность и практичность, отличавшие ее при всех переменах судьбы, и делавшие ее способною спокойно выполнять все разнообразные требования будничной жизни, всегда стоять на высоте своего положения, теперь оказали ей большую услугу при выполнении новых своих обязанностей, уходе за ребенком и присмотре за слугами и за хозяйством, представлявшем много затруднений. Ей, уроженке севера, привыкшей к скандинавским нравам и обычаям, приходилось применяться к итальян-

янским условиям жизни, но со свойственным ей радужным спокойствием она счастливо преодолела все препятствия. Летом она писала:

«Иногда мне трудно связать мысль о себе в прошлом, о своих старых знакомых с итальянскою женою, хозяйкою и матерью, которая тем не менее так спокойно двигается в своей новой обстановке, точно родилась в ней. Мне по временам кажется просто невероятным, что позади меня такой ужасно длинный период жизни, прожитый при совершенно других условиях; прошедшее кажется мне все менее и менее вероятным».

Последнее выражение не следует понимать в том смысле, что она утратила свою прежнюю любовь к родине. Она жаждала известий от матери, братьев, друзей, сама очень усердно переписывалась, и ее письма с их неправильным, неразборчивым почерком, были всегда необыкновенно хорошо написаны, всегда естественны, красноречивы, безыскусственны. Даже в этот период ее жизни, переполненный личным счастьем, она интересовалась живо всем, что происходило в умственном и литературном мире ее родины и выказывала прежнюю благородную радость при малейшем успехе своих бывших товарищей.

После нескольких «невыразимо чудных» недель, проведенных на любимом острове Капри, супруги вернулись в Неаполь, и хозяйка, устроивши как следует свой дом и наладив хозяйство, принялась усиленно за свои литературные занятия.

«Мой сын и мой муж», — писала она, — «оставляют мне, впрочем, слишком мало времени для себя. Газтано уже большой мальчик, который ни за что не хочет, чтобы с ним обращались как с бебе и клали на весь день в коляску, а желает быть с утра до вечера в движении и требует, чтобы его носили на руках; он прислушивается и присматривается ко всему, что происходит вокруг и принимает участие во всех разговорах своею еще бессловесною, по выразительною речью».

Много уже лет не чувствовала она себя в таком хорошем и спокойном расположении духа, как теперь; она собиралась продолжать большой роман, начатый ею зимою 1890 года в Риме, где она составила первый его набросок:

«...Мой роман меня сильно интересует, и, хотя я еще недостаточно вникла в него, недостаточно освоилась с ним, тем не менее я надеюсь, что мне удастся мало-помалу выразить в нем все, что я раньше думала вложить в него. Теперь я нахожусь в поре разочарования, в самой худшей поре моего творчества. Пока план работы сидит у меня только в голове, все представляется мне в самом лучшем и прекрасном виде; но как только я принимаю за первый набросок, все начинает казаться мне в высшей степени плоским и банальным, и я только тогда освобождаюсь от этого гнетущего чувства, когда берусь вторично за переработку задуманных мною сцен. Сперва я только намечаю в кратких чертах то, что намерена разрабатывать после; поэтому всякое мое произведение является в начале крайне бесцветным. И все первое время работы, за исключением нескольких счастливых дней, когда какая-либо сцена рождается у меня прямо готовою в голове, я хожу, мрачная как туча, и думаю, что утратила уже свой талант и обратилась в идиотку. Мне предстоит теперь трудная задача, которая займет вероятно всю весну, потому что план составлен довольно кратко и весьма мало разработан».

О той же работе она пишет 16-го октября 1892 года своему брату Фрицу:

«Я теперь принялась за роман *«Trang horizon»* («Тесный горизонт») и работа идет у меня очень хорошо. Мне кажется, что это будет весьма значительное произведение, написанное зрелою, опытною писательницею, которая перестала бороться за проведение какой-либо тенденции, а задалась мыслью просто и правдиво описать жизнь, описать ее с возможно большим беспристрастием и с общечеловеческой точки зрения. Все стороны человеческих отношений должны разбираться в этом романе. Отношения самые разнообразные — между родителями и детьми, между супругами, старыми и молодыми, между любящими друг друга людьми, между братьями и сестрами, между приятелями и приятельницами, между дедами и внуками, —

все это должно быть выяснено с симпатией и сочувствием, с одинаковым доброжелательством ко всем действующим лицам, — да, одним словом, это должна быть великая книга человечества, покоящаяся на самых широких основаниях, при чтении которой придется и смеяться, и плакать. Она подвигается вперед гигантскими шагами и материал, которым я располагаю, невероятно велик».

Отправивши после этого к матери и братьям другое письмо, дышавшее счастьем и здоровьем, Анна-Карлотта с лихорадочною ревностью засела за работу. Она даже отказалась от завтрака, и когда ее муж в три часа дня вернулся домой и взял перо из ее рук, с просьбою беречь себя, тем более, что она уже жаловалась утром на нездоровье, она, как всегда, покорно исполнила его желание, сказав только:

«Но когда же я успею все это написать?».

Болезнь (воспаление брюшины) была очень мучительна, но не продолжительна. Сама Анна-Карлотта позаботилась о том, чтобы извещение о ее болезни было написано возможно осторожнее (она боялась напугать мать), но, по-видимому, всякая мысль о смерти была далека от нее.

Она тихо отошла в вечность, опираясь головою па любимую руку, умерла тою легкою смертью, которая не досталась на долю Софьи Ковалевской, о чем А.К. Леффлер так сильно сожалела.

Анна-Карлотта Леффлер искала в характере и в личности Софьи Ковалевской объяснение, почему последней не выпало то счастье, о котором она мечтала всю жизнь. Гораздо легче найти причины, объясняющие ее собственное счастье.

Анна-Карлотта принадлежала к избранным натурам, у которых уравновешенность и гармония являются дарами природы, а не результатом смирения и борьбы. Она умела сохранить до конца в полной силе свою индивидуальность, не утрачивая способности понимать индивидуальность других. Она умела оправдывать и понимать людей, которые боролись с нею или ложно толковали ее намерения и действия. Она отличалась какою-то особенною ясностью мыслей, которая мешала ей искажать или преувеличивать действительность; как ее собственные права, так и права других представлялись ей в надлежащем виде с точно определенными границами. Благодаря этому ясному, простому пониманию действительности и жизненных отношений, ей иногда приходилось, как писательнице и как женщине, рубить с плеча гордые узел психологических отношений, над разрешением которых другие потратили бы много сил. Но она вовсе не требовала, чтобы ее способ разрешения затруднений считали правильным; она желала только, чтобы к ней относились с тем же благородством, которое она обнаруживала всегда по отношению к другим: она была глубоко убеждена, что люди в своих действиях, даже в тех, которых она не понимала, руководятся самыми лучшими, а не самыми худшими побуждениями. Всегда мягкая, кроткая, внимательная к другим, она выказывала такую же мягкость и кротость и в предъявляемых ею требованиях к ним. Она отличалась способностью всегда и повсюду видеть жизнь, какою она есть на самом деле, никогда не представлять ее себе ни в слишком радужных, ни в слишком мрачных красках, никогда не умалять того хорошего, что давала жизнь, и не желать себе того, чего она не могла дать. Вот за такой-то здравый, великодушный взгляд на жизнь, за такое широкое понимание ее, жизнь иногда отплачивает счастьем.

архивы и воспоминания

Светлана АСАНОВА

Прием наследника хивинского хана в доме генерал-губернатора вызвал путаницу из-за лент при орденах

Шестой Туркестанский генерал-губернатор
Сергей Михайлович Духовской
на страницах дневника Н.П. Остроумова¹

*Посвящается моим учителям
Валерию Александровичу
и Валентине Валентиновне
Германовым*

Субботним утром 6 июня 1898 года на ташкентском вокзале встречали нового Туркестанского генерал-губернатора – генерал-лейтенанта, Сергея Михайловича Духовского.² Для его встречи была поставлена украшенная флагами и надписями арка; вдоль улицы, от вокзала до собора. На домах и торговых заведениях развивались флаги, а по Соборной улице³ были выстроены войска и учащиеся. На тротуарах толпились русские горожане и местные жители.

С.М. Духовской ступил на туркестанскую землю под громкие звуки военного оркестра и был встречен войсками и чинами администрации, начальниками разных учреждений города и населением. Выйдя из ва-

гона, он принял рапорт от военного коменданта и обошел всех представлявшихся ему русских чиновников, выслушивая от каждого краткое заявление о занимаемой должности. Принимая хлеб-соль и поздравления с прибытием в Туркестанский край от разных депутатов, генерал благодарил за высказанные расположения и со своей стороны высказывал депутатам пожелания здоровья и благоденствия. Представителям русской администрации и начальникам правительственных учреждений генерал ска-

зал: «Я постараюсь отдать управлению Туркестаном все свои силы и надеюсь получить помощь от каждого из вас».⁴

С вокзала генерал с женой (детей у них

¹ Данная публикация является первой в цикле статей о Сергее Михайловиче Духовском. Статья подготовлена на основе материалов Фонда И-1009 (Н.П. Остроумов) Центрального Государственного архива Республики Узбекистан и при финансовой поддержке Gerda Henkel Stiftung, Düsseldorf

² Предшественниками С.М. Духовского по руководству Туркестанским генерал-губернаторством были: генерал-адъютант К.П. фон-Кауфман, генерал Г.А. Колпаковский, генерал-лейтенант М.Г. Черняев, генерал-лейтенант Н.О. Розенбах и генерал-лейтенант барон А.Б. Вревский.

³ Современные ул. Сайилгох и ул. Мусаханова. Соборная улица начиналась от современной площади Мустакиллик, проходила через сквер Амира Тимура к Католическому костелу и далее по южной стороне огибала Боткинское кладбище.

⁴ ЦГА РУз ф. 1009, оп.1, ед. хр. 73, л. 2.

не было) ехал в коляске, в сопровождении казачьей сотни с большим развивающимся значком, как было заведено генералом фон-Кауфманом.

Несмотря на торжественность встречи необходимо сразу оговориться, что генерал Духовской прибыл в Туркестанский край в довольно тяжелое для туркестанской администрации время, после Андижанского восстания 18 мая 1898 года. Как считал Н.П. Остроумов: *«Событие это чрезвычайно позорное в истории кратковременного русского военно-народного управления Ферганой. Доказывающее полную несостоятельность этого управления и зависевшее от неподготовленности русских администраторов (военных губернаторов и уездных начальников) к управлению (местными жителями), устраивавшими свою жизнь на принципах Корана и шариата, о которых русские генералы и полковники не имели правильного представления и продолжали считать [коренное население] Средней Азии вообще и Туркестана в частности «халатниками». Забывая при этом об основном общечеловеческом стремлении покоренных силой оружия [народов]. Надеясь на русские штыки, пушки и ружья, военные администраторы в Фергане были беспечны и самодовольны...»*⁵

Следует также отметить, что русское управление в Туркестане вообще имело существенный недостаток – незнание психологии местного населения и отличалось чрезмерною самоуверенностью и неразборчивостью при выборе административных лиц. С языком, верованием и бытом местного населения туркестанских администраторы не считали нужным знакомиться и по необходимости доверялись переводчикам и ближайшим подчиненным, которые уже непосредственно распоряжались на местах по своему усмотрению. При всем этом русские администраторы отрицательно относились к критике своих действий и редко бывали солидарны с представителями других ведомств; иногда личное самолюбие вело к бесполезной переписке, доходившей до высших канцелярских инстанций.⁷

Назначен на пост Туркестанского генерал-губернатора С.М. Духовской был значительно раньше (28 марта 1898 года), но прибыл в край после вышеупомянутого события.⁸ Это обстоятельство возлагало на генерала Духовского дополнительную ответственность: попытаться наладить критические взаимоотношения между местным населением и колониальной администрацией. Это была нелегкая задача. Надо было взять на себя миссию исправления чужих ошибок и выработать тактику дальнейшего поведения.

Ко времени назначения на пост Туркестанского генерал-губернатора С.М. Духовской отслужил пять лет в Приамурском крае и, дослужившись до законной пенсии, был готов уйти на покой. Но судьба распорядилась иначе, и его профессиональные заслуги понадобились вслед за Приамурьем и в Средней Азии.

Сергей Михайлович Духовской⁹ родился 7 октября 1838 г. в Санкт-Петербурге в аристократической семье. Получил прекрасное военное образование. Окончил Санкт-Петербургский кадетский корпус, где занимал первые места в списке лучших учеников. Затем Николаевскую инженерную академию, Академию Генерального штаба с малой серебряною медалью. После чего 17 лет прослужил на Кавказе, пройдя путь от порученца при Главном штабе Кавказской армии до начальника штаба Действующего корпуса на кавказско-турецкой границе. 30 августа 1859 г. произведен в поручики. С 1862 г. был назначен состоять при штабе Кавказской армии и принял участие в ряде дел с горцами; в 1864 г. произведен в капитаны (13 января) и награжден орденом св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом (2 апреля 1864 г.). 14 апреля 1865 г. за отличие при покорении Западного Кавказа произведен в подполковники.

На кавказской службе он приобрел большой опыт оперативной армейской службы. А на заключительном этапе Кавказской войны (1817–1864) за проявленную храбрость был награжден Георгиевским крестом.

В 1863 и 1864 годах состоял начальником штаба даховского отряда, завершившие-

⁵ В квадратных скобках приводятся примечания автора статьи – С.А.

⁶ ЦГА РУз ф. 1009, оп.1, ед. хр. 73, л. 1-1 об.

⁷ ЦГА РУз, ф. 1009, О. 1, Ед.хр. 73, Л. 24-24 об.

⁸ В настоящей статье мы не ставим перед собой цели вдаваться в подробности Андижанского восстания 1898 года, тем более что в современной узбекистанской историографии этому вопросу посвящено большое количество работ, рассматривающих все аспекты названного события.

⁹ Послужной список С.М. Духовского приводится по Интернет материалам. См.: http://ru.wikipedia.org/wiki/Духовский,_Сергей_Михайлович; http://www.kmslib.ru/kraeved_duhovsk.html; <http://dic.academic.ru/dic.nsf/biograf2/5106>; http://www.biografija.ru/show_bio.aspx?id=38807.

го покорение восточного побережья Черного моря. 16 апреля 1867 г. Духовской получил звание полковника и занял должность начальника штаба Кубанской области и принимал деятельное участие в колонизации края. 17 марта 1869 г. получил орден св. Анны 2-й степени. Со 2 ноября 1870 по 26 февраля 1872 г. состоял помощником начальника штаба Кавказского военного округа.

21 октября 1873 г. был произведен в генерал-майоры. С 1872 г. состоял в распоряжении главнокомандующего Кавказской армией, причем на него была возложена разработка плана войны с Турцией на Кавказском театре; за отличное выполнение этой работы 30 августа 1876 г. был удостоен ордена св. Станислава 1-й степени. 11 ноября 1876 г. Духовской был назначен начальником штаба действующего корпуса на кавказско-турецкой границе и 12 апреля 1877 г. с началом русско-турецкой войны 1877–1878 гг. перешёл границу. За опасную рекогносцировку укреплений Ардагана был 31 июля 1877 г. награжден орденом св. Георгия 4-й степени. Этот орден им был получен за выполненную, в большой опасности, операции. Под выстрелами ближайших неприятельских укреплений, он произвел рекогносцировку с определением наиболее выгодных позиций, благодаря которым войска смогли с меньшими потерями занять укрепления. Во время штурма крепости Ардагана он стоял во главе одной из штурмовых колонн. За войну 1877–1878 гг. Духовской был награжден орденом св. Анны 1-й степени с мечами (17 декабря 1878 г.) и св. Владимира 2-й степени с мечами (15 июля 1879 г.).

По заключении мира, Духовской назначен был начальником демаркационной линии и председателем соединенной русско-турецкой пограничной комиссии. Затем он состоял военным губернатором Эрзерумской области¹⁰. Как губернатор Эриванской губернии зарекомендовал себя разумным администратором, искусным политиком.

С 1881 года С.М. Духовской в течение 14 лет возглавлял штаб Московского военного округа, 30 августа 1886 г. произведен в генерал-лейтенанты. А в марте 1893 г. был назначен генерал-губернатором Приамурского края. И здесь, на новом месте, он про-

явил себя решительным, деятельным и бескомпромиссным администратором. С.М. Духовской покровительственно относился к местным народам Амура, старался не нарушать их самобытность, поощрял национальные праздники. Он считал, что «аборигены по своим природным качествам не заслуживают быть обреченными на вымирание... Наша задача — охранить население, — в особенности инородческое, от эксплуатации со стороны торговцев». Говоря это, он имел в виду защиту их от спаивания водкой. Положительное влияние на общество оказывало нравственный облик генерал-губернатора: он был воздержан в личной жизни, не терпел грубой лести, решительно пресекал попытки даже замаскированных под «подарок» взятки, был честен и неподкупен.

Среди прочих наград С.М. Духовской имел ордена св. Владимира 3-й степени (28 марта 1871 г.), Белого Орла (30 августа 1889 г.), св. Александра Невского (30 августа 1894 г., алмазные знаки к этому ордену пожалованы 14 мая 1896 г.). Также у Духовского был ряд иностранных наград.

Выбор петербургского руководства, скорее всего, был не случаен. С. М. Духовской имел блестящий послужной список и опыт управления покоренным населением Российской империи, а этот его опыт, по мнению петербургского руководства, мог быть полезен в Туркестане. Но всех нюансов туркестанской жизни в Петербурге не могли просчитать. А Духовскому кроме напряженной политической обстановки в Туркестане пришлось столкнуться и с расколом в административных кругах: часть колониальной администрации благожелательно отнеслась к назначению его на пост генерал-губернатора, другая же часть хотела поскорее увидеть на его месте генерала Н.А. Иванова, его заместителя.

Николай Александрович Иванов¹¹ родился 26 января 1842 года. Окончил курс Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса и Михайловского артиллерийского училища, из которого 12 июня 1863 г. был произведен в хорунжие конной артиллерии Оренбургского казачьего войска и сразу же принял участие в военных действиях в Средней Азии. Он попал в отряд генерала

¹⁰ См. записки его супруги: «Из дневника русской женщины в Эрзеруме, во время военного его занятия в 1878 г.».

¹¹ Послужной список Н.А. Иванова приводится на основе статьи Г.П. Федорова (бывшего управляющим генерал-губернаторскою канцелярией при генерале Иванове). См.: Федоров Г.П. Моя служба в Туркестанском крае / Исторический Вестник. 1913. Гл. XX. С. 867–871 // ЦГА Руз ф. 1009, оп. 1, ед. хр. 103, л. 1–5. Так же, см.: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/32856>

Черняева, с которым проделал всю экспедицию, закончившуюся взятием Ташкента. В этом деле Иванов выказал такие подвиги личного мужества и храбрости, что по приговору Кавалерской Думы награжден был орденом св. Георгия четвертой степени. Во время походной жизни он близко сошелся с Абрамовым, составившим себе блестящую военную карьеру в Средней Азии, и когда, после занятия в 1868 году Самарканда, Абрамов был назначен начальником Зарафшанского округа, то он, прежде всего, пригласил к себе правителем канцелярии Н.А. Иванова. С 1868 по 1873 г. Иванов служил по военно-народному управлению в Зарафшане и Кызылкумах. В 1872 г. произведен в полковники.

Первые шаги Н.А. Иванова на гражданской службе были замечены фон-Кауфманом. И когда был решен вопрос о Хивинской экспедиции, и фон-Кауфман начал формировать свой штаб, то, прежде всего, он зачислил в него Н.А. Иванова. А когда на правом берегу Амударьи образовалась новая область – Амударьинский отдел, К.П. фон-Кауфман вверил его Н.А. Иванову. Новая область была совершенно изолирована: не было не только телеграфа, но даже почтового сообщения. Все сношения производились через конных джигитов, которые раз в месяц перевозили с большим риском казенные и частные пакеты.

Генералу Иванову предстояло организовать Амударьинский отдел в гражданском отношении, устраивать войска, поддерживать порядок и спокойствие в населении.

Н.А. Иванов был человек осторожный при выполнении каких-либо реформ, но смелый и решительный, когда в интересах дела нужно было проявить эти качества. 4 апреля 1876 г. Н.А. Иванов произведен в генерал-майоры. А в 1877 г. Иванов был назначен начальником Зарафшанского округа и управлял им шесть лет.

Когда бывший военный губернатор Ферганской области М.Д. Скобелев уехал в действующую армию, на его место был назначен из Самарканда ген. Абрамов, а на место последнего фон-Кауфман назначил Зарафшанского начальника Н.А. Иванова. После кончины К.П. фон-Кауфмана, когда управляющий канцелярией генерал-губернатора камергер Каблуков уехал надолго из Ташкента, то управляющий краем генерал

Колпаковский пригласил генерала Иванова временно управлять канцелярией.

Появление в крае в должности генерал-губернатора М.Г. Черняева, начавшего громить все kaufманское и разрушать все, что было создано первым генерал-губернатором, отшатнуло от него, прежде всего генерала Абрамова, глубоко уважавшего покойного Константина Петровича, и он вскоре уехал из края, приняв в Европейской России дивизию. На освободившуюся вакансию Ферганского губернатора Черняев, хорошо знавший Н.А. Иванова, назначил его.

Черняева сменил Розенбах, с которым у Н.А. Иванова образовались натянутые отношения. Н.А. Иванов недолго размышляя, в 1889 году ушел в отставку, еще полный сил и энергии. Ровно десять лет прожил он в отставке в Киеве.

Но вот настал 1898-й год, когда край увеличился двумя огромными областями.¹² Барон Вревский должен был уйти на покой. И генерал-губернатором Туркестанского края был назначен С.М. Духовской. Военный министр А.Н. Куропаткин, помимо которого состоялось, по слухам, это назначение, решил привлечь на свою сторону находившегося в отставке генерала Н.А. Иванова. Вслед за назначением Духовского, он вызвал Иванова из Киева и предложил ему должность помощника генерал-губернатора с тем, что, несомненно, после Духовского он займет его место. Н.А. Иванов согласился. Вскоре он был вновь определен на службу и прибыл в Ташкент в качестве помощника генерал-губернатора.

Если же говорить в целом о статье Г.П. Федорова, на которую мы сослались при составлении послужного списка генерала Н.А. Иванова, то она представляет собой восторженную характеристику генерала. Он обличал своего «кумира» эпитетами в превосходной степени, подчеркивая его заслуги перед Туркестанским краем. Тем не менее, многие считали его характеристику явным преувеличением. В частности Н.П. Остроумов писал, что Федоров слишком перестарался, идеализируя генерала Н.А. Иванова. А тем самым умолил заслуги тех, кто способствовал Н.А. Иванову продвигаться по служебной лестнице и чье место он «невзначай» занимал.¹³

Несомненно, Н.А. Иванов имел заслуги перед Туркестанским краем и русским уп-

¹² Была возвращена Семиреченская область и была введена Закаспийская область. В Туркестанском генерал-губернаторстве было только три «коренные» области: Сырдарьинская, Самаркандская и Ферганская. Остальные области в разное время то вводились в его состав, то выводились из него.

¹³ См.: ЦГА РУз ф.1009, оп. 1, ед. хр. 103, л. 5-7.

равлением, но он был «боевым офицером», а, по мнению Петербурга, краю в тот момент в большей степени нужен был военный стратег. И Сергей Михайлович Духовской подходил под эту характеристику больше. А как говорят факты, Николай Александрович Иванов в большей степени был стратегом в продвижении по служебной лестнице. И поэтому пока оказался не к месту.

Буквально на следующий день после прибытия в Ташкент (7 июня 1898 г.) генерал Духовской заказал за обедней в Соборе заупокойную панихиду об успокоении первого Туркестанского генерал-губернатора К.П. фон-Кауфмана.¹⁴

Этот символический поклон первому Туркестанскому генерал-губернатору был не случаен, так как все сравнения военных и административных заслуг туркестанских администраторов рано или поздно были с ним.

А между тем все время управления генерала С.М. Духовского Туркестанским генерал-губернаторством проходило в постоянной оппозиции к своему заместителю генералу Н.А. Иванову и его сторонникам. Сторонниками генерала Н.А. Иванова были в числе прочих Ф.М. Керенский и В.П. Наливкин. А директор мужской гимназии Н.П. Остроумов при С.М. Духовском был его «советником» по мусульманскому вопросу. А так

как у него задолго до приезда в край нового генерал-губернатора у самого не сложились отношения с начальником учебного ведомства Керенским, то и он постепенно оказался в оппозиции к генерал-губернаторскому заместителю.

На страницах своего дневника Н.П. Остроумов неоднократно писал о том, в каких личных вопросах и в вопросах государственного управления «не складывались» отношения между начальником края и его заместителем. Также он дает свои характеристики им и их окружению.

Разумеется, все эти записи не могут претендовать на полную объективность, а зачастую являются субъективными, но для нас, тем не менее, они представляют огромный интерес, так как погружают нас в мир закулисной игры, происходившей в конце XIX века в Туркестанском крае. Кроме того, его записи позволяют нам услышать версию происходившего в те далекие для нас годы с еще одной стороны.

Далее мы приводим некоторые записи дневника Н.П. Остроумова (1898 – 1900) о шестом генерал-губернаторе Туркестанского края С.М. Духовском, в которых шла речь именно о взаимоотношениях между С.М. Духовским и Н.А. Ивановым, а также о нравах туркестанского общества в эти годы.

Николай Петрович Остроумов Из «Дневника»

18 июня, четверг. 1898 год.

Новый начальник края отличался терпеливостью и строптивостью и хотел *разом* показать [местному населению], что желает непосредственно видеть и знать особенности их быта, но проявлял при этом излишнюю самоуверенность и несдержанность, а русские чиновники пытались использовать эти слабости генерала не столько в интересах служебного долга, сколько в видах угождения новому начальнику, отличавшемуся от его предшественников... Генерал Духовской был старик с причудами, а ташкентские служаки – имели привычку высмеивать слабости своих начальников.¹⁵ Так и Духовскому не повеселилось в Ташкенте с самых первых его распоряжений.

Первой причудой его было вызывать к

себе военных подчиненных рано утром (в шесть часов), а гражданских после полудня (в пять часов) и вечером в восемь часов. Сам он вставал в пять часов утра, в три часа дремал в кабинете, а в 9 часов вечера отправлялся спать. Старик у не спалось...

23 июня, вторник.

Генерал... вдруг спросил меня, в каких я отношениях с главным инспектором училищ Керенским. Я с заметным смущением ответил, что отношения наши (Керенского ко мне) *холодные*. Генерал спросил – почему? Я ответил: потому что ко мне внимательны генерал-губернаторы и другие административные лица и особенно потому, что генерал-губернатор Розенбах рекомендовал меня нашему министерству на должность

¹⁴ См.: ЦГА РУз ф.1009, оп. 1, ед. хр. 73, л. 8 об.

¹⁵ Существует много рассказов на эту тему, не рекомендуемых русских чиновников в Ташкенте.

главного инспектора в Туркестанском крае. Вероятно, прибавил я, есть и другие (не служебные) причины *холодных* отношений ко мне со стороны Керенского...

27 июня

Проходя приемную, я встретил полковника Белова, назначенного на должность дежурного адъютанта при генерале Духовском. Белов сказал мне с сочувствием: «Очень рад, очень рад за вас, Николай Петрович: вот, ведь, теперь все пошло по нашему»... Белов, очевидно, хотел сказать, что он рад за внимание ко мне нового генерал-губернатора. На основании своих личных впечатлений от генерала Духовского, я могу сказать, что он серьезно относится к возложенным на него обязанностям по генерал-губернаторской должности и пустых разговоров не допускает. Не знаю, насколько справедливы отзывы о нем других лиц, которых он тормозит. Старики обыкновенно бывают своеобразны и капризны, а ташкентские офицеры и чиновники не любят беспокойных начальников и потому неблагосклонно отзываются о генерале Духовском. Не сравнить же его с Бароном Вревским и некоторыми другими генералами, которых я много видел за время своей службы в Ташкенте. Кроме того, он придает особое значение *русскому* делу в Туркестане, и мне понятно, почему он волновался, когда увидел на товарной станции колокол, привезенный из Ярославля для Сергиевской церкви и наговорил много колкостей полковнику Бурмейстеру, считая его немцем и лютеранином. Но генерал смягчился, когда Бурмейстер заявил, что он коренной русский подданный и православный, построивший много православных церквей, в том числе и Сергиевскую в Ташкенте...

28 июня.

При выдаче наград [представителям коренного населения], увидел меня Керенский и бесцеремонно спросил: «А вы зачем тут?». Я ответил: «По распоряжению генерал-губернатора». Керенский ничего больше не сказал. Но он выдал себя своим вопросом. После Керенского подошел ко мне генерал-

губернатор и поздоровался со мной. Обравившись потом к стоявшему рядом со мной генералу Белявскому (начальнику штаба), он спросил его: «Николай Николаевич! Вы познакомились с Николаем Петровичем?» Генерал Белявский отвечал: «Мы поклонались». А генерал-губернатор снова сказал ему: «Вы познакомьтесь с Николаем Петровичем: он нам нужен и полезен». Генерал Белявский сказал: «Постараюсь».

Когда генерал Духовской отошел от нас, генерал Белявский обратился ко мне и сказал: «Я уже не раз собирался зайти к вам, да все не удавалось...» Я сказал: «Не беспокойтесь, ваше превосходительство, когда будет дело, я сам зайду к вам в штаб. Ведь мы живем почти рядом». Но генерал Белявский сказал: «Нет, я должен точно исполнить приказание командующего войсками. Того требует военная дисциплина».

После выдачи наград экспонатам выставки, генералу был представлен старик [узбек], о котором доложили, что ему сто лет. Генерал приказал выдать старику толковый халат. На мой взгляд, этому старику было едва ли более 80 лет. Значит, вниманием генерала к старцам уже *злоупотребляли*. Спрашивается, кто придумал этот обман? Ясно, что старика *научили* говорить, что ему сто лет... А кто-то из присутствовавших [представителей местного населения] заявил, что этот старик даже и не помнит сколько ему лет... Хитрецы. На местах уже начинают подшучивать над генералом Духовским, считая его тоже *стариком*, да еще капризным. Нужно по этому поводу сказать, что ташкентские чиновники (гражданские и военные) любят болтать,¹⁶ а на дело смотрят, как на казенную канцелярскую работу. Сошли бумаги с рук — и дело кончено. А что выйдет из переписки — это их не заботит. Лишь бы начальство было довольным. А если начальство тревожит покой, то уже не угодит подчиненным. Так и генерал Духовской не нравится ташкентской чиновной публике, потому что очень суетлив, встает рано, вызывает к себе подчиненных генералов, задает им работу и требует скорого исполнения. К такой суетливости ташкентцы не привыкли, особенно при бароне Вревском. Еще более странно,

¹⁶ Болтуны не переводились в Ташкенте еще со времен Кауфмана и всегда их было немало. При Духовском, на самых первых порах таким болтуном был чиновник министерства финансов Апрельев. При мне во время завтрака он так разошелся на тему об исламе, что наскучил генералу, который спросил Апрельева: «Вы где же изучали ислам? Вы ориенталист?» Апрельев сказал, что он не ориенталист. Тогда генерал сказал ему: «Вон Николай Петрович (указывая на меня) изучал это дело и знает его, но он молчит»... Тогда замолчал и Апрельев. Вообще пригласяемые на завтрак чиновники званы были поговорить, чтобы занять хозяина и показать себя, а Духовской не любил этого.

Полковник Фок имел также склонность говорить и острить, хотя остроты его бывали плоские. Другая слабость у русских чиновников и офицеров состояла в лести и поддакивании начальству. Этою слабостью наносился вред русскому управлению.

что и дамы ташкентские недовольны новым генерал-губернатором, потому что он не аристократичен... А что мы, русские завоеватели Туркестана, обязаны делать как культуртрегеры — об этом редко кто думает.

4 августа, четверг.

О генерале Духовском в Ташкенте слышатся не выгодные для него отзывы. Рассказывают, что он торопится и горячится, не разобравши дела, что забывчив и не последователен в своих распоряжениях. В тоже время ташкентцы упрекают его за видимое стремление к популярности среди [местного населения], представителям которых (казиям) выдал свои фотографии. Но более всего его вышучивают за его ранние прогулки по Воскресенскому базару, во время которых он обращает внимание на мелкие внешние неполадки, например, на поломанные мостики на переходах через арыки, текущие вдоль тротуаров, на недостаточно чистое содержание торговых мясных лавок и т.п. При этом злочные критики острили, что при посещении городской тюрьмы, генерал не пропустил без внимания выгребной ямы и прибавляли, что он вообще внимателен к помойным ямам. Известная в городе своею суетливостью жена вице-губернатора вышучивала Духовского за его утренние прогулки по базару и говорила, что это он делает по подражанию историческому Гаруну-аррашиду. Но были и серьезные возражения генералу Духовскому против его нововведений, или по поводу его разных замечаний. Так управляющему генерал-губернаторскую канцелярией Несторовскому, чиновнику серьезному и трудолюбивому генерал предлагал являться докладами в восемь часов утра, находя утренние часы более располагающими к энергичной работе и ссылаясь на личный образ жизни, начинавшийся с пяти часов утра. Несторовский резонно возражал, говоря: положение генерал-губернатора, принимающего готовые доклады не одинаково с положением управляющего его канцелярией, так как управляющий канцелярией только вечером до поздней ночи занимается приготовлением очередных докладов и потому поздно ложиться спать и не может быть готов к докладу в восемь часов утра. Помощник управляющего канцелярией не может спокойно вспоминать о резком обращении с ним генерала Духовского при первой встрече в Петербурге, также как и архитектор, строивший Сергиевскую церковь в Ташкенте и выслушавший от генерала не-

заслуженное обвинение в несвоевременном доставлении колокола с товарной станции на колокольню Сергиевской церкви.

Но в некоторых случаях и генерал Духовской был прав в своих резких замечаниях.

Так, на дворе крепости он увидел валявшиеся без лафетов пушки и приказал немедленно исправить этот преступный недостаток и поставить на крепостном валу две пушки с обращенными в сторону старого города дулами. Единственная пушка, из которой ежедневно, в полдень, стреляли холостыми зарядами в сторону русского города, была оставлена на своем месте с прежним назначением — возвещать полдень русским обывателям Ташкента; но рядом с этой пушкой был поставлен высокий шест, на котором постоянно развевался воинский флаг. Нужно заметить, что ташкентские гражданские чиновники были набалованы при предшественниках Духовского, и потому он казался им немилым, а неприятно требовательным. Из опасения подвергнуться гневу вспыльчивого генерала, чиновник канцелярии Баугардин взял под благовидным предлогом отпуск и уехал из Ташкента, чтобы не подвергнуться гневу генерала. Горный инженер Михайлов также ворчал про себя после доклада генералу о своей деятельности.

12 сентября.

Вышла большая путаница со встречей хивинского гостя из-за слова «желанущие». Желания у всех начальников не было, а в тоже время было неудобно не поехать на вокзал. Директора учебных заведений поехали, но не стали ждать прибытия опаздывавшего поезда.¹⁷ В городе вывешены флаги на домах и долго не снимались. Прием наследника хивинского хана в доме генерал-губернатора тоже вызвал путаницу из-за лент при орденах: одни говорили, что ленты не обязательны, другие же находили это нужным, а затем опять было решено встречать гостя без лент. О самом приеме говорили, что при генерале Кауфмане прием был величественнее, когда приезжал сын кокандского хана. Очевидец, чиновник Брадавский, рассказывал, что генерал Кауфман во время приема кокандского принца стоял на своем месте, а сын хана подходил к нему и кланялся. Подошедши к генералу Кауфману, представляющийся сказал, что его прислал отец (Ферганский хан) друг генерал-губернатора. Тогда только Кауфман сказал: «Подая руку сыну моего друга». Старые туркестанцы вообще любят сравнивать с Кауфманом позд-

¹⁷ Главный инспектор Керенский и на этот раз уехал ревизовать учебные заведения.

нейших генерал-губернаторов, у которых не было и не могло быть того престижа, каким располагал Кауфман, имевший право объявлять войну соседним ханам и заключать с ними мир. О Духовском же рассказывали, что один проситель – сарт на приеме у генерала так расчувствовался, что похлопал генерала по плечу... Прием хивинского принца генералом Духовским не был похож на Кауфманский...

19 сентября, суббота.

В Ташкентской мужской (классической) гимназии годичный акт был назначен на 20 сентября. Я приходил к помощнику генерала Духовскому, генералу Н.А. Иванову для приглашения его на гимназический акт. Когда мы разговаривали, в комнату генерала Иванова (в генерал-губернаторском доме) вошли генерал Духовской и семиреченский губернатор генерал Гр.Ив. Иванов. Было около 12 часов дня. Генерал-губернатор познакомил меня со своим гостем, которого я тоже пригласил на гимназический акт. Генерал Духовской пригласил гостя, своего помощника и меня к завтраку. Во время завтрака семиреченский губернатор говорил много пустяков. Генерал-Хозяин молчал, слушая болтовню своего гостя, который, между прочим, жаловался на то, что ему, как человеку без протекции, трудно было продираться к верхам и что его обошли наградой (Владимира 2-ой степени) за участие в Хивинском походе. По этому поводу он упомянул о генерале Черняеве, что его также *обходили* и поэтому Черняев *пил*. Сам рассказчик тоже выпивал во время завтрака и сам был, что называется в ударе. Выдержанный вообще помощник Духовского, генерал Н.А. Иванов сдерживал своего однофамильца, говоря, что Черняев *пил* немного, а разгулявшийся гость, как бы возражая своему сослуживцу сказал, что однажды Черняев с большого похмелья даже во дворец приходил... После этого он упомянул о генерале Дандевиле¹⁸ (служившем при Кауфмане), что он также *пил*, но живет молодым. /Я догадывался, что в этом заключается противоположение в судьбе двух генералов – Черняева и Дандевилы/. Н.А. Иванов заметил гостю: «Григорий Иванович! Вы затрагиваете интимные стороны

жизни туркестанских генералов». А Григорий Иванович продолжал, что однажды он зашел во дворец Великого князя (Николая Константиновича) тоже с похмелья. Великий князь заметил это, пригласил гостя к закуске и прямо предложил выпить коньяку и сам выпил, а потом повторили...

Словом: я не слышал ни одного путного слова от приезжего семиреченского губернатора и подивился его развязности под хмельком. Что подумал о нем генерал Духовской? Как мог губернаторствовать такой генерал?..

От генерала Духовского я зашел к его помощнику генералу Н.А. Иванову, который дал мне прочитать составленную им записку о мусульманском муфтии, в которой он отрицательно отнесся к этому важному вопросу, а мусульманские школы приравнял к еврейским хедерам, на основании существующих русских узаконений. То есть: школьный инородческий вопрос был разрешен генералом Ивановым не по существу, а по канцелярски.

При прощании генерал Иванов сказал мне, что желательно устроить при учительской семинарии учителя Воскресенского, *в качестве души семинарии*. Я не знал, что ответить на такие неожиданные предложения и нерешительно ответил, что это затруднительно... Мне было очевидно, что кто-то просил генерала Иванова за ослепшего учителя, который в начале своей учительской службы отличился сердечным отношением к воспитанникам, но имел и крупный недостаток – излишнюю горячность и недостаточную культурность. Он был из Чувашии, воспитанники злоупотребляли его простодушием, а он (с самолюбием чуваша) кичился симпатиями к нему со стороны воспитанников. Дослужившись до чина коллежского советника, он и в самом деле воображал себя советником педагогической коллегии, равнявшимся в чине с полковником и бывал нередко вздорным педагогом, не закончившим курса духовной академии. Он был моим слушателем в Казанской академии, а затем сослуживцем в Ташкентской учительской семинарии, но потом забыл мои о нем заботы¹⁹ еще и стал моим другом. Нередки бывают в жизни казусы. Чтобы много не говорить о Воскресенском,

¹⁸ Об этом генерале мне рассказывали, что на торжестве открытия ярмарки при Кауфмане, он сострил над генералом Мозелем сказавши: «Переход через Мозель» – был за это подвергнут Кауфманом дисциплинарному взысканию. Значит, было выпито изрядно на этом неудавшемся торжестве. Торговля... поражает в (старом) городе, а о предполагаемой ярмарке сохранились одни забавные воспоминания. Генерал Дандевиль был тогда начальником штаба (1867 – 1871).

¹⁹ Я рекомендовал его генералу Кауфману для занятий с ферганским (жителем) Махмуд-беком, как напечатано об этом в моих воспоминаниях о покойном генерал-губернаторе.

я упомянул об этом случае после открытого выступления его против меня, он, получивши чин статского советника явился ко мне с невыгодным визитом и оставил визитную карточку с надписью «статский советник». Так сказавшись в этом случае недалекий по уму и образованию инородец, не окончивший курс высшей духовной школы. Да и как слепец мог быть душой учительской семинарии?

21 сентября, пятница.

Не важное у меня настроение. Генерал-губернатор отменялся от учебного ведомства, поручив своему помощнику генералу Иванову принимать доклады от главного инспектора Керенского. А так как генерал Иванов явно не симпатизирует генералу Духовскому, а Керенский — мне, то мое служебное положение становится затруднительным. Я угодить нашим и вашим не умею, а Керенский вошел в расположение генерала Иванова, несмотря на его столкновения с Наливкиным, которому генерал Иванов сродни по оружию (оба они вышли из Оренбургского казачьего войска). Для меня особо тяжело сопоставлять теперешние отношения генерала Иванова ко мне с прежним. Прежде он всегда был внимателен ко мне и расположен. По приезду в Ташкент, он даже расцеловался со мной и сочувственно сказал, что, живя в Киеве, он не забывал Ташкента и знает из писем своих старых сослуживцев, что меня притесняли... Когда же теперь он увидел внимание ко мне генерала Духовского, то стал относиться ко мне недоверчиво и смотрел на меня глазами Керенского...

11 октября, воскресенье.

Вышедши из пансиона, генерал пожелал зайти ко мне в квартиру, и, следуя за мной, вошел прямо в столовую, так как моя жена сидела за самоваром, поздоровался с ней и сел за стол. Увидев приготовленные к кофе ватрушки, генерал взял одну и похвалил ее вкус, а другую предложил своему адъютанту. Выпив чашку кофе, предложенную ему, генерал с полчасца непринужденно разговаривал с хозяйкой и тремя учителями (Кувемский, Дьячков и Якончив), зашедшими ко мне из церкви. Преподавателей он спросил, часто ли они заходят ко мне на чай, и когда услышал, что заходят, когда бывают в церкви, одобрил такой обычай. Затем он спро-

сил у преподавателя Якончива, заведующим физическим кабинетом, откуда можно выписать хороший микроскоп, а у преподавателя географии Дьячкова где лучше приобрести глобус для сына Хивинского хана, заинтересовавшимися глобусом и микроскопом. Преподаватели сказали ему адреса оптического и картографического магазинов.

Мою квартиру генерал признал недостаточно поместительною для моей семьи (у меня пять человек детей). Он думал, что я занимаю весь первый этаж того корпуса, где находится директор-квартиры. Прощаясь со мной и моей женой, генерал был в хорошем настроении.

Это посещение генерала Духовского послужило поводом к новым разговорам в городе о внимании ко мне генерала. В городе снова стали говорить, что Духовский советует со мной по делам управления вверенным ему Туркестанским краем. Такие разговоры обличают малодушие и безделье говорящих. Генерал-губернатор спрашивает меня о разных пунктах мусульманского вероучения и о бытовых особенностях жизни [местного населения], спрашивает именно меня, потому что некого спросить. А ташкентцы выводят из этого естественного положения совсем не естественные заключения. Особенно удивляет меня генерал Иванов, помощник Духовского: он обещал быть у меня, как прежнего своего знакомого, и не только не был, но видимо сторонится от меня. Губернатор Корольков также имеет надутый вид при встрече со мной; помощник управляющего генерал-губернаторской канцелярии Федоров ходит нахолодным. Керенский молчит, как бы ничего не замечает, а некоторые педагоги шушукуются на мой счет. Военные — штабные и судейские — острят по поводу моего образования, говоря обо мне как о теологе, получившем экзегетическое (!) образование... были такие ташкентцы.

12 октября, понедельник.

...Если бы не произошло нападения мингтюбинского ишана на Андижанский лагерь, и если бы генерал Духовский не обратил внимание на это упущение своих предшественников, то и программа, выработанная комиссией Хомутова²⁰ не появилась бы. И при всем этом ташкентские болтуны продолжают вышучивать старика, что особенно не простительно его помощнику генералу Иванову, только и думавшему о том, как бы по-

²⁰ Речь идет о программе «Для собирания сведений о современном положении мусульманского населения Туркестанского края в духовном отношении», которая была поручена С.М. Духовским Сырдарьинскому губернатору Королькову, а тот в свою очередь переложил ее исполнение на своего заместителя П.И. Хомутова.

скорее занять высокий пост Туркестанского генерал-губернатора. Генерал Иванов прошел все административные ступени в Туркестане и остался узким канцеляристом, но не администратором в широком понимании этого термина. И лично генерал Иванов был последователен: он знал и понимал настроения высших (петербургских) сфер, что управлять Туркестаном должно в строгом согласовании с распоряжениями военного министерства, не заботившегося о духовном завоевании обширного и разноплеменного (притом иноверного) края, население которого продолжало жить по шариату и было не склонно поступаться своими вековыми верованиями и навыками. Русское правительство в этом крае, как и в коренной России, получало назначения по протекциям и продолжали спокойную жизнь в уверенности, что [местные жители] не осмелятся поднимать свою руку на русского солдата,²¹ как об этом заявляли и ташкентские [местные жители] в своем фальшивом адресе, при встрече генерала Духовского, который нашел возможным совершенно поверить искренности такого заявления, не будучи осведомлен о холерном бунте в Ташкенте в 1892 году, когда был избит не простой солдат, а полковник Путинцев, начальник города. Грустно все это!

25 октября, воскресенье.

Вчера генерал-губернатор выехал в Самарканд, и ташкентские правители вздохнули свободнее: одни — потому что теперь никто не будет нарушать привычный (покойный) порядок личной их жизни, а многие — по явному нерасположению к Духовскому. Лично я отношусь генералу Духовскому беспристрастно, но и я соглашаюсь, что он беспокойный старик и, как славный начальник, нелегко переносится подчиненными. Однако справедливость обязывает меня сказать, что ташкентские чиновники относятся к новому начальнику пристрастно, потому что они при Бароне Вревском обленелись и распустились, а Духовской постоянно суетится, волнуется и медлителям спуску не дает. С чиновником Багригартом²² он поступил не вполне корректно, так как на его место имел в виду назначить Шенявского, способного, знающего иностранные языки полячка;²³ но в отношении полковника Девеля и Амударьинской флотилии он был прав, а в отношении неурядиц в областном правлении

даже снисходителен. Публичная библиотека и музей в Ташкенте находятся в запущении, но генерал все-таки терпит заведующие этими учреждениями. После осмотра ташкентского музея, он сказал мне, что видел там кучи хлама. Конечно, неисправным служакам не мог нравиться такой беспокойный начальник, но ведь на ташкентских чиновников, вроде Федорова, трудно угодить. Более всех других, меня удивляет умный и выдержанный помощник генерала Духовского, генерал Иванов. Он подлаживается под настроение ташкентцев-сторожил и жаждет генерал-губернаторской власти и чести. Со мной он более чем холоден, как и Керенский. Им обоим не нравится, что генерал Духовской вызывает меня к себе для переговоров по мусульманским делам... А генерал Иванов сближался с Керенским, с женой его даже покумился, и такая дружба поддерживается после отъездов Наливкина, Воскресенского и отчасти моих о самом Керенском. Все уверены, что генерал Иванов будет назначен на должность Туркестанского генерал-губернатора, как только Духовской уйдет со сцены. Но у Иванова нет высшего образования и широкого взгляда на управление такой своеобразной колонией, каков Туркестан. Он знает Туркестан, потому что служит в нем с самого завоевания Ташкента, но знает по канцелярски и думает, что следует сообразоваться с существующими законоположениями, а не выдумывать что-либо новое, как будто в продолжение 33 лет (с 1865 года) в жизни Туркестана не произошло никакой перемены несмотря на то, что [местные жители] доказали теперь нашей администрации, что они уже не те, какими были при Кауфмане. С исламом Иванов не считается и на мусульманские школы смотрит поверхностно и неверно, а Керенский не может познакомить его с этими школами, хотя и напечатал статью о мадрасах в Туркестане, из-за которой у Наливкина вышло резкое объяснение с Керенским.

11 ноября 1898 года.

Ташкентские дамы высшего круга и старшие военные и гражданские чины провожали на ташкентском вокзале отъезжавшую в Петербург супругу генерала Духовского Варвару Федоровну, урожденную княжну Голицыну. Был и я на этих проводах. Генерал, когда увидел меня в числе провожавших его супругу, подал мне руку и спросил: «Полу-

²¹ Так спокойно продолжал жить и управлять Ферганой губернатор Повало-Швейковский, когда готовилось нападение на русский гарнизон во вверенной ему беспокойной области.

²² Это был сибарит вроде Барона Вревского.

²³ О Шенявском в Ташкенте много разговоров.

чили?». Он подразумевал корректурный лист Туземной газеты, в котором генерал сделал две поправки карандашом в русском тексте и приказал напечатать, как было то исправлено. Я ответил, что № корректуры получил и что этот № будет отпечатан с его поправками.

15 ноября.

Происходили похороны старейшего туркестанца Ю. Дм. Южакова, современника генерала Черняева, а при Кауфмане занимавшего должность начальника Судного отдела генерал-губернаторской канцелярии, в начале ее существования.²⁴ Генерал Духовской считал своим русским долгом чтить память покойного своим вниманием к его службе на Среднеазиатской окраине и был накануне его похорон на панихиде в его доме, а в день похорон приезжал в Сергиевскую церковь к заупокойной обедне и отпеванию. На гроб покойного, пред отпеванием, был возложен венок с надписью: «От Туркестанского генерал-губернатора». После выноса гроба покойного из церкви, генерал прошел за катафалком несколько кварталов, до поворота на кладбище. Примеру Духовского последовали: помощник его генерал Иванов и областной губернатор генерал Корольков.

Так смотрел на свой русский долг генерал Духовской, не оставивший без начальнических замечаний невнимательности современных ему учреждений и лиц к памяти старых туркестанцев и особенно к памяти генерала Черняева, первый домик которого около крепости находился в полном запущении. Духовской сделал строгое внушение городской управе и приказал привести в должный порядок жалкий домик завоевания Ташкента. Мне кажется, что генерал Духовской был прав в этом и подобных случаях, доказывающих, что русские администраторы в Туркестане своего патриотического долга по отношению к заслугам своих соотечественников, уподоблялись в этом случае некультурным горожанам, пресмыкающимся пред современными начальниками и скоро забывающими об их заслугах, когда появлялись

новые начальники. Мне приходилось читать в газетах достойные сожаления и порицания известия о том, как в некоторых городских думах гласные обсуждали вопросы об увековечении памяти русских писателей. В одном городе рассуждали: в честь такого-то писателя была названа одна городская улица. Прошло несколько лет — и довольно с нею. Теперь эту улицу можно переименовать в честь другого писателя, юбилей которого празднуется... Татары поступают — иначе: они не забывают имен своих знаменитостей, а где представится возможность там покупают русские дома с историческими воспоминаниями, чтобы изгладить память у русского населения об этих именах... Мы, при жизни своих знаменитостей, бываем щепетильны до мелочей, а после их смерти скоро о них забываем. Бахчисарайский фонтан в Крыму, Сунюбекина башня в Казанском кремле и многочисленные мазары в Средней Азии служат подтвержденным высказанной мной мысли.

16 декабря.

В восемь часов вечера, генерал отбыл с ташкентского вокзала в Петербург. На проводах было немного «желающих провожать его высокопревосходительство» — начальники учреждений²⁵ и несколько дам благотворительного общества. Проводы вообще были *непарадные*, хотя форма одежды для провожающих была назначена парадная. На вокзале было недостаточно светло, не было видно и пышности. Генерал чувствовал это и был сосредоточен и молчалив. При прощании с присутствовавшими на проводах, он поцеловался с одним начальником штаба, генералом Белявским, а всем прочим молча подавал руки. Когда поезд тронулся, некоторые из провожавших тихо проговорили: «Ну, поехал». Это показывало, что генералу Духовскому ташкентцы не сочувствовали. Более других выражали это несочувствие чины судебного ведомства,²⁶ расположенные к генералу Иванову.

Из своей поездки в Петербург с докладом о положении Туркестанского края... генерал

²⁴ Личных заслуг этого туркестанца я не знаю, но слышал такой рассказ: получил Южаков орден Владимира 3-й степени, кажется, уже после оставления службы в канцелярии и, когда кто-то из бывших сослуживцев спросил его: «Вы получили какой-то орден?» Южаков ответил: «Не какой-то, а Владимирский крест 3-й степени». Во время управления генерала Кауфмана Южаков находился в дружбе с Бродовским и Куном, но никогда не высказывался о своих служебных делах. А между тем мне много было известно, что он помог аксакалу Иногаму-хадре присвоить много вакуфных земель по Пушкинской улице около Сергиевской церкви, где выстроил себе большой дом, в котором однажды имел пребывание Туркестанский епископ, приезжавший в Ташкент.

²⁵ Керенский был в отъезде.

²⁶ Председатель судебной палаты Спальский рассорился с Духовским и переехал в Киевскую палату.

Духовской 29 мая 1899 года возвратился в Ташкент бодрым и восторженным вместе со своей супругой Варварой Федоровной. Чуткие к настроению начальства ташкентцы придали своей встрече с Духовскими пышный характер, при сравнении этой встречи с проводами генерала.

Вероятно, генерал был хорошо принят в Петербурге и, видя пышную встречу на вокзале, обнаруживал восторженное настроение: здороваясь с прибывшими на вокзал ташкентскими дамами, целовал у них руки, а с начальниками учреждений целовался, как с дружественными сотрудниками, во главе которых находился ближайший сотрудник генерал Иванов. Кроме начальствующих военных и гражданских чинов, к вокзалу были вызваны пехотные части ташкентского гарнизона и казаки личного конвоя генерала.

Генерал Иванов старался оказать свое внимание супруге генерала Варваре Федоровне и предложил ей на вокзале свою руку, чтобы довести ее до генеральской коляски, прибывшей из генерал-губернаторского дома. Но генеральша отказалась от предложенной ей руки Иванова, сославшись на то, что обе руки ее были заняты поднесенными ей на вокзале букетами. В сопровождении конвоя, возвратившийся генерал торжественно проехал со своей супругой от вокзала до генерал-губернаторского дома, а встречавшие разъезжались по своим квартирам. На лицах у отъезжавших чиновников не было особенной восторженности, как и при проводах его в Петербург. Помощник Духовского генерал Иванов и его фаворит чиновник генерал-губернаторской канцелярии Федоров явно не сочувствовали возвратившемуся начальнику, как и либеральный Николаенко, начальник казенной палаты. Наш главный инспектор, по обыкновению, думал и чувствовал *про себя*, а один из директоров, желая поддаться под общий тон, сострил, глядя на развивавшиеся флаги, сказавши, что было бы кстати повязать на ливреи рукава встречавших траурные повязки. Можно было подумать, что в Ташкенте находились чиновники, кусавшие себе губы, когда узнали о возвращении Духовского и при том в повышенном настроении. В чиновничьих сердцах уживались одновременно нерасположение к начальству лестью в глазах, низкопоклонничество и лицемерные ответы: «Точно так, ваше высокопревосходительство»...

Некоторые имеющие служебный доступ

к генералу, играли на две стороны, в ожидании отставки Духовского и назначения Иванова на его место. Особенно высокомерно по отношению к Духовскому держали себя чины судебного ведомства. Председатель недавно открытой судебной палаты Сияльский не сделал визита Духовскому; Духовской сообщил об этом министру юстиции; последний принял сторону Духовского, и Сияльскому было предложено покориться служебной необходимости. Такое отношение к генерал-губернатору со стороны судебных чинов было замечено и при других генералах.²⁷

30 мая.

О вчерашней встрече генерала продолжают говорить в городе. Председатель судебной палаты Сияльский запретил было домохозяину вывешивать флаги на доме, занимаемом судебной палатой, но домохозяин умолял его бояться преследования со стороны полиции. А когда домохозяин приступил вечером к иллюминации дома, то Сияльский решительно воспротивился и сказал, что заплатит штраф, если полиция наложит на домохозяина. Так дом судебной палаты и теперь в темноте среди освещенных домов соседей. Полицмейстер азиатской части Ташкента (полковник Ладыженский) хвалился, что угодил старику Духовскому своим распоряжением иллюминировать [старый] город по случаю возвращения генерала и что теперь он, Ладыженский, не будет никого бояться. Кроме того, Ладыженский был доволен, что выгодно продал городской управе принадлежащее ему блюдо, приобретенное управой для поднесения генералу Духовскому хлеба-соли по русскому обычаю...

31 мая, понедельник.

...О генерале Духовском генерал Иванов (помощник Духовского) с насмешкой рассказывал, что Духовский утром, на другой день по приезде, ездил осматривать арку, устроенной городской думой для встречи его. Духовской — старик тщеславный, а Иванов — завзятый эгоист, с нетерпением ожидающий своего назначения на должность Туркестанского генерал-губернатора.

1 июня, вторник.

В этот день был последний экзамен в 8-м классе мужской гимназии по латинскому языку. На экзамен приезжал генерал Духовской и был благодушен...

²⁷ ЦГА РУз Ф. 1009, Оп. 1, Ед. хр. 73, Л. 50-51 об.

По окончании экзамена, я увидел у ученика Керенского фотографию учеников выпускного класса и сказал, чтобы одну карточку они приготовили для генерал-губернатора, но ученик Керенский с гримасой на лице спросил: «Зачем?»

Я серьезным тоном сказал: «На память о сегодняшнем посещении Духовским вашего экзамена и об особом внимании его к вам и вашим родителям». «Вы должны знать — прибавил я — что Туркестанский генерал-губернатор считается почитателем нашего учебного округа. Так поступили и ученицы женской гимназии, окончившие вместе с вами гимназический курс». Другую карточку я советовал приготовить для помощника генерал-губернатора генерала Иванова, а третью — для губернатора нашей области, генерала Королькова. Когда я отошел от окончивших курс, то ученик продолжал брызжать: «...генералу Иванову мы охотно дадим карточку, а Духовскому — зачем? Что он сделал для Туркестанского края? Генерал Иванов — другое дело: он — старый туркестанец...». Я подумал, что в брызжании ученика Керенского сказались отголоски его родителя, расположенного к генералу Иванову и нерасположенного к генералу Духовскому. Нужно при этом заметить, что кроме ученика Керенского никто из его товарищей не возражал против моего совета относительно карточек их. А ученик Караффи-Кабут посетовал на Керенского.

3 июня, четверг.

На гимназическом акте генерал Духовский выдавал аттестаты зрелости и поздравлял окончивших курс...

Генерал пригласил меня завтракать и по окончании завтрака благодарил меня за гимназический акт и за мою книгу о покойном генерале Кауфмане. Мне было заметно, что генерал Духовской, в присутствии других ташкентских персон, старался показать, что никаким особым вниманием не отмечает меня. Ясно, что до него дошли городские разговоры...

12 июня, суббота.

...Наливкин, нагоняемый генералом Ивановым, говорил мне, когда мы шли: «Не надо баловать старика! Генерал Иванов советует Наливкину отвечать на разные выдумки Духовского по военному: «Слушаю, ваше — ство! Но не исполнять его причуд. Относительно же учреждения в Туркестанском крае должности «*муфтия*», наподобие Оренбургского и Казанского, генерал Иванов прямо приказал Наливкину затяги-

вать этот вопрос до возвращения его (Иванова) из предположенной поездки в Петроград». Невольно приходится удивляться таким странным взаимоотношениям генерал-губернатора и его помощника. Оба они не знают мусульманские души, но один (Духовской) суетлив и торопится сделать и то и другое, а его помощник отмалчивается и действует со стороны — гроза Федорова, Керенского и Наливкина. Он же (генерал Иванов) влияет и на представителей других ведомств в Ташкенте. Не хорошо это и грустно за Россию в Туркестане.

20 июня, воскресенье.

Генерал был за обедней в Сергиевской церкви, к приходу которой предписаны многие православные чиновники, редко посещающие церковное богослужение. К стыду нашему приходится думать, что русские чиновники, чем выше по занимаемым ими должностям, тем дальше от церкви. А когда по особым личным побуждениям ходят в церковь не в праздничные дни, то стараются быть незамеченными, чтобы не уронить своего авторитета. Да. Как это ни странно, а я знаю такие факты. Может быть генерал Духовской имел в виду показать русским чиновникам пример для подражания, чтобы новая церковь оправдывала свое существование.

18 августа, вторник.

Вечером приезжал ко мне состоящий при штабе генерал Арк. Ал. фон Ремлинген проститься по случаю перевода его в другой округ. Он был знаком со мной более года, и это отличает его от многих русских ташкентских генералов. Некоторые русские генералы не считали нужным даже познакомиться со мной, несмотря на мое долговременное проживание в Ташкенте. А вот приехал в Ташкент генерал-немец, услышал, что я интересуюсь исламом и жизнью [местного населения], познакомился со мной, и я приятно проводил с ним время в непринужденной беседе о среднеазиатских делах. Несмотря на свое немецкое происхождение, генерал Ремлинген сочувственно относился к русским культурным задачам в Туркестане, знакомился с [местными] языками и высказывал в штабе здравые взгляды на русскую политику. Но его считали странным человеком и не слушали. Удивлялись его обособленной жизни и уклонения от местных развлечений. Он не карьерист, не говорит об усиленной пенсии и с презрением отзывался о взяточниках. По его словам, на польской границе, где он служил прежде,

русское имя было не авторитетно, потому что русские служаки запятнали себя продажностью. Не понимаю, почему генерал-губернатор генерал Духовской считал Ремплингена человеком ограниченным, ниже Барона Вревского. Я думаю, что генерал Ремплинген выше такой оценки. Он нервозен и по своим взглядам стоит выше многих русских генералов. Мне лично было дорого, что он заехал ко мне проститься, расцеловался со мной по-русски и обещал написать мне о своем новом месте службы. Жалею, что ташкентских штаб не хотел использовать знаний этого генерала в европейских языках.

20 сентября.

Я был на вокзале по случаю возвращения в Ташкент генерал-губернаторского помощника генерала Иванова. Встречавших (в числе их судебные чины) было много, и я не стремился уже подойти к прибывшему начальнику, а сам генерал Иванов волновался от многолюдной встречи и многих не заметил. Генерал Духовской также был на этой «тамаше», но был не в духе и, рассердившись на начальника станции, прикрикнул: «Вас никогда тут нет! Что ж это такое?»

21 сентября

В гимназии был годичный акт, по окончании которого генерал Иванов заходил ко мне в квартиру и был вообще внимателен.

22 сентября.

Управляющий канцелярией генерал-губернатора Федоров поздравил меня с передачей учебного ведомства возвратившемуся из Петрограда генералу Иванову. Генерал Духовской сложил с себя эту обязанность, ссылаясь на русское «некогда». Я не уверен, что новый порядок будет для меня лично приятен, потому что Керенский сумеет расположить к себе генерала Иванова.

5 октября, вторник.

Генерал Духовской со своей тещей княгиней Голицыной и адъютантами, генерал Иванов и генерал Сахаров (начальник штаба) присутствовали на вечерней «тамаше» (развлечении) у ташкентского богатого сарта, всем известного Ариф-Ходжи. С улицы дом этого сарта (на Петербургской улице), несмотря на лунную ночь, был освещен цветными стаканчиками и украшен флагами. Во дворе собралась толпа праздных зрителей — [местных жителей] и русских, которых привлекали [местные] музыканты и маскарабозы. Генерал Духовской аплодировал маленькому барабанщику. Он весь

уходил в эту [местную] забаву, а генерал Иванов скучал. Угощение (дастархан) было обильный и разнообразный.

Станным мне казалось это посещение ташкентского воротилы. И для генерала Духовского едва ли было извинительно так восхищаться [местными] развлечениями. Не нашлось среди лиц, окружающих генерала никого, кто бы внушил ему, что это развлечение роняет его достоинство, как главного начальника края. А некоторые говорили, что генерал Духовской напросился к Ариф-Ходже на это развлечение ради приезжего из Петербурга влиятельного лица и по своей личной расчётливости. Ариф-Ходжа, конечно, будет не в убытке от расходов — вознаградит себя за понесенные (немалые) расходы при первом же казенном подряде по местному интендантству. Генералу Духовскому было желательно показать своей теще развлечения [местных жителей]. И надо отдать справедливость супруге генералу, не поехавшей на эту тамашу. Я не был сам на этой тамаше.

15 октября, пятница.

В этот день я случайно встретился в [старом] городе с начальником Закаспийской области генералом Боголюбовым, любителем и ценителем коврового производства. Этот видный мужчина и довольно красивый, по убеждениям русский патриот на славянофильской подкладке. Он интересуется вопросом о происхождении туркмен и думает разрешать этот мудреный вопрос простым способом — изучением орнамента (прямые и кривые линии) на их коврах и других ткацких производствах. Некоторые местные (русские) зубоскалы сложили пошлое трехстишие: «При генерале Комарове была конституция, при Куропаткине — монархия, при Боголюбове — проституция». Генерал Боголюбов просил меня зайти к нему и поговорить об Асхабадской прогимназии, но я сказал, что учебным делом в крае заведует генерал Иванов и Керенский.

17 октября, воскресенье.

Приезжал ко мне председатель судебной палаты Сияльский и приглашал к себе просто, к вечернему чаю. Вот разница гражданского начальника от военных генералов. Я благодарил Сияльского за внимание ко мне и обещал воспользоваться его любезностью.

20 октября, среда.

По повестке начальника города я с женой (в час по полудни) ездил в генерал-губернаторский дом для присутствия при при-

еме Бухарского посольства: я как директор гимназии, а моя жена как член Благотворительного Общества. Когда собрались приглашенные лица, генерал Духовской вышел из кабинета и поздоровался с каждым из прибывших. Дамы находились в другом зале. Подошедши ко мне, генерал благодушно спросил: «Ну что у вас в гимназии?» Я поблагодарил за внимание и сказал, что учащиеся здоровы, а один преподаватель заболел, но не серьезно.

Посланцев Бухарского эмира пришлось долго ждать: многие высказывали (про себя) неудовольствие. Теща генерала Духовского княгиня Голицына была оживлена в ожидании невиданных ею доселе гостей. Посольство состояло из трех лиц: главного посланца (Астанкул-Бай Диванбеги), одетого в бархатный, расшитый золотом халат и двух старцев в парчовых халатах. Сначала их привели в синюю гостиную, где были генералы; после взаимных приветствий, посланцев представили (в красной гостиной) супруге генерал-губернатора и находившимся около нее дамам. Переводчиком при объяснениях посланцев был русский политический агент из Бухары Клемм. Он переводил без особого эффекта, по непривычке, и стесняясь.

Затем все вышли в большой зал. Там генерал Духовской и посланец подходили к собравшимся чинам, которых Духовской представлял посланцу, а посланец молча подавал руку. После представления посланец и приглашенные военные и гражданские чины и дамы перешли в большую столовую, где был накрыт стол с чаем, кофе, печеньями и конфетами. Все сели к столу и угощались. Генерал Иванов со своей супругой вскоре оставили это общество (думаю, что такой поступок со стороны генерал-губернаторского помощника не был случайным по своей необыкновенности). Все прочие гости оставались в столовой еще с полчаса, а затем, вслед за хозяевами, все перешли в красную столовую, а из столовой на террасу, где были разложены привезенные посланцем Бухарского эмира подарки. На полу лежали связки ковров и палаток (тканые шерстяные постилки для полов), а на столе были разложены три (кажется) шкатулки. В одной из них находилось кольцо для генеральши Духовской. Что было в других шкатулках я не видел, потому что

не подходил к столу за многолюдством любопытных дам и мужчин. После осмотра подарков, все возвратились в красную столовую, где посланец простился с дамами и направился к выходу. Затем и гости-мужчины раскланивались с хозяевами и разъезжались. Какие были разговоры у генерала Духовского с посланцем я не знаю, потому что не видел их встречи и не слышал их взаимных представлений.

В общем, вся эта церемония была утомительна и не отличалась ни торжественностью, ни оживлением. И день был сумрачный, накрапывал мелкий дождик. На улицах было грязно. Присутствие дам на этой церемонии отличали описанную встречу Бухарского посланца от прежних приемов посланцев Бухарского эмира и Хивинского хана в генерал-губернаторском доме. Некоторые русские военные и гражданские чины говорили, что приглашением дам на эту встречу генерал Духовской оказал слишком большую честь Бухарскому посланцу, который едва ли оценит это...

...И я невольно задаю себе вопрос: как отнесутся ко встрече его с дамами посланцы и что подумает Эмир, когда ему посланцы расскажут о своем приеме у генерала Духовского. Думаю, что генерал Духовской соригинальничал ради своей супруги, которой присутствие около нее дам, придавало больше важности. А генералу Иванову это, конечно, не могло понравиться. Таким образом, слабость человеческая сказалась с обеих сторон — как со стороны Духовского, так и со стороны Иванова. И кому это было извинительно?

Говорили также и о другом излишестве при упомянутой встрече — о парадной форме военных и гражданских чинов, приглашенных на описанную церемонию. А так как некоторые генералы явились без лент, то и те, которые были в лентах, поспешили уже в приемной снять ленты и остаться, таким образом, в праздничной форме. Один даже сказал: «Если для Бухарского посланца назначили парадную форму, то какая еще форма потребуется при встрече самого Эмира? ...». Как, однако, все это мелко! Я вернулся домой в шесть часов совершенно изнемогая от усталости, потому что в четыре часа, после церемонии с бухарцами должен был еще присутствовать на выставке и испытать пронзительный холод...

публицистика

Сергей БОРОДИН

Через процесс кристаллизации

(Об узбекской народной песне)¹

Богатая, самобытная народная культура узбеков достигла яркого развития в самых различных областях творчества. Из них устная поэзия занимает большое место. От больших, проживших долгие века эпических поэм до лёгких, кратких, афористичных песенок, которые и до наших дней вспыхивают и звучат то на хлопковом поле, то под сенью раскидистых садов, то в час отдыха на полевом стане, то среди свадебного пира. Без песен также немислим весь жизненный путь узбека, как немислим без цветов узбекистанский пейзаж.

В узбекской народной песне отражено мировоззрение народа, его любовь к труду, его опыт, история, его надежды и мечты.

Где бы ни жил узбек, как ни различны были окружающие его условия – плодородные ли долины, скалистые ли горы или сожжённые солнцем степи, – всюду складывал он свои песни, и всюду песня была его спутницей, в радостях, в горестях, в труде и в борьбе, на праздниках и на работе.

Узбекская народная поэзия, как и устная поэзия других народов, создавалась в процессе длительного коллективного творчества, когда поколение за поколением народа вносило в образный строй, в форму, в язык свои поправки, вырабатывая ту законченность, ту отточенность и своеобразие произведения, которые постепенно сложились в традиционную закономерность, выкристаллизовали данную форму. Через этот

процесс длительной кристаллизации прошли все жанры устной народной литературы – поэмы, сказки, песни, вплоть до лаконичных пословиц и поговорок.

Корни этого творческого процесса уходят вглубь веков, перекликаются с творческими путями многих братских народов, которые на протяжении столетий взаимно обогащали друг друга сюжетами и образами.

Устное творчество в своей жизни ни на минуту не окостеневало, не прекращало органической связи с жизнью своего творца – народа. Каким бы долгим ни было существование того или иного устного жанра или даже отдельного произведения, в нём неизменно происходили различные изменения, свидетельствующие о его жизненности. Каждая эпоха, смена общественных или политических форм во все века неизбежно влияли и на произведения устного творчества.

Можно утверждать, что если какое-либо произведение по языку или по содержанию останавливалось в своём развитии, это означало, что это произведение потеряло свою связь с основной массой народа. Если же произведение жило, в нём изменялись как отдельные слова, ибо отмирали архаичные формы, так нередко и сама идейная направленность произведения. Иногда одно и то же произведение у одних исполнителей приобретало иную направленность, чем у других, оказываясь на идейном вооруже-

¹ Из архива Государственного литературно-мемориального дома-музея С.П. Бородина.

Подготовлено к печати научным коллективом музея: С.Х. Атакузиевой, Е.М. Каминской, Г.П. Уфимцевым.

нии своих исполнителей. Таким образом, взгляд на устное народное творчество как на нечто неподвижное, несостоятелен: устное творчество очень часто подвергалось большей переработке, чем любое произведение письменной литературы.

Изменялся и состав произведений внутри жанра. Этот процесс продолжается и в наше время, свидетельствуя, что устное творчество является не только наследием прошлых поколений, но нисколько не теряет своего значения и в наши дни. Так уже забываются, а если и удержались в чьей-либо памяти, застыли в своей архаической форме, обрядовые песни, песни связанные с отмирающими или отмершими обычаями. Например, самый обряд свадьбы даже на памяти одного поколения во многом изменился и то, что отмерло в этом обряде, отмерло вместе с песнями, сопровождавшими этот обряд. Наоборот, песни, сопровождающие прибытие невесты или встречу жениха, продолжают звучать, совершенствоваться, они уже сейчас отличаются и по языку и внутреннему ритму от песен из отмерших обрядов. Отмерли, забываются многие из лирических песен, которые уже не выражают нынешние чувства и желания народа и не соответствуют его современному быту. Ещё больше изменений произошло в составе шуточных и плясовых песен: они традиционны по своей форме и ритму, но из них уцелели лишь те, в которых не утратилась острота для исполнителей. Там же, где их острота притупилось, на смену старым (даже древним), шуточным песням пришли новые, так же возникшие в среде народа, но отражающие жизнь наших дней. Так же изменились песни прощальные и колыбельные. Ещё более изменились ляпары (частушки). Все это лишь утверждает неиссякаемую творческую силу народа и его действенное отношение к своей устной литературе, полученной в наследство от предков. Социально-экономические перемены, происшедшие в жизни узбеков,

новые чаяния и открывшийся прямой путь к светлому будущему народа наполнили устное творчество новым содержанием, новые песни звучат повсюду на просторах Узбекистана. Но звучат и очень многие из древних прекрасных песен, не потерявших ни своей эмоциональной насыщенности, ни музыкального совершенства, ни (что самое главное) отклика в сердцах певцов и слушателей.

Среди старинных лирических песен большое место занимают песни о любви, воспевающие красоту возлюбленных, верность, тоску разлуки, радость свиданий, боль измены или неразделённой любви, насмешку над незадачливым соперником, — все эти песни распеваются и в наши дни: они в полную силу звучат и сохраняются до тех пор, пока бьются сердца, открытые для любви, радостей и верности.

Нередко одну и ту же песню случается услышать в различных вариантах и это тоже свидетельствует о жизненности народных песен.

Цикл узбекских народных песен, записанных в различных районах Узбекистана разнообразен по своему характеру — здесь и свадебные, и колыбельные, и шуточные песни. Можно допустить, что они сохранились в народной памяти не в одном варианте. В таком случае они представляют интерес, как один из вариантов. А некоторые вероятно уже забываются, и тогда при опубликовании их возникает другая потребность — сохранение их, как песенное наследие прошлых поколений. Ведь не зная, как и что пел народ в прошлом, нельзя вполне понять прошлую жизнь народа, а не зная прошлого мы не сможем вполне оценить наше настоящее.

Сила народной песни — в её теснейшей связи с народной жизнью. Обаяние — в её образном и языковом богатстве. Ценность — в том, что как в зеркале, в ней отражены различные стороны и различные периоды многовековой жизни талантливого народа, создавшего её.

ТЕКСТОЛОГИЯ СМЫСЛА

Зульфия МУРАДОВА

Коль не поделешься айраном...

(О семантике узбекских детских песен)¹

«И засыпая, пусть как можно чаще ребенок видит звезды над собой...»

Абу Али ибн Сино. «Урджуза фит-т-тибб»

Среди хранимых народной памятью произведений есть целый пласт песен, сопровождающих жизнь ребенка на всех ступенях его взросления.

В рамках узбекской традиционной музыки это *алла* и *бешик кушиклари* (колыбельные), *овутмачоклар* (потешки), *эркаламалар* (пестушки), *кизикмачоклар* (прибаутки), *газалли маталлар* (музыкально-стихотворные сказки), *айтим олкишлар* (благопожелания). Объединяясь термином «материнская поэзия пестования» (А.Сафаров), они образуют группу произведений, исполняемых взрослыми для детей.

В собственно детском репертуаре преобладают разнообразие *санамалар* (считалки), *уйин чакириклари* (игровые заклички), *масхарамалар* (дразнилки), *чорламалар* (голосянки), *уйин кушиклари* (танцевально-игровые) и тому подобные песни.

Отражением регламентированного участия детей в обрядово-ритуальных действиях являются *фасл ва мавсум бадихалари* (календарно-обрядовые песни) и *ялинмачоклар* (сакральные приговорки). Этот далеко не полный перечень жанров входит в стройную систему традиционного детского фольклора, отвечающую возрастным интересам и потребностям детей. С младенчества приучая слух ребенка к восприятию родной музыкальной речи, сопровождая его забавы и развлечения, эти песни доступны и ненавязчиво помогали усвоению принятых в обществе ценностей, норм, образцов поведения.

Иными словами, узбекский детский фольклор обладает двумя важными качествами:

наряду с выполнением социализирующей функции, он концентрирует в себе необходимый минимум выразительных средств, отражающих особенности образно-интонационного строя узбекской музыки.

Примечательно, однако, что указанные качества присущи детскому фольклору любого народа. Более того, «задействованные» в нем элементарные средства музыкальной выразительности (звук, ритм, метр, лад и т.п.) сами по себе несут универсальный характер. И только их взаимосочетание, собранное в законченную форму (подобно возникающему из кусочков стекла kaleidoscopic узор), способно передать национальную специфику художественно-образного мышления. Но и в этом случае обнаруживаются интересные переклички культурно-образных смыслов, расширяющие наше представление о феномене детского традиционного фольклора.

Возьмем, к примеру, одну из разновидностей узбекских колыбельных песен – *бешик кушиклари*.

Их музыкальный облик сложился под непосредственным воздействием мерного покачивания колыбели. Отсюда – четкость ритмического рисунка, соразмерность и симметричность интонационных оборотов и их малый объем, преобладание букварной повторности как основного приема развития. Строгость и архаическая простота напевов близка интонационной ауре заговорных песен. Объяснение видится в том, что первичная функция колыбельных тоже была магической, оберегающей от сглаза и злых ду-

Об авторе. Мурадова Зульфия. Музыковед. Окончила Ташкентскую консерваторию. Преподавала в Республиканском специализированном музыкальном академическом лицее им. В.Успенского. В настоящее время – ученый секретарь научно-исследовательского института искусствознания. При подготовке материала использованы труды Р.Абдуллаева, В.Аникина, Л.Гумилева, Н.Золотницкого, О.Ибрагимова, Ф.Кароматли, А.Сафарова, Ш.Устаева.

Переводы песенных текстов выполнены автором статьи.

¹ Материал публикуется в рамках грантового проекта Общественного фонда поддержки и развития независимых печатных средств массовой информации и информационных агентств Узбекистана.

хов природы. На это указывают присутствующие в текстах образы-символы, например, красного цветка («кизил гулнинг шохаси»),¹ воды (реки) и плавающей в ней рыбы («сувда балик ёйлапти»)² и т.п. Известно, что красному цветку, олицетворявшему животворное начало, приписывалась способность проставлять «дурному глазу» и колдовству. От них призваны были предохранить ткани, нити, ювелирные украшения, цветы и растения красных оттенков. Метафору «кизил гулнинг шохаси» следует поэтому расшифровывать не только (и не столько) как поэтическое сравнение ребенка с веточкой красного цветка, сколько в оберегающем значении («росток жизни»). Сходная символика, встречающаяся в колыбельных песнях других народов (например, «гызыл гул» в азербайджанских)³ позволяет предположить устойчиво-магический смысл его семантики (возможно, к ней восходит и русский «аленький цветочек»).

Несколько сложнее определить ритуальное значение образов воды и рыбы, однако обнаруженные нами аналогичные упоминания в туркменской («Сувда балык кевленсин»), казахской («Су агады кулдырлап»), киргизской («Арка су йее желегум») колыбельных песнях⁴ предполагают их символический смысл. Быть может, они напоминают о том периоде жизни младенца, когда он, как рыба в воде, «плавал» в безопасной утробе матери? Либо образ воды – это символ жизни, а рыба, возможно, «персонифицирует» самого ребенка. Любопытно сопоставить эти предположения с бытовыми толкованиями снов об играющей в воде рыбе, пойманной рыбе и т.п. как предвестия будущего материнства и «прогноза» жизнеспособности (живая рыба), либо обреченности (мертвая рыба) еще не родившегося ребенка.⁵ Симптоматичным в этой связи представляется и то, что образ рыбы, насколько нам удалось установить, не фигурирует в других фольклорных жанрах узбекского наследия.

Колыбельные алла (название предположительно связано с поминанием имени Аллаха и имеет оберегающий смысл) отличаются яркой лирической образностью, психологической углубленностью содержания и близки медитативному монологу, поющему женщиной не только для ребенка и о ре-

бенке, но также для себя и о себе. Этим обусловлены непрерывность мелодического потока, его протяженность и рельефная пластичность, свободное метрическое оформление, усложненность ритмического рисунка, образно-выразительная значимость терцовых интонаций. Алла, пожалуй, единственный жанр в узбекском наследии, где эти интонации имеют формульное, то есть устойчиво-смысловое значение, придавая мелодиям особый оттенок покоя и нежной ласковости (подобное наблюдается и в колыбельных других народов, что позволяет считать терцовую интонацию универсальным индикатором этого жанра).

Восприятие колыбельных с младенческого возраста формировало в сознании ребенка психологические установки на смысловые модусы родной музыкальной речи. Их закреплению в памяти способствовали и другие жанры узбекского детского фольклора, например, считалки. Характерные для них признаки: четкий, акцентированный метроритм, буквальная повторность интонаций, строго скандированное исполнение «отражают» движение руки ребенка, пересчитывающего участников игры.

Синхронный принцип развития в песнях такого типа проявляется в совпадении звуковысотных уровней речевой и музыкальной интонаций (омузыкаленная речь); параллелизме ритмического рисунка напева и слоговых соотношений текста; совпадении стихотворных и музыкальных цезур, маркирующих естественный дыхательный цикл. Составляющие интонационный облик считалок интервалы секунды, кварты, квинты являются основными «строительными кирпичиками» узбекского песенного фольклора.

Дошедшим до нас свидетельством приобщения детей к обрядовой стороне общественной жизни является календарная песня «Бойчечак», сопровождавшая сбор подснежников, совершаемый детьми в первый день Навруза.

Ритуальная сторона этого обряда включала ряд действий, связанных с цветовой символической подснежника. Собранные цветы тщательно сортировались по оттенкам: имевшие желтый отлив, считались олицетворением лучей Навруза, сулили достаток и благополучие, ими украшались жилища.

¹ Узбек халк кушиклари. Кн. 1/Сост. Е.Романовская. Ташкент, 1939, с.162.

² Беляев В.М. Очерки по истории музыки народов СССР. Вып.2. М., 1963, с.242.

³ Беляев В.М. Очерки по истории музыки народов СССР. Вып.2. М., 1963, с.13; Керимова Г. Азербайджанские колыбельные и детские песни: опыт этномусыковедческого анализа/ Автореф. дис. канд.иск. Л., 1986, с.8.

⁴ Беляев В.М. Очерки по истории музыки народов СССР. Вып.2. М., 1963, с.221, 130, 12.

⁵ Предсказания судьбы: Сборник тестов, примет, толкований / Авт.-сост. А.Топорков, В.Сокадеева. Ташкент, 1991, с.45; Сонник: толкование сновидений от Артемидора до Миллера/Переводчики Борисова Л. и др. Под ред. Висковской И. и Ляуэр А. М., 1996, с.3-5.

Белые подснежники, символизировавшие слезы уходящей зимы, «предрекали» голод и бедность, именовались «разрушителями котла» («дек шканак»). Их, во избежание опасности, уничтожали. Любопытно, что в средневековой Европе сходное суеверие распространялось на белые кувшинки: эти цветы нельзя было вносить в дом, ибо счи-

талось, что они погубят весь домашний скот.

Среди опубликованных вариантов «Бойчечак» есть образцы, содержание которых отражает описанное ритуальное отношение к подснежникам. Запись Романовской⁶ имеет указание на их благоприятный желтоватый цвет, тогда как в расшифровке Раджаби⁷ персонифицирован белый «разрушитель котла».

Вариант в записи Романовской:

Болалар, болалар, бойчечак!
Бойчечакни терайлик,
Каранг, кандай чиройлик!
Бойчечагим очигиди,
Кирга тилло сочилди,
Дала-даштар (богпар)
Бахор хидига тудди.

Ребята, ребята – подснежник!
Соберем, давайте, подснежник,
Поглядите, какой он красивый,
Мой (первый) расцветший подснежник!
По горам словно золота блестяшки рассыпались,
И долины (сады)
Весны ароматом насытились.

Вариант в записи Раджаби:

Бойчечагим богланди, (а)
Козон тула айрондир, (а)
Айронингдан бермасанг (б)
Козонларинг айрондир. (а)

Подснежник связан мой в пучки
Полны айраном казаны.
Коль не поделишься айраном,
Побьются все твои котлы.

Каттик ердан казлаб чиккан бойчечак,
Юмшок ердан югуриб чиккан бойчечак.

Вырыт подснежник из твердой земли,
Что выскочил разом из мягкой земли.

Бойчечакни тутдилар,
Тут ёгоча осдилар,
Килич билан чоңдилар,
Бахмал билан ёңдилар.

Подснежник нашли,
На тут (шелковицу) приместили,
Мечом посекали,
Бахмалом (бархатом) накрыли.

Различаются названные образцы и в музыкальном отношении.

Первый характеризуется распевно-мелосным интонированием с метрическим выделением трехсложных окончаний-каденций (бой-че-чак, те-рай-лик и т.п.).

Опосредуя типичные для узбекского языка нормы ударений и особенности тюркского стихосложения, эти интонационные обороты служили важнейшим средством формирования ладового мышления.

Исторически более поздний (а значит и более развитый) мелодический тип интонирования преобладает во втором образце, где обнаруживаются более сложные интонационно-структурные отношения. Это относится к крайним разделам трехчастной композиции, построенных по типу рубаи (аба) с типичным выделением третьей акцентно-смысловой фразы. Интонационно родственная им середина выделяется иными метрическими параметрами (11-сложная фразастрока вместо предыдущих 7-сложных) и характером исполнения, близким монотон-

но-скандированной архаике заговорно-магических песен («Каттик ердан казлаб чиккан бойчечак / Юмшо? ердан югуриб чиккан бойчечак»).

Складывается впечатление, что эта часть опосредует ситуацию, когда, повстречав подснежник, надо было вырвать его с корнем и растоптать, произнося формулу-оберег:

«Ты мне желаешь смерти! (поэтому я вынужден тебя уничтожить)».

Подтверждение такого предположения, на наш взгляд, содержат приведенные выше строчки текста, а также картина «казни» подснежника в заключительной строфе («Тут ёгоча осдилар / Килич билан чоңдилар»).

Интересно сопоставить этот, на первый взгляд, жестокий ритуал с цветочными поверьями у разных народов мира. Англичане, по крайней мере, еще на исходе XIX столетия, считали, что ранней весной необходимо растоптать двенадцать маргариток, чтобы обезопасить жизнь себе и своим близким на предстоящий год. На Украине существовал обычай рвать и топтать примулу

⁶ Романовская Е. Статьи и доклады. Записи музыкального фольклора / Сост. М.Ковбас. Ташкент, 1957. – С. 75.

⁷ Узбек халк музыкаси / Собр. и зап. Ю.Раджаби под ред. И.Акбарова (в 9 томах), Т. III, Ташкент, 1959. – С. 455-456.

(«ряст» по-украински) с аналогичной целью продлить себе жизнь. У древних германцев цветком богини восходящего солнца и весны Остары считался ландыш. На празднествах в ее честь молодежь украшала себя ландышами, а затем увядшие цветы сжигались, как приносимая Остаре жертва.

Возможно, все упомянутые действия есть не что иное, как замена некогда существовавших человеческих жертвоприношений. Таких, как ацтекский «культ цветов», несмотря на романтическое название, представлявший жуткий ритуал умерщвления похищенных у соседних племен юношей и девушек, практиковавшийся вплоть до прихода испанцев. Или подношение даров древнеримской богине Мании в виде отрезанных детских

голов, замененных впоследствии головками мака и чеснока.

Возвращаясь к нашему образцу, рискованно предположить более древнее происхождение средней части (на эту мысль наводят не только высказанные предположения, но и ее интонационно-ритмический облик), которая с течением времени «дополнилась» крайними разделами с более сложной структурно-мелодической организацией.

Не меньший интерес представляет жанр прибаутки – небольших музыкально-поэтических сказок с цепным, динамично развивающимся сюжетом и сменой образных картин из строки в строку (отражение способности детей к мгновенному переключению на новую ситуацию).

Такова прибаутка-овутмачок «Томдан тараша тушди» в записи Раджаби:

Томдан тараша тушди,
Зулфим яраша тушди,
Ачамга колган ошни,
Шодмон-ялаки ичди.

Шодмон-ялакини куваляб-куваляб кетяпсам,
Йулдан камчин толиб олдим,
Камчин акамга бердим,
Акам менга румол берди,
Румолни кизга бердим,
Киз менга дон берди,
Донни товукка бердим,

Товук менга тухум берди,
Тухумни учокка кумдим,
Так этди, пак этди,
Икки кузим бокиб колди.

Слетел с крыши завиток,
Локон красит мой висок,
Долю бабушкину спопал
Шодмон – за троих едок.

Я, погнавшись за Шодмоном,
По дороге плеточку нашла,
Эту плетку брату отдала,
А взамен платок приобрела,
Девушке платочек подарила,
А она мне горсть зерна вручила,
То зерно я курице скормила.

Курица яйцо мне снесла,
Закопала я его в глубь очага,
Треснуло и вытекло яйцо –
Видели бы вы мое лицо!

Формообразование и композиция песни полностью соответствует развертыванию сюжета. Вкупе с содержанием текста она способствует раскрытию смысла песни: не стоит гнаться за утраченным – все хлопоты обернутся «выеденным яйцом».

Восхищает то, как неназойливо, остроумно и «вкусно» преподнесена эта мораль в неприязнательной, на первый взгляд, песенке, являющейся на самом деле достойным образцом педагогического таланта узбекского народа.

Рассмотренные особенности интонационно-ладового строения образцов детского фольклора свидетельствуют о строгом учете возможностей детского голосового аппарата (все они ограничены оптимальным диапазоном среднего регистра) и демонстрируют процесс сложения, отбора и закрепления художественно значимых интонационных и композиционных моделей.

Все это позволяет считать детский фольклор азбукой музыкального наследия, его сердцевинной и фундаментом. Целостное исследование этого феномена, способное дополнить общую картину истории древних традиционных культур, перспективно не только с этномузыкаловедческих позиций: весьма актуально выявление заложенного в нем эстетического и педагогического потенциала в контексте гуманизации сферы современного образования.

Изучение такого интересного и разностороннего явления, как узбекский детский традиционный фольклор, имеет все основания стать отдельным направлением современного музыковедения Узбекистана. А для обычного читателя обращение к этой теме – неплохой повод вспомнить детство, от которого вряд ли «можно когда-нибудь вылететь».

Да и надо ли?..

литературная критика

Баходыр АХМЕДОВ

Геометрические ловушки Анны Гавальды

О романе «Просто вместе»¹

Роман Анны Гавальды «Просто вместе» по своему изяществу и ажурной легкости напоминает музыку Моцарта. Он не читается, а как бы льется в читателя красивой и воздушной музыкой. Языковая ткань романа расписана яркими красками переживаний, внутренних монологов героев и их разговоров друг с другом. Но при этом в этой яркой картине нет места безвкусице, у автора безупречное чувство меры и такта по отношению к своим героям.

Кажется, что роман написан на одном дыхании и прочитывается он так же легко. Сознание прикасается к нему словно иголка к звуковой дорожке пластинки, чтобы снять с поверхности нежную и светло-грустную музыку жизни. Но в данном случае легкость отнюдь не подразумевает поверхностности и легковесности. Бывает глубокая легкость, т.е. легкость за которой спрятана потаенная глубина понимания жизни. Нужно только суметь заглянуть за узорчатую ткань языка и увидеть то, что таится, то, что дышит за ней в робкой надежде быть услышанным.

Структура романа похожа на раскручивающуюся спираль или, точнее, на лабиринт, в котором бродят герои, постоянно сталкиваясь друг с другом. Все трое персонажей ищут выход из лабиринта, и однажды к ним приходит понимание, что только вместе они смогут обрести точный путь и найти выход. Нет, не общий путь на всех, а именно индивидуальный путь к выходу из собственного лабиринта.

В романе пересекаются судьбы трех главных героев.

Камилла, которая пытается через творчество вернуть свое подлинное «я», когда-

то оставленное на свалке своего разбитого прошлого.

Филибер – этот удивительный реликт былых эпох, наивный и мудрый рыцарь, спасающий Камиллу, а вместе с ней и самого себя, от всего наносного и ненастоящего. Он дышит воздухом истории и в нем самом постоянно звучит перекличка былых эпох, звучит как завораживающая музыка, которую он готов слушать всю жизнь, едва замечая то, что происходит рядом с ним.

Франк – это нежный и ранимый ребенок, который был лишен нормально детства (впрочем, как и Камилла) и который скрывает свою ранимость за маской нарочитой грубости и цинизма. Он тоже творец, он создает свои шедевры на кухне и умеет получать радость от творчества.

И, наконец, бабушка Франка, очаровательная Полета, которая ждет всех троих у выхода из лабиринта их жизни.

Двое мужчин и девушка живут в одной квартире. Казалось бы, треугольник просто неизбежен. И читатель все время ждет его появления. Но автор очень мудро и тонко обходит эти геометрические ловушки и читатель вдруг начинает понимать, что никакого треугольника нет, а есть один круг, в котором вращаются герои романа и который они размыкают, превращая его в прихотливую линию судьбы.

Книга Анны Гавальды наполнена светом и той щедрой радостью, которая рождается из преодоленного отчаяния, из нового рождения, из творческого порыва к жизни, и радость эта тем заразительнее и щедрее, чем больше нуждается в ней современный читатель.

¹ Анна Гавальда, «Просто вместе» («Ensemble, c'est tout»). Роман. Москва, Издательство «Флиуд/FreeFly», 2007.

вымыслы и хитросплетения

Игорь ПИЛЯЕВ

Суть любого явления – в его отсутствии

(Из поэтического дневника)¹

«Будь мир ясен, искусства бы не было».

А.Камя

«Для полного счастья – достаточно жить и дышать!»

Уолт Уйтмен. Из поэмы «Таинственный трубач», 1872

Каждый из нас несёт в себе вечные цели земли,
Каждый из нас в равной мере божествен.

Уолт Уйтмен. «Листья травы»

«Поэзия есть Бог в святых мечтах земли...»

В.А. Жуковский

«Суть любого явления – в его отсутствии».

Древнекитайская мудрость. «Книга перемен»

« – Что такое мода?

– Всё, что становится немодным».

Сальвадор Дали. «Дневник одного гения»

«Возможно, отличительная черта нынешней эпохи мира состоит в закрытости измерения Священного. Возможно, тут ее единственная беда».

М.Хайдеггер. Из «Письма о гуманизме»

* * *

В крови моей звёзды и храмы
В незримом единстве текут,
Волхвы, иереи, брахманы
Единого Господа чтут.

Органы в ней стонут и громы
Вселенских и сельских страстей,
Могучие крепь и кромы
Изветрены в пух лебедей.

¹ Глава из новой книги.

Плывёт по ней белая стая,
Крылами в аорте дрожа:
Как царские вина, густая
К вискам приливает душа...

«Никогда, никогда, даже в минуты самого дарственного, беспамятного счастья не покидало их самое высокое и захватывающее: наслаждение общей лепкою мира, чувство отнесённости их самих ко всей картине, ощущение принадлежности к красоте всего зрелища, ко всей вселенной».

Б.Пастернак. «Доктор Живаго»

«Мировая вещь та, которая в переводе на другой язык и на другой век – в переводе на язык другого века – меньше всего – ничего не утрачивает. Всё дав своему веку и краю, ещё раз всё даёт всем краям и векам. Предельно явив свой край и свой век – беспредельно являет всё, что не-край и не-век: навек».

Марина Цветаева. «Поэт и время»

Я не могу жить с фантомами. Надо дать им имена и фамилии.

7 февраля 1992

Когда гибнут дети, слово «мама» становится меньше.

23 мая 1992

Я хочу жить полнокровной интеллектуальной жизнью, хочу высвободиться, наконец, из этого клубка суетливых забот и копеечных амбиций, хочу дышать полной грудью, общаться не с «клиентами», а с людьми.

22 июня 1992

«Можно перевести смысл, можно перевести синтаксис и ритмы, но нельзя перевести рифмы, которая иррациональна в каждом языке».

Максимилиан Волошин

Мудр тот, кто неустанно работает над своим счастьем.

22 июля 1992

Он любил в жизни стихийность (а не дискретность), поэтому письменным договорам предпочитал джентльменские сделки.

22 июля 1992

Он вечно опаздывал, будто видел в этом смысл жизни.

29 июля 1992

«... Истина не покупается трудом, а даётся даром и вдруг, как девичья любовь».

Фёдор Сологуб. Из письма к Л.Я.Гуревич от 15 ноября 1895 года

А ведь моё кредо можно выразить очень просто: я хочу, чтобы в жизни была Красота.

13 сентября 1992

Посол сродни Поэту. Он должен интересоваться всем.

24 октября 1992

«Есть только два пути жизни: жить для радостей тела, ставить выше всего эти радости, или жить для души, ставить выше всего радости духа. При следовании первому пути радости есть, но они кратковременны, и чем дальше, тем они слабее и реже, и кончаются ужасом смерти и самым губительным для радостей тела концом: самой смертью. При следовании второму пути радость не прекращается, и чем дальше, тем радости больше...»

Из дневника Л.Н.Толстого

Там, где есть секс, звёздное небо над головой и кусок тёплого хлеба – есть и счастье (по Ортеге-и-Гассету).

26 декабря 1992

Жизнь есть пророчество прошлого о будущем.

30 января 1993

Каждый день обрывает листья с дерева жизни.

10 марта 1993

Стихи мои (обещанные к публикации в «Неве») на темы не очень конъюнктурные, но вечные: о Петербурге, гражданской войне, об экзистенциальном одиночестве человеческого духа.

8 апреля 1993

«Поэтическая речь есть непосредственная действительность музыкального мышления в пределах языковой стихии».

С.Б.Бураго. Из доклада «Размышления о верлибре». Материалы Второй международной конференции «Язык и культура». Киев, 1993.

Старость уничтожает красоту. К некрасивым людям она милостива.

31 мая 1993

«...Красота – один из видов Гения, она ещё выше Гения, ибо не требует понимания. Она – одно из великих явлений окружающего нас мира, как солнечный свет, или весна, или отражение в тёмных водах серебряного шита луны. Красота неоспорима. Она имеет высшее право на власть и делает царями тех, кто ею обладает».

Оскар Уайльд. Портрет Дориана Грея

В погоне за эфемерными смыслами и ценностями растрачивается зачастую вся человеческая жизнь. Вместо поиска внутреннего смысла существования, эстетического, нравственного идеала (и борьбы за него!), не внешней красоты, а Красоты и Добра, значит – подлинной Гармонии и Счастья.

15 августа 1993

* * *

Хочу в Тамбов, а не в Париж,
Хочу дымок над полем чистым,
Когда над кроном крыш паришь
Не Волангом, а трубочистом.

Бесстыдна выпренность дворцов
И трупно естество музеев.
Столицы мира – для глупцов,
Юродивых и ротозеев.

Дороже всех земных витрин –
Малинники зари небесной,
Парное молоко равнин
И ельники под звёздной бездной.

1993

Подлость – это исключение человека из сопричастности.

20 августа 1993

Принципиально различные оценки творчества: «Я бы так не писал, но я мог бы так писать» и «Я бы так не писал, но я бы не мог так писать»

14 декабря 1993

«Наивысшее счастье человека находится на пределе его сил».

Иван Ефремов

Любовь, искусство и азарт – вот «три кита», на которых держится смысл жизни.

17 мая 1994

«...Тишина, ты – лучшее
Из всего, что слышал».

Борис Пастернак. Из стих. «Звёзды летом»

Старость – это запланированное несчастье.

25 июня 1994

«Спираль – одухотворение круга. В ней, разомкнувшись и высвободившись из плоскости, круг перестаёт быть порочным».

В.Набоков. «Другие берега». Начало главы тринадцатой

Мудрость жизни: полной победы не будет.

5 августа 1994

«В жизни существуют две трагедии. Одна из них – так и не добиться осуществления самого сокровенного желания. Другая – добиться».

Бернард Шоу

«Смех – это какая-то потерянная в мире случайная обезьянка истины».

Владимир Набоков. «Весна в Фиальте и другие рассказы»
Нью-Йорк, Изд-во им. А.П.Чехова, 1956.

«Да, он был очень нервен. Но кто из русских больших писателей не был нервным? Все они были людьми с ободранной кожей, с обнажёнными нервами и вибрирующей совестью».

Ирина Одоевцева. Из главы «Иван Алексеевич Бунин». –
«На берегах Сены»

«Каждому состоянию души соответствует известное мировоззрение...»

Гайто Газданов, «Полёт»

«Решением всякой проблемы служит новая проблема».

«Состариться – это ведь и значит перестать страшиться прошлого».

«Всё исключительное и мощное в нашем бытии создаётся лишь внутренней сосредоточенностью, лишь благородной мономанией, священной одержимостью безумцев».

Стефан Цвейг

Семья есть институт оправдания смысла жизни простого человека.

15 февраля 1994

Александр Блок, Марина Цветаева, Борис Пастернак, Осип Мандельштам, Афанасий Фет, Шарль Бодлер и Артур Рембо – вот «семь холмов», на которых стоит мой поэтический Рим.

26 февраля 1994

«Тревога и труд лишь для смертных сердец...»

Ф.И.Тютчев. Из стихотворения «Два голоса»

Если воспринимать жизнь как переживание, чтение хорошей книги, захватывающее и завораживающее, есть проживание жизни несравненно более богатое, яркое, насыщенное, чем грубо-животное, плотоядное предание себя соблазнам золотого тельца.

11 декабря 1994

Отход от старых знакомств (связей) есть сотворение прошлого.

11 декабря 1994

Даже в контркультуре есть своя эстетика, а хамство на то и хамство, что в нём никакой эстетики нет.

13 января 1995

«Старость – это то, что случается с другими», – думалось в детстве.

20 января 1995

* * *

We know
how light is refracted
but light
remains a miracle.

We know
how a plant grows
but a plant
remains a miracle.

We possess
much knowledge
but creation
remains a miracle.

Albert Schweitzer
Nobel Peace Prize Winner (1952)

* * *

Коль на день у тебя одна лепёшка есть
И в силах ты себе кувшин воды принести –
Что за нужда презренным подчиняться
И низким угождать, свою роняя честь?

Омар Хайям

«И сказал: истинно говорю вам: если не обратитесь и не будете как дети, не войдёте в Царство Небесное».

Матф. – XVIII, 3

Дети – это памятники Любви.

24 мая 1995

Старость – это непознанная планета.

Июнь 1995

Самый высокий уровень жизни – это уровень творческого вдохновения.

16 июня 1995

Бабушки и дедушки, как правило, сентиментальнее, снисходительней и терпимее к внукам, чем родители – к детям. Ведь старики, по закону природы, обычно не доживают до зрелого возраста внуков, для них они не только в сердце, но и в реальности всегда остаются только детьми.

28 июля 1995

Жизнь катастрофична в том смысле, что ведёт к катастрофе смерти.

31 октября 1995

«Одним из самых удивительных примеров рокового совпадения служит происшедшая 28 июня 1900 года встреча итальянского короля Умберто I с хозяином ресторана в городе Монза. С изумлением король обнаружил, что этот человек является его абсолютным двойником и носит имя Умберто. Мало того, скромный хозяин ресторана родился, как и король, в Турине и в один день с монархом. Супругу короля, как и королеву, звали Маргарита, а венчались двойники в один день. И ещё: в тот день, когда один Умберто был коронован на престол, второй приобрёл ресторан.

На следующее утро король Умберто I пригласил двойника в свой экипаж, чтобы вместе поехать на спортивный праздник. Но оказалось, что на рассвете тот был застрелен неизвестным грабителем. Через пару часов и сам король Италии Умберто I был застрелен анархистом в городской толпе».

Сергей Лесков. Загадки роковых совпадений. – Журнал
«Авантюрист». Минск, 1994, № 3 (7).

Семья создаёт ореол жизненности вокруг человека, прикрывая его от чёрных дыр Судьбы, Времени, Смерти. Прилежный семьянин обретает (в философском смысле) спокойствие перед вечностью.

4 ноября 1995

Натура большинства людей мельчает от детства к зрелости (зрелости). Теряет цельность, непосредственность восприятия мира, множество социальных условий, мелких целей разъедают, измельчают её. И лишь только меньшинство людей становятся крупнее натурой в зрелости.

7 ноября 1995

Все люди родственники, потому что все – от Бога.

27 ноября 1995

Смысл жизни – не в том, чтобы иметь счастье, а в том, чтобы знать счастье.

10 января 1996

Вечный – значит прижизненный.

20 февраля 1996

«Секрет гениальности – в сохранении детства, детской конституции на всю жизнь».

П.Флоренский

«Надо умереть молодым, но это стоит сделать как можно позже».

Китайская пословица

Цветы раскрываются, а молодость остаётся нераскрытой.

20 апреля 1996

У Б.И. солянка в голове. Поэты, как и „кухарки“, не должны управлять государством.

24 апреля 1996

Счастье человека определяется не тем, что он имеет, а тем, чего он достиг.

3 мая 1996

Жизнь – это игра со многими неизвестными. Известен лишь результат.

2 июня 1996

Каждый выбирает свою точку опоры. Универсальной точкой опоры есть Бог. А Бог есть бездна.

27 июля 1996, 5 часов утра,

Дюльбер

* * *

Балкон – и морская бездна.

В тумане – одна звезда,

Как будто бы неизвестный

Фонарик провёл туда.

Как будто вся жизнь звездой

Вот этой в ночи висит,

То радостью, то бедою

Мигая,

Пока сгорит.

Июль 1996

Дюльбер

«В каждом возрасте бродит своё вино».

Древняя мудрость

* * *

А всё вокруг – родильный сад
И мыза смерти.
Подмётных писем листопад –
Читайте, верьте!

Что всё летит, и всё стоит,
И всё заносит.
Ни сталактит, ни сталагмит
Тебя не спросят,

Куда уехал этот цирк
Земли и неба,
От страха в коем праотцы
Свершали требы.

В котором ветрено и зло
И грош уюта.
В котором до смерти везло
Какого шута?

* * *

Жизнь и смерть – такие пустяки,
Что и плакать как-то не с руки

В темноте, которая – ничья,
О былых картинах бытия.

Что дано нам? – Тело и тоска,
Мозга два дымящихся куска.

Трубы сердца – пламенный орган,
Старости нешадный ураган.

Два пути: на небо или в чад.
Тишина, о коей помолчат.

1996

Тост: «Диоген сказал: «Быть богатым и иметь много денег – не одно и то же. По-настоящему богат тот, кто вполне удовлетворён тем, что имеет». За наше богатство!»

* * *

Всё исчезает и всё оставляет следы.

Однажды в компьютере Мирового Духа
Появится и файл Вашей памяти –
памяти сердца,
отправленного в ад или рай.

2 декабря 1996

«Бессмысленное издевательство – вот, что такое старость».

Марк Твен

На земле нет ровных мест.

Всё вогнуто и выгнуто.
Ровным бывает
Лишь пульс души.

12 января 1997

«Чем монотоннее текут дни, тем быстрее пролетают годы».

Георгий Демидов // Новый Мир, 1997, № 5

«Ребёнок – отец человека».

Английская пословица

Ребёнок – это тот же послушник.

14 июля 1997

Жизнь измеряется не возрастом, а впечатлениями.

31 июля 1997

«Искусство всегда избыточно».

Игорь Кручик, поэт, 23 августа 1997

«Лицо – замысел Бога».

Французский философ

Звёзды всегда актуальны.

4 сентября 1997

Эпохи не выбирают. Выбирают своё отношение к ним. И каждая личность суверенна в этом выборе.

5 сентября 1997

Мы устали от пафоса и пожаров.

5 сентября 1997

Поэт – лицо небесного порядка.

7 сентября 1997

В инстинктах различных животных содержатся ростки идеалов человечества (лебединая песня, гибель лебедя после смерти супруга (супруги) etc.).

28 сентября 1997

Если бы люди всё время помнили прошлое (его груз), они бы попросту подорвали своё здоровье.

28 сентября 1997

Актёры – это вампиры зрительской энергии.

2 октября 1997

Сквозь «магический реализм» Гайто Газданова жизнь предстает как мистический хаос, как процесс непрерывных «изменений милого лица», как бесконечное преобразование.

15 ноября 1997

Закрываться от «бездн мира» идеологическими штампами – характерная черта советской, в т.ч. и в особенности, любительской поэзии.

19 ноября 1997

Дети смягчают дыхание смерти.

28 апреля 1998

«Артист Юрий Сергеевич Лавров, услышав плач ребёнка под окном: «Как бы я хотел променять его трагедию на своё нынешнее счастье!»

Из анекдотов о киевских актёрах

Когда смотришь в глубину прожитых лет, иногда становится жутко: как будто смотришь с высоты небоскрёба.

31 мая 1998

«Человек только тогда человек, когда он помнит о том, чего с ним не было».

Кира Питоева, создатель музыкальной концепции Дома Турбиных.

* * *

Всё потеряло смысл: и Пушкин, и присяга,
И Родина, и честь, и подвигов грядя?
«Макдональдс», «Мерседес» теперь твой фон, бродяга,
Ты снова не у дел до Страшного Суда.

Вновь посох и сума – регалии поэта.
Ты всюду – враль и шут, где царствует мощна.
Иди ж от власти прочь, пророчь и жди рассвета
И знай, что без тебя страна обречена.

Октябрь 1998

«Назначение армии постмодернистов – плодить пустоту...»

Виталий Пуханов. «Октябрь», 1998, № 6.

В каждом под тонким слоем «человечинки» сидит зверь.

1 ноября 1998

«Лицо – маяк маленького королевства, называемого человеком».

Уильям Шекспир

Жена и дети, друг, поверь – большое зло:
От них всё скверное у нас произошло.

А.С.Пушкин. Из «Послания к цензору», 1822

Воды глубокие
Плавно текут.
Люди премудрые
Тихо живут.

А.С.Пушкин

«Пророк Мухаммед говорил, что три вещи составляют счастье человека: хорошая жена, хорошее жилище и хорошие средства передвижения».

Махмуд Велитов – муфтий Имам-Хатыб, президент фонда «Ислам».

«Столичные новости». № 3, 26 января – 2 февраля 1999.

Человечеству доступен лишь один инструмент, способный побороть время – это искусство.

13 февраля 1999

* * *

За мною золотые флаги
И Пушкина подлунный свет.

Весна 1999

«Но понимаете, это ведь такое естественное чувство – триптих человеческого бытия – несбыточность, невозвратность и неизбежность. Но по этому экзистенциальному принципу жить очень трудно. Мне очень помогает православный постулат, что смирение – это важно».

Из интервью Никиты Михалкова перед премьерой кинофильма «Сибирский цирюльник» в Киеве. «Сегодня», 19 мая 1999.

«Одно из основных условий счастья – познать всё то, что имеет смысл в вечности...»

Титус Буркхардт. Сакральное искусство Востока и Запада. Принципы и методы / Пер. с англ. Москва, Алетейя, 1999.

«Есть рациональная причина веры в Бога: хотя эта вера не освобождает от трудностей, она является лучшим ответом на загадку жизни».

Раби Милтон Штейнберг. – Цит. по: Раби Йосеф Телушкин, «Еврейский мир. Важнейшие знания о еврейском народе, его истории и религии» / Пер. с англ. Москва, Гешарим, Иерусалим: Лехаим, 1997.

* * *

Пером и ручкой
Можно сделать то,
Для чего другим требуются
армии и народы –
Стать бессмертным.

3 августа 1999

ТВОРЧЕСТВО

Как пионер на Запад путь торит
В кибитке по Великому Каньону,
Шагаю на вершины пирамид
И вечно замираю изумлённый.

Я – фараон. Последняя строка
Окончена и светится звездой...
Я – мотылёк. Мой воздух – облака,
Где белый Бог качает бороδοю.

2000

ЭКЗИСТЕНЦИЯ

Ночь. Кров. Голова.
Ток вен.
Стук в грудь. Час. Два.
Глыбь. Сон стен.

Чук. Ламп резь. Шесть.
В штор брешь – рань.
Гуд. Гол. Есть.
Раз. Два. Встань.

16 июня 2001

Через поэзию язычество живёт в христианском мире. Поэт – это жрец, напоённый силою стихий...

17 апреля 2001

* * *

Кто любит Русь, как славу,
Добытую в бою,
Тот знает, что по праву
Язычество пою.

Религию Сократа,
Сень сакуры и муз,
Что чтли выше злата
И Кий, и Синеус.

Соборы и парады
Перуну посвятим.
Не ладаном, а Ладой
Свой род благословим!

Религию поэтов,
Как солнечный прибор,
Как Пушкин и Языков,
Как жизнь саму, воспой!

13 мая 2001

Хороша та власть, которой сопутствует и при которой расцветает красота.

4 июня 2001

«Боже, дай нам сил сделать нужное легким, а сложное – ненужным».

Григорий Сковорода

Ничего – это когда нет даже пустоты.

28 декабря 2001

Язык – это сакральное тело человека.

28 января 2002

«Как важно снег идёт,
Какой серьёзный снег!»

Из русского шансона

Жизнь – не комедия, а драма. К чему же я обязательно должен улыбаться на фото?

11 февраля 2002

«Я как-то одну интересную фразу прочитал: искусство – это умение убедить в недоказуемости».

Армен Джигарханян. Из интервью.
«Вечерние вести». 2002, 13 февраля, № 21 (717).

Кавычки (" ") как некий сакральный символ иронии и скоморошества.

20–21 марта 2002

«Это маленькое тело не маленькое: оно содержит вселенную. И это тело – не просто тело, это храм Бога».

Ошо. Беседы по песням Кабира // Человеку даны крылья. – М.: Нирвана, 2000.

«Жизнь – это синоним Бога, вселенная – это синоним Бога. Быть значит быть в Боге, нет другой возможности».

«Бог – это то, что происходит».

Ошо. Чашка чая (письма Ошо, написанные им в 1962 – 1970 гг.)
Человеку даны крылья. – М.: Нирвана, 2000.

«Мир совсем как политики: они обещают, но никогда не исполняют обещания...

Саньяса – это видение реальности мира, того, что он никогда не выполняет обещания, что он и не может выполнить их, что это выше его способности выполнять... тогда человек поворачивается в себя. Человек был нищим, попрошайничал от одной двери к другой; когда же он поворачивается в себя, нишета исчезает, он становится императором. Тогда всё принадлежит вам.

Тогда вам не нужно даже просить о чём-то – это просто ваше. Всё это существование принадлежит вам, вся его красота, все чудеса его, эти звёздные ночи, закаты и восходы, цветы и птицы – всё ваше. Не в том смысле, что вы обладаете этим – имеется в виду, что вы можете этим наслаждаться.

Саньясин учится тому, как получать удовольствие, а мирской человек учится тому,

как обладать. Не забывайте эти две вещи, они основные. Мирской человек думает лишь о том, как обладать будущим, он никогда не получает удовольствие, потому что все его мысли – только о том, как захватить побольше. А саньясин получает удовольствие, он радуется всему, что у него есть, и он наслаждается всем существованием, которым обладать не нужно.

Неужели вы полагаете, что сначала вам надо обладать звёздной ночью, и уже потом ею наслаждаться? Неужели вы полагаете, что сначала вам надо обладать всеми птицами, и уже потом наслаждаться их песнями? Не нужно обладать существованием! Тем не менее, вы можете наслаждаться. Оно принадлежит вам, если вы хотите наслаждаться, и оно не принадлежит вам, если вы хотите им обладать. Обладание им означает агрессию, это агрессия против Бога. Наслаждаться же им молитвенно».

Из главы «Пора возвращаться домой» // Ошо. Человеку даны крылья. Москва, Нирвана, 2000.

Жизнь есть Бог. Жизнь Божественна.

17 апреля 2002

«Кто сказал, что Творец живёт на небесах? А может быть, райские куши на самом деле не что иное как коралловые рифы на дне морском?»

Художник Василий Ходаковский
(галерея «Грифон», ул. Костельная, 6). Апрель, 2002

Поэт не должен уходить от скорбей. Его душа должна быть открыта всем ветрам и всем скорбям.

Ночь на 30 мая 2002

Поэту незачем стремиться властвовать над людьми. Ведь он уже – Демиург, создающий мир из словесных материй.

16 июня 2002

* * *

Всё оказалось красивой сказкой:
Нет ни Родины, ни вечной
молодости, ни любви...
Всему рождаться и всему умирать:
В сорок лет кончается детство.

2 июля 2002

Дорога – груда движущегося металла.

4 июля 2002

Смерть очевидна, как закат или рассвет.

16 июля 2002

Все язычники в душе – поэты. Современный пример – Япония.

17 июля 2002

В сорок лет начинается практическая подготовка к старости.

4 августа 2002

«Лучший способ подражать Хемингуэю – это быть таким же оригинальным, как он».
«Тургеневу не хватало здоровья Толстого и болезни Достоевского».

Из бесед с Константином Паустовским. –
«Зеркало недели», 2002, 6 июля.

После 85-ти живёшь уже как на автопилоте.

7 августа 2002

У романтиков друзья, как правило, – вдалеке.

8 августа 2002

Отличие от успешных коллег по «Укримпэксу»: я видел горбыль, ДСП, окатыши, профили, скучные спецификации... А они видели большие деньги.

1 сентября 2002

«Я знаю, что жизнь без книг, творчества, блестящих идей, любви – это вино без запаха, морская вода без соли».

К.Паустовский. «Блещающие облака», 1928

Никогда! Можно сойти с ума от этого веления времени.

3 декабря 2002

Поэзия – это живое биение минуты в Вечности. И одновременно – это переключ-ка через века, пророчество, разговор с будущим.

Поэзия – это то божественное, что всегда необъятнее мыслимого о ней.

14 марта 2007

«Счастье – величайшее достижение человека, отклик всей его личности на плодотворную ориентацию по отношению к самому себе и к внешнему миру».

Эрих Фромм. Человек для себя. – Минск: Коллегиум, 1992.

«Гормоны счастья» – эндорфины (выделяются при более чем 5-секундном вдохе и, соответственно, выдохе, в режиме диафрагменного дыхания).

Октябрь 2002

Обретя в жажде наживы свой личный миллион, человек теряет весь остальной мир. Вместо звёзд, океанов и моря душевных объятий ему остаются дача, железная «тачка», особнячок, невидимый даже с земной орбиты, короче крайне узкий мирок грубой материи, в который человек скрягой затягивает из «большого мира» какие-то бездушные предметы.

20 декабря 2002

* * *

Я вдаль стремлюсь к бытийственным лесам,
К базиликам холмов и царственным пригоркам,
К ключам небес и думам-облакам,
Хоть в торбе у меня – лишь хлебы да махорка.

Я – мира судия, ключ сердца бьёт во мне
Над правом Рима, правдой Ярослава.
Рабы! Поэты к праведной войне
В мечи перекуют вам ржавые орала.

19 января 2003

* * *

«Всё понять и, погладив, забыть», –
Ночь шепнула мне странное кредо.
Буду с ним ворковать до рассвета:
Как понять и, погладив, забыть?..

Ночь на 9 февраля 2003
Окончено 19 февраля 2003

Ощущать экзистенциальность существования и континуум истории.

26 февраля 2003

«Человеческие боги смертны, но религиозный дух вечен».

Г.Лебон

«Бог, женщина, природа, призвание, смерть. Всё, что имеет значение, ими исчерпывается».

Борис Пастернак

«Можно вам зачитать своё жизненное кредо?»

«Смотри на каждую утреннюю зарю, как на начало твоей жизни, и на каждый закат, как на конец её».

Александра Ивановна Проценко-Пичаджи,
председатель Федерации греческих обществ Украины // «Аспекты» /
«2000». 2003, 18-24 апреля.

«Дом не может быть жилищем человека, пока в нём нет пищи и огня не только для тела, но и для разума».

М.Фуллер Жемчужины мысли.
Минск: изд-во «Беларусь», 1991.

«Будь светом самому себе».

Будда. Последнее послание к людям

У каждой нации свой путь к Богу, у каждой личности – свой.

2 августа 2003

Поэзии чихать на то, что она неактуальна. Мы все умрём, а она останется.

14 августа 2003

«Сложное достижение ничего не стоит. Точно так же мы хорошо знаем, что основной признак гениального ума – простота».

И.Павлов

Сначала твои одноклассники исчезают как женщины, потом как люди.

6 октября 2003

Кто-то из французов заметил: переводы стихов, как женщины: если красивы, то неверны, а если верны – то некрасивы.

Осень 2003

Познание мира и наслаждение миром – вот смысл человеческой жизни.

4 ноября 2003

Мудрость и гениальность в одной личности встречаются далеко не всегда. Наполеон, к примеру, был гениален, но Талейран – мудр.

24 ноября 2003

Светло-скорбная муза Вертинского.

3 декабря 2003

Великая природа увяданья!

4 декабря 2003

* * *

Как женщина пройдёт мимо меня,
Не вздрогнув от стыда или огня,
Так в час глухой меня минует Бог
На самой главной из моих дорог.

Что впереди: монашество иль блуд,
В чём, не моргнув, ещё нас обманут?

Всё пройдено: и Бог, и Царь, и брат.
Всё начато и кончено стократ.

Для правды гол, слезою вымыт мир
Исхоженных в бессоннице квартир.

Как женщина пройдёт мимо меня,
Не вздрогнув от стыда или огня,
Так в час глухой да не минует Бог
Меня на главной из своих дорог.

4 декабря 2003

Формула нелинейной жизни: 1 одиночество + 1 одиночество = Счастье или Отчаянье.

12 февраля 2004

* * *

В век базарный, злой, смешной
Мы – торговцы тишиной.
Тишина – заветный клад:
Пусть «крутые» помолчат.

5 мая 2004

ДОПРОС

Дрогнул затвор пробудившихся век:
– Время? Отечество? Век?
Сон твой расстрелян:
Как дух, улетел.
Помнишь расстрел?

– Где я летал? Кто я?

– Ты – человек.

Время? Отечество? Век?

30 мая 2004

МАМЕ

Мама, люблю ли я тебя?
– Нет. Это выше любви.

Даже космос уже, чем ты.

Я – лишь частичка тебя, мама...

4 июня 2004

«Цзы-ся сказал:

– Учёность, твёрдость устремлений,
Пытливость, озабоченность всем близким –
В этом состоит человечность».

Конфуций. Гунье Чан (Гл. 5)

* * *

Ни отца, ни брата,
Ни родной сестры,
Ни жены, ни свата,
Ни детей, увы.

Ни кота с собакой,
Ни машин, ни дач.
Даже если плакать,
Не услышат плач.

Не житьё – житуха,
Келья – не жильё...
Муха-шкотуха –
Всё моё живьё.

Только солнце – в окна
И трубит весна:
«Отворяй же кокон,
Сей же семена!»

Поклонюсь Яриле,
Помолюсь Весне.
Только нету крыльев
На моей спине.

6-9 июня 2004

В мире нет ничего однозначно плохого и однозначно хорошего. Мету соотношения между ними каждый определяет для себя сам.

5 августа 2004

Воспринимать жизнь поэт должен не на политическом, историческом или социальном, а глубже – на энергетическом уровне.

22 августа 2004

Есть два совершенно разных типа эмиграции: эмиграция от «избытка любви» к родине и эмиграция от «недостатка любви». Первая есть продолжение борьбы за родину и народ в обстоятельствах вынужденной эвакуации (белые добровольцы) и предполагает неразрывную духовную связь с Отечеством, вторая же (например, экономическая эмиграция из постсоветской России) означает добровольный отказ от почвы, традиции, родного языка и т.д. ради материального благополучия.

2 января 2005

От акмеистов душа полнится божественным восторгом, от прикосновения таких поэтов, как И.Жданов (пусть и несомненно талантливых) всё дышит смертью и разлагается.

2 января 2005

Дети придают видимость смысла человеческой жизни.

8 января 2005

Искусство есть способ борьбы с мировым хаосом.

10 января 2005

Состояние человеку духа нужно лишь для того, чтобы оттенить всю ничтожность тех, кто сделал вещи своим идолом.

15 января 2005

* * *

К чему мне плоть, когда душа в огне
И, как в пожар, сорвав плюмаж одежды,
Бьют петухи багровые во мне
Крылами крика страсти и надежды.

15 января 2005

Постмодернизм успешно претворяет хаос, но гармонизировать его (через слово вернуть его к мировому порядку) способен лишь поэт-неоклассик, продолжатель акмеистской традиции.

15 января 2005

Эпитафия на могиле Брехта: «Здесь лежит человек, который всё время сомневался».

Миссия поэта – в сцеплении рвущихся к хаосу реальностей, их «восмысление».

Париж, 6 апреля 2005, 6.30 утра

* * *

Душе, как Шамбале, наружный этот мир
Распахнут настезь, зрим, боготворим,
Нам всё знакомо здесь:
и вёсны – это мы,
И жаворонок выпеченный – мы.

И всё нам ведомо. Вселенная – душа.
Про внутренности ж наши не шипа
Не ведаем, не зрим. И презираем
Венозные их реки, клетки, слизь,
Подкожных царств загробный, душный запах...

Внутри себя не видим и не знаем
Мы ничего про этот странный мир.
Он так далёк от азбуки квартир,
Он чужд уюту звёзд, от космоса внутри
Мы далеки, как дворнику – пришельцы.
Вселенная, мы в космос твой вошли
Одной душой. Тела ж нам – пирамиды,
Как дыры чёрные от Бога... В нас, внутри
Всей жутью напирает Атлантида...

И где изнанка – мы иль этот мир,
Припёкшийся к нам стенкою кирпичной,
Морями, облаками и судьбой?

Прозрев же, видим: чернотнебье – в нас,
И тьмы египетской не выскрести из плоти.
Душе родней скопленья чистых звёзд,
Чем огненная лава нашей крови.

9 апреля 2005

Пииты – собратья по донкихотскому искусству творчеством одолеть пески времени. А может, и одолеем и потусуем за горизонтом...

10 июля 2005

Нет ничего грустнее, чем начинающие после сорока поэты.

11 сентября 2005

Суета – лучшее лекарство от депрессии, от столкновения с экзистенциальной трагедийностью жизни.

3 октября 2005

Огонь и тишина – вот боги сей земли.

Октябрь 2005

«У Гёте есть гениальная фраза про старость: «Всё, что было близко – отдаляется». Я этого боюсь».

Из интервью с А.Джигарханяном.
«Аргументы и факты», октябрь 2005, № 40.

Настоящий Поэт – это всегда сплав сиюминутного и великого.

12 ноября 2005

Семь шипов являют мне душу:
 Луна, поблёкшая с рассветом,
 Гладь озера без лотосов на ней,
 Стареющая женщина у зеркала,
 Мудрец, лишённый дара слова,
 Царь, ослеплённый блеском лести,
 Достойный муж, убитый горем,
 Подлец, резвящийся у трона.

Из подборки стихов «Лепестки мадухи.
 Вольные переложения индийской лирики
 II-X вв.», «Звезда Востока», 2005, № 1.

Бывает, что снятся не образы и события, а чувства.

15 ноября 2005

От стихов Пушкина остаётся восторг и упоение, от стихов Ивана Жданова – мороз по коже.

12 декабря 2005

Женщина – твой друг лишь пока ты – не с другой женщиной.

13 декабря 2005

Декадентская литература всегда направлена на уменьшение пассионарности в человеке.

14 декабря 2005

Мертвечина как сухой остаток «метареализма»

Письмо о творчестве Ивана Жданова

Подумал, что слишком резок был по отношению к творчеству и творческой позиции Ивана Жданова. А ведь его «Избранное» я взял с собой, что уже о многом говорит. Снова открыл, перечитывал, многое восхищало, был уже на пороге извинения за допущенную резкость. Но все равно ощущение какой-то тяжести, придавленности, безысходности не оставляло, и в душе опять вскипал протест. Ведь когда о трагедии пишет Шиллер, Толстой, Ницше, Платонов, Пастернак, В. Шаламов или, при всей критике, Солженицын, душа просветляется, освещаясь познанием и драматической красотой-мистерией жизни, потому что за всеми ужасами стоит пассионарная, жертвенная своей избыточностью, зовущая к Преображению душа автора.

И вот, чтобы не быть голословным, решил привести несколько цитат из Жданова. Отбирал я их без всякой системы, произвольно листая книгу, мог бы подобных строк набрать еще множество, их в книге, как грибов после дождя:

Мы умираем понемногу,
 мы вышли не на ту дорогу...
 Сквозь эту ночь в порывах плача
 мы, больше ничего не знача,
 сойдем в костер своих костей.

(«Такую ночь не выбирают...»)

Как будто время корчится петлей
 В самом себе и путает события.
 И мой близнец, отравленный тоской,
 все ищет мир, не тронутый золой,

пытая сущность самого наитья
и свой удел держа моей рукой.

(«Попробуй мне сказать, что я фантом...»)

«...в слоеном сугробе агоний... луна обтянута кожей...здесь глушь затмевает
глушь...колодцами лунных статуй, тыходишь в каждый из них смертью моей и всех...
Тает морозный нерв – не выпускает страх»

(«Оранта»)

Молча яблоко рта разломи молодым
языком пустоцвета².

Ветер ширму повалит с пейзажем ночным,
но не будет рассвета.

(«Тихий ангел – палец к губам – оборвет разговор...»)

Так шагни в этот зев, затаивший последнее слово,
в этот ложный ответ на его же пустую загадку,
в этот жлабиринт и подобие вечного крова,
в этот свет-пересмешник, сведенный к немому остатку.
И царь-колокол там не звонит, и царь-пушка, увы, не стреляет,
Медный всадник не страшен, и все потому, что пространство
канцелярски бесстрастно тебя под ответ подгоняет,
провоцируя зависть и гордый нарыв самозванства.

Ты способен извлечь доказательство права на дулю
самому бытию в виде царских родимых отметин,
словно ты – Себастьян, тот, что кожей выплевывал пули,
ты соправен природе и этим себе незаметен.
Самовластный, как Рекс или Каин с клеймом абсолюта,
прирученный ловушкой, избравший содом тяготенья,
ты живешь, как мертвец, потому что позволил кому-то
убивать без разбора все то, что претит приручению.

Да, ты вышел нагим, но успел обрасти позолотой
Ежедневной приязни, влюбленности в самоубийство.
Ты безумен, как тать, продырявивший бездну зевотой,
Заполняемой наспех дурманящей страстью витийства...

(«Ниша и столп»)

Как пишет в предисловии к цитируемой здесь книге И.Жданова «Избранное»
Д.Бурого: «В его стихах невозможно появление случайного слова или созвучия. Здесь
мандельштамовская «ясность ясеневая» и безоговорочная ответственность за про-
изнесенное». И далее: «В многослойном образе ждановского стиха читатель ощу-
щает невероятную достоверность».

И.Жданов учит видеть ниши, пустоты, зевы и провалы бытия, учит мировую
«музыку раззять, как труп», но не знает для чего и что с этим делать: «Так шагни в
этот зев, затаивший последнее слово, в этот ложный ответ», «Как будто время
корчится петлей В самом себе...». У Жданова, как у Федора Сологуба, мотив смер-
ти, мотив бесовщины доминирует над всем, но при этом, сколько сердца, сколько

² Из словаря В.И.Даля: «Пустоцвет, вообще, цветок без завязи, неплодный; это либо цветы плодни-
ковые, но выродки, либо тычинковые, с одним цветком (мужские), на которых плода не бывает. И
красно, и пестро (говорит он), да пустоцветом».

невыразимого, но достоверного страдания и сострадания, какой точнейший об-разный строй у Сологуба и какая холодная отрешенность в стиле «Каждый молод, молод, молод, В животе чертовский голод, Будем лопать пустоту», абсолютная безнадега, перекошенность без всякой меры лица мира в сторону зла и смерти, отрицание самой возможности Преображения – у Жданова.

У Ф.Сологуба, не говоря уже о Гомере, Шекспире, Гете, Пушкине, Лермонтове, Фете, В.Соловьеве, Бодлере, Рембо, Э.Диккинсон, Пастернаке, Мандельштаме, Ах-матовой, Цветаевой, Гумилеве, Блоке, Северяnine, Есенине и Маяковском, Возне-сенском, Высоцком, Тарковском, Вышеславском, Кручике, Кабанове и прочая, и прочая... вектор человека направлен вверх, к Небу, где любовь и ненависть, боль и надежда, где духовный поиск, познание и движение. У очень талантливого Ивана Жданова вектор человека направлен вниз, там где ничтожество и презрение чело-века, где нет и не может быть Человека, где есть лишь лишенное набоковского изя-щества Приглашение на Казнь. Ждановские метафоры часто чертовски глубоки, точны и величественны, но они не складываются в великую Поэзию, потому что от их стыковок дышит мертвечиной, пустыней, распадом. Они пожирают сами себя, оставляя только духовную золу.

Я не поклонник Маяковского, но я признаю в Маяковском великого поэта. И хочется, без ложного пафоса, вместе с ним сказать:

«Ненавижу
всяческую мертвечину!
Обожаю
всяческую жизнь!»,

или, по крайней мере, хотя бы так:

«И я люблю сей мир ужасный...»

Блок

И при всем при этом я очень ценю Ивана Жданова как поэта, ведущего свобод-ный диалог с Вечностью как бы вне Истории, и восхищаюсь его метафорическим талантом.

29 января 2006

Поэзия, которая пишется не для вечности, – пустая забава.

25 февраля 2006

«Когда у тебя есть дети, ты живёшь, как собака, но умираешь, как человек. А когда нет детей, живёшь, как человек, но умираешь, как собака».

Родион Шедрин. Шуточный афоризм

Быть может, наша Вселенная со всеми шекспировскими драмами и душевными безднами – лишь точка на заднице Слона? И когда рушатся империи, пылают храмы и Молох войны пожирает миллионы жертв, у этого Слона лишь слегка зудит одна точка под хвостиком, не в силах прервать его полуденный сон?

Но если вдруг отовсюду пойдут гниение и распад, мы, быть может, поймём, что Слон умер.

17 апреля 2006

Подлинное искусство, во-первых, всегда сакрально. В нём всегда – божествен-ное дыхание. Во-вторых, искусство всегда «цепляет».

1 июня 2006

* * *

Огромной чёрной смородиной
Ринулось небо навстречу мечте.

22 июня 2006

«Перед лицом небытия – все явления братья».

Н.Гумилёв.

Поэзия – это всегда прорыв в континуум, прорыв к тайне и бездне.

19 сентября 2006

НЕОКОНЧЕННОЕ

Горы пепла стоят перед нами,
Горы серого пепла годов.
Скоро Вечности грянет
цунами...

Начало октября 2006

В таких странах, как Афганистан, где всюду нависают угрюмые скалистые горы,
у человека не возникает соблазна возомнить себя царём природы, её покорителем,
как на ухоженной и уютной равнине старушки-Европы.

6 октября 2006

* * *

И «Волги», и волхвы
язычески прекрасны.
И звёзды со Звездой
на вечевой груди.
Пусть наши поезда
уходят на запасный,
Но нам не лебедой,
а лебедем расти.

Нам тысячи богов
и тьмы небес не хватит,
Чтоб сеточку понять
на длани и в горсти,
Чтоб слово удержать,
как солнце на закате
Пылинкой золотой
последнего «Прости».

Не сказкой Рождества –
доярки и дояра
Священным молоком
в нас вскормлены слова.
То с длани, то с горсти,
где Парки ткут упрямо,
Трубит и бьёт беду крылами караван...

О, лебеди мои, словами солнцелики!
Стихией дозор, как реквием, снежит.
И в капиша опять святятся базилики,
И Волга без колёс бессмертная бежит.

7 октября 2006

Поэзия должна служить просветлению великих тайн бытия.

9 октября 2006

Актёры сродни эксгибиционистам.

Жизнь пошла по совершенно другому руслу. Неисповедимы пути Господни.

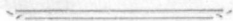
Ночь на 3 ноября 2006

В наше жесткое время аристократы духа должны по крайней мере не уступать плембу ни в чем, что делает человека прекрасным по Чехову. В частности, с легкостью осваивать карьеру, деньги, модную одежду, авто, рестораны, курорты, чтобы с такой же воздушной легкостью отстраняться от всего этого хлама для общения с высшими сферами Духа, Искусства, Любви, Логоса, Неба, нося в себе прозрачный божественный Храм. Не этому ли предвосхитительно учили нас акмеисты?

11 декабря 2006

Мир языковых смыслов – это и есть бескрайний континуум нашей вселенной.

17 февраля 2007

ИНДЕКС

Для физических лиц – 831.

Для юридических лиц – 832.

Журнал зарегистрирован
Агентством печати и информации
Республики Узбекистан.
Пер. # 0296.

Адрес редакции:
700129. Ташкент, ул. Навои, 30.

Электронная версия журнала: www.zvezdavostoka.uz

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Перепечатка без соглашения с редакцией не допускается.
Ссылка на журнал «Звезда Востока» обязательна.

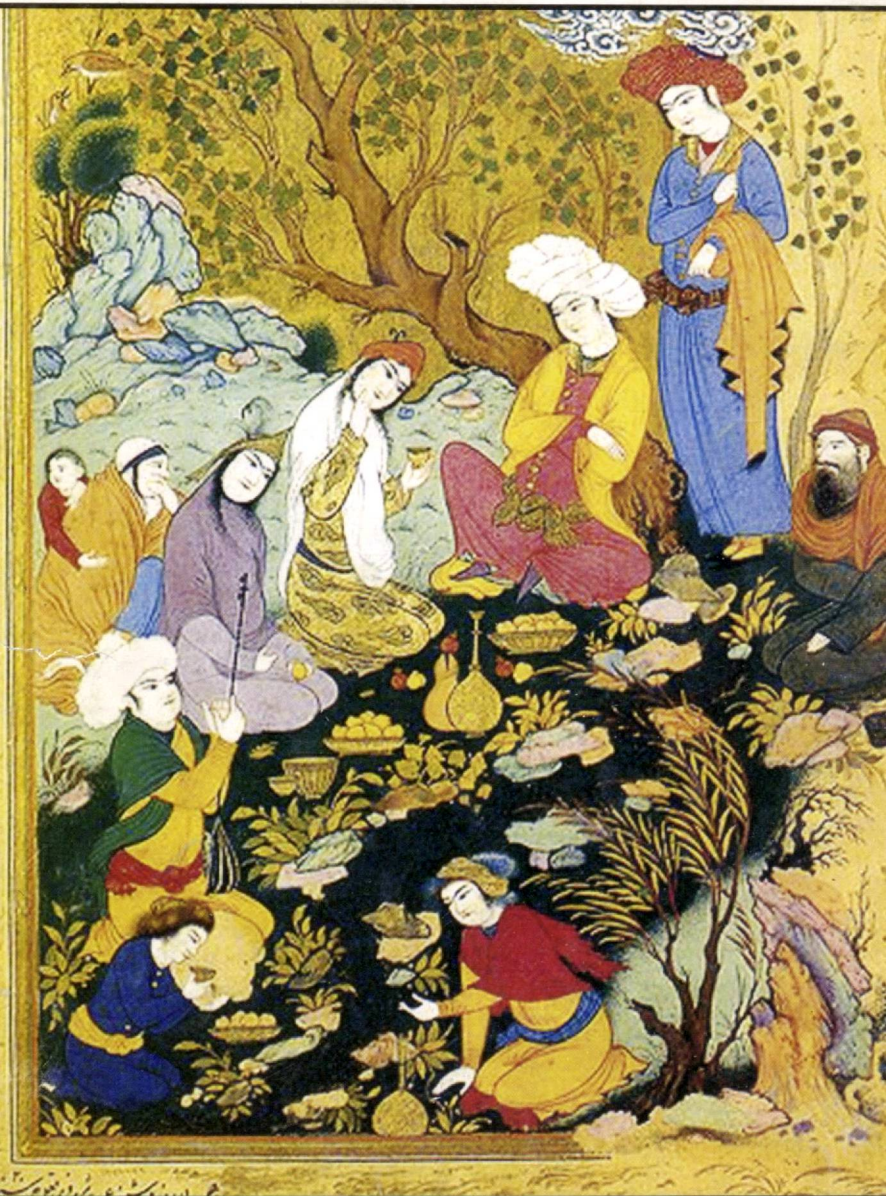
Редакция журнала уведомляет авторов о том,
что к рассмотрению принимаются рукописи,
выполненные в компьютерном наборе
(набор текста в любом формате с приложением дискеты и распечаткой).

Подписано в печать 07.04.09.
Формат 70 x 108 1/16. Офсетная печать.
Усл. п.л. 12,60. Уч. изд.л. 14,86.
Тираж 600 экз. Заказ №
Цена договорная.

Отпечатано в ДП «Poli-Press»

1105 3260

ЗВЕЗДА ВОСТОКА # 4 2008

ЛИТЕРАТУРА ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИЯ КРИТИКА
ПУБЛИЦИСТИКА АРХИВЫ